

НОВОЕ ВРЕМЯ

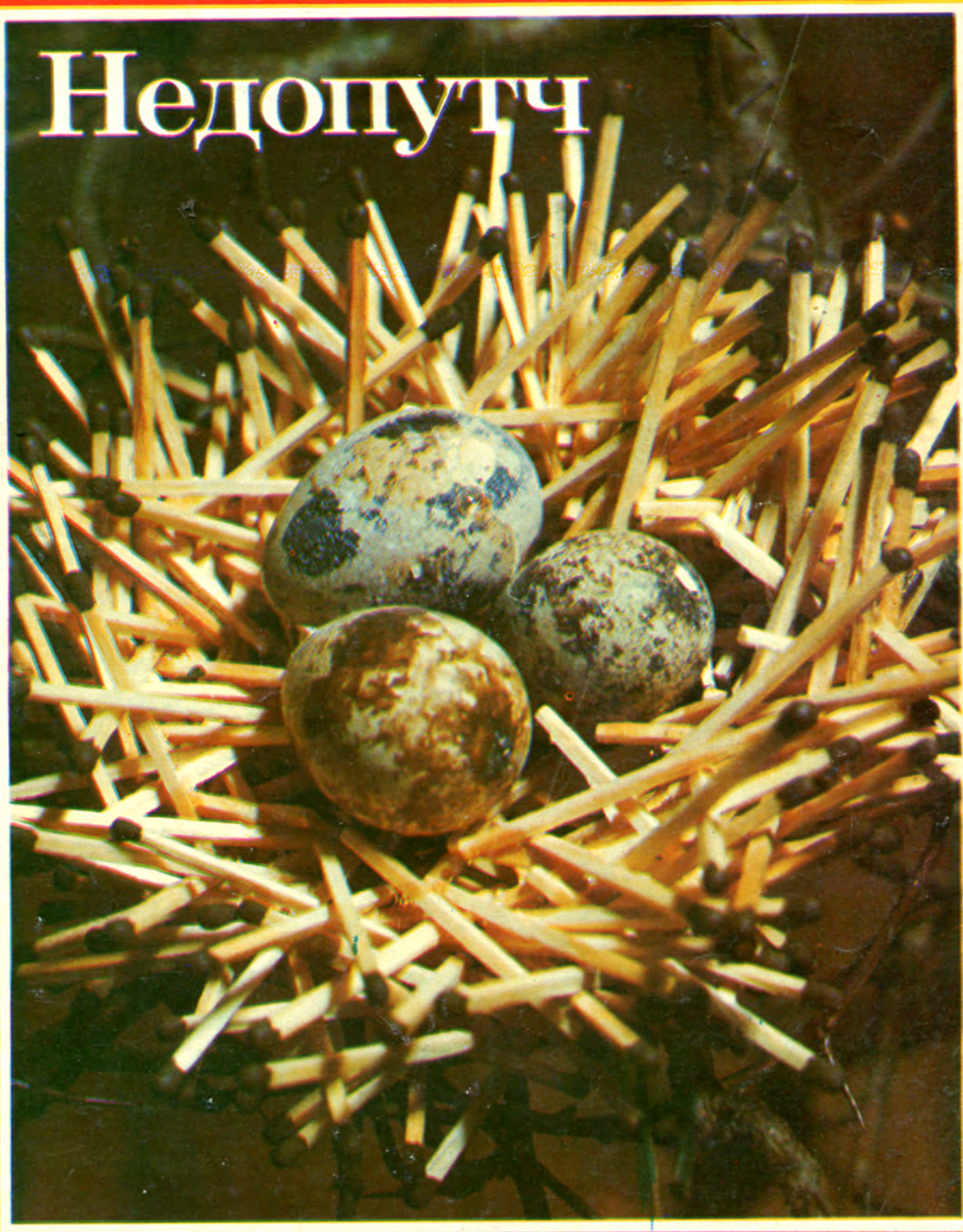
сентябрь 1991

Резидент
КГБ в
Афганистане
сообщает...

38

Цена 60 коп.
Индекс 70621

Недопутч

ISSN 0137 - 0723

«НВ» предупреждал: перевороты опасны для здоровья

Для армии, КГБ, КПСС «НВ» был запретным чтением. Мы предупреждали гзачепислов персонально — они не услышали наших предупреждений. Мы требовали отставки председателя КГБ за два месяца до того, как он арестовал Президента страны. Они совершили фатальную ошибку, не читая «НВ». Не повторяйте этой ошибки Вы!

Цена журнала в киоске в будущем году — 1 руб. 85 коп. Стоимость 1 номера по подписке — В 3 РАЗА ДЕШЕВЛЕ — 59 коп. Подписная цена: — на год — 30 руб. 68 коп., — на полгода — 15 руб. 34 коп., — на 3 месяца — 7 руб. 67 коп., — на месяц — 2 руб. 56 коп. Индекс 70621

«НОВОЕ ВРЕМЯ»
— элитарный
журнал
для всех!

Читайте в этом номере:

СТРАНА

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ В. Тишков	ТЯЖЕЛО СОЮЗ СОХРАНИТЬ, ЕЩЕ ТРУДНЕЕ УНИЧТОЖИТЬ	4
ГОРЯЧАЯ ТОЧКА Г. Ариевич	ПОРТРЕТ СОЛНЦА НА ФОНЕ СУМЕРЕК	7
Т. Чхеидзе	«ГАМСАХУРДИА СДЕЛАЛ ИЗ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ НЕЧТО ОМЕРЗИТЕЛЬНОЕ...»	8
ЭКОНОМИКА Г. Фильшин	КАК ПОДЕЛИТЬ ДОЛГИ НАШИ ТЯЖКИЕ?	10
ПОСЛЕ ПУТЧА Ц. Карп	РЕШАТЬ ЗА СЕБЯ	12

МИР

ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ Г. Сидорова, К. Исаков	ЧЕРЕЗ ТЕРНИИ В ЕВРОПУ	14
ЮГОСЛАВИЯ Г. Сысоев	ГОД БЕЗ КОММУНИСТОВ	17
СССР-КУБА В. Соболев	ПОДОБРУ-ПОЗДОРОВУ	18
ВЗГЛЯД ОБОЗРЕВАТЕЛЯ Д. Згерский	ВСЕ ЛЮДИ БРАТЬЯ, ЛЮБЛЮ С НИХ БРАТЬ Я	19
БАЛТИЯ М. Безруков	РАЗВОД ИЛИ РАЗДОР?	20
ШВЕЦИЯ А. Полюхов	СПУСК КРАСНОГО ФЛАГА	22
ЯПОНИЯ В. Овсянников	С КЕМ ВЕСТИ РАЗГОВОР	23
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ		
Р. Борецкий	МЕСТО В ИСТОРИИ ДЛЯ ГЕНЕРАЛА ЯРУЗЕЛЬСКОГО (окончание)	24
АНГОЛА В. Кокорев	ОБЪЕКТ НОМЕР ОДИН	28

ТРЕТЬЯ КОРЗИНА

ЭССЕ В. Петрушин	БРЕД ВЕЛИЧИЯ	30
ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА С. Соловейчик	АНТИ-«КАПИТАЛ» (продолжение)	33
ЗА КУЛИСАМИ НЕОБЪЯВЛЕННОЙ ВОЙНЫ А. Морозов	КАБУЛЬСКИЙ РЕЗИДЕНТ	36
ПРАВА ЧЕЛОВЕКА Лорд Н. Бетелл	ОЛЕГ И ЛЕЙЛА	40
РУКОПИСИ НЕ ГОРЯТ М. Новак	ДУМ ВЫСОКОЕ... ПАДЕНИЕ	41
КИНО Н. Зоркая	«ОБЛАКО-РАЙ» НАД ОЗЕРОМ ЛАГО-МАДЖОРЕ	46
СМЕХ СКВОЗЬ СЛЕЗЫ В. Ганюшкин	ИМУЩЕСТВО: ДВИЖИМОЕ И НЕ	48
ПОЧТА (2), ЛИЦА (44)		

Баррикады в центре Тбилиси: президент утрачивает доверие народа?
Стр. 7

Из опыта советских мавзолеестроителей

Стр. 28

Семья Гордиевских воссоединилась, когда сам шеф КГБ оказался под следствием

Стр. 40

Главный редактор

**Александр
ПУМПИАНСКИЙ**

Редколлегия:

Александр АРТЕМЬЕВ,
коммерческий директор,

Лев БЕЗЫМЕНСКИЙ,

Алексей БУКАЛОВ,
ответственный секретарь,

Виталий ГАНЮШКИН,
первый заместитель
главного редактора,

Сергей ГОЛЯКОВ,

Лев ЕЛИН,

Никита ЖОЛКВЕР,

Виталий ИГНАТЕНКО,

Леонид МЛЕЧИН,
заместитель главного
редактора,

Галина СИДОРОВА,

Марина ШАКИНА,

Игорь ШЕИН,
главный художник

**Собственные
корреспонденты
журнала работают:**

в Белграде, Берлине, Бонне,
Бухаресте, Варшаве, Вене,
Дели, Лондоне, Праге, Претории,
Мехико, Нью-Йорке, Риме,
Софии, Стокгольме, Токио

**Учредитель —
журналистский коллектив
«Нового времени»**

Выходит на русском,
английском, немецком,
итальянском языках

**Наш адрес: 103782, ГСП,
Москва, К-6, Пушкинская пл.
Тел. 229-88-72, 209-07-67
Телексы: 411164a newt SU,
411164b newt SU
Телефаксы: 200-42-23;
200-41-92**

Отдел рекламы: 209-92-82
Печатается в типографии
«Московская правда»

© «Новое время»

■ С огромным удивлением и недоумением наблюдал за обсуждением закона о въезде и выезде в стенах Верховного Совета СССР, да и на страницах «НВ». Все споры «кружились» вокруг вопроса, сколько этот закон будет стоить. Но никто не сказал: «Товарищи дорогие! Да этот закон принесет нам миллиарды. И не рублей, а валюты. И не в далеком будущем, когда наши соотечественники ринутся на Запад для заработков, а на следующий день после принятия закона!» И вот почему. Наша граница — это составная часть ГУЛАГа, его, так сказать, последний забор. Огромные средства были вложены и продолжают вкладываться не на то, чтобы остановить шпионов, а для того, чтобы не ушли наши граждане без разрешения властей. Зачем нам теперь такие многочисленные погранвойска и строго охраняемая граница? Все это было сверхдорогим раньше, а теперь, в кризисной ситуации, просто разорительно.

После ввода в действие закона мы можем честно

сказать финнам: «Господа! Если вы не хотите, чтобы ваша граница была затоптана в две недели, то поставьте надежную охрану и мобилизуйте все мужское население страны. Либо... содержите наш финский пограничный округ за свой счет». Думаю, те страны, которые граничат с нами, поймут, что им выгоднее: собственное спокойствие и благополучие или незащищенная граница.

Резюме. После принятия закона о въезде и выезде наша граница должна быть демонтирована. На ней надо оставить только столбы и контрольно-пропускные пункты для удобства перехода. Финны, поляки и другие народы пусть сами ловят наших бомжей и судят их по своим законам, сажают в свои тюрьмы-«санатории».

Валерий Очков
Москва

■ Совершенно не согласна с претензиями в адрес «НВ», высказанными в письме военнослужащего Г.Бури (№12/91). Думаю,

плюрализм вовсе не в том, чтобы печатать на страницах одного издания полярные политические взгляды. Я никогда не хотела видеть на страницах журнала ползковых, нинандреевых, черно-красных полководцев и имперцев. Я человек эмоциональный и возмущилась атакой на Т.Иванову и С.Соловейчика. Вопросы они поднимают самые злободневные, пишут с блеском. Хватит разоблачать, писал о них Г.Буря. Не помню, кто именно сказал: «Журналисты — сторожевые псы демократии». Еще недавно нашим журналистам сторожить было нечего. За неимением демократии. Но при наличии тоталитаризма у журналистов задача — разоблачать. А это тоже опасная и благородная миссия. Разоблачая, эти авторы помогали холопу превратиться в гражданина. Какого же еще созидания ждал ваш читатель от публицистов? Что ж, им кирпичи таскать или плацу маршировать? А вот генералитет и полковники в красно-черную полосочку вряд ли переработали. Но

Третья сила. Кто они?

■ Создание в 1919 году в Германии национал-социалистической партии никто не принял всерьез. На завсегдатаев мюнхенских пивных с их шумными выходами смотрели как на заурядных хулиганов. Дескать, кто за ними пойдет, немцы серьезные и культурные люди. Но немцы пошли.

Мне кажется, что у нас недооценивают опасность доморощенного фашизма. Фашизм — это ненависть к инородцам, к политическому плюрализму, к либеральной интеллигенции. Это тяга к твердой руке, к «порядку». Это готовность применить насилие к неугодным. Всеми этими качествами обладают так называемые национал-патриоты.

В стране сложилась обстановка, напоминающая Веймарскую республику 20-х годов. Глубокий экономический кризис, тяжелое материальное положение населения, неверие руководству страны, усугубляемое международными конфликтами и распадом СССР, — все это создает благоприятный фон для укрепления своих позиций третьей силы.

На президентских выборах в России наш «фюрер» Жириновский (как бы он себя ни называл) вышел на третье место, набрав почти 8 процентов голосов.

Успехи демократов приведут к консолидации таких реакционных сил, как:

Коммунисты-ортодоксы

Эти люди ничего не забыли и ничему не научились. Их гложит тоска по прошлому.

Монархисты-почвенники

Видимо, наивно думать, что в конце XX века Россия свяжет свою судьбу с восстановлением монархии, замкнувшись в себе и изолировавшись от всего мира. Среди лиц, возглавляющих это течение, есть люди талантливые и авторитетные, такие, как В.Распутин, В.Белов, В.Солоухин, И.Шафаревич. Заслуживает уважения их бескомпромиссная борьба за восстановление русской деревни, за сохранение чистоты природы. Однако поиски врагов среди инородцев, обвинение демократов в стремлении распродавать Родину иностранцам толкают их в объятия национал-патриотов.

Великодержавники

Их главная цель — сохранить державу единой и неделимой, вернуть ей былые «величие», а уж под каким флагом — это вопрос второстепенный.

Национал-патриоты

В ближайшее время они будут представлять для демократов большую опасность. Ельцину дан кредит доверия на 1—1,5 года. В случае отсутствия сдвигов в сторону улучшения жизненного уровня населения многие от него отвернутся и часть пойдет за «патриотами».

Юрий Лукьянов
Одесса

Третья сила

Открытие границ сэкономит миллиарды

Журналисты — сторожевые псы демократии

перекомандовали — точно, и не только в армии.

Н.Смацкер (Данилова),
рабочая
Минск

■ Сегодня наша страна не имеет наибольшие в мире по отношению к валовому национальному доходу военные расходы. Мы по-прежнему без всякой необходимости содержим трехмиллионную армию. Прибалтика объявила о независимости, но желает при этом сохранить связи с СССР не только в экономической сфере, но и в оборонной. А военные утверждают, что для СССР возникает угроза нападения потенциального противника через территорию Прибалтики. Но еще Ленин согласился с независимостью этих стран. Тот самый Ленин, именем которого сегодня так любят клясться военные. Прибалтийские государства раньше других завязали с нами дипломатические отношения. Мы вроде бы признали, что Прибалтика была захвачена Сталиным в результате сговора с Гитлером и что при нападении фашистов на СССР этот сговор ничем нам не помог. Почему же руководство армии сопротивляется независимости Прибалтики? Не слишком ли дорого обходится нам стратегическая мудрость генералитета?

Достаточно вспомнить хотя бы деятельность генерал-полковника Родионова, который под флагом борьбы с сепаратизмом разжег в Грузии сепаратистские стремления. Во многом из-за трагических событий 9 апреля в республике пришло к власти антикоммунистически и антисоветски настроенное правительство. Точно так же мы ухитрились испортить отношения с Арменией. И занимаем в армяно-азербайджанском кон-

фликте отнюдь не нейтральную позицию.

Вместо постоянных разговоров о том, что кто-то дискредитирует нашу армию, надо призвать к ответу те армейские чины, которые сами ее упорно дискредитируют.

Адриан Македонов,
человек вполне штатский,
но имеющий основания
считать себя патриотом
своей страны
Санкт-Петербург

■ Материал В.Петрушина «Сгоревшие души» (№ 25/91) о большой психике нашего общества еще недавно причислили бы к тому, что могло бы «серьезно подорвать устои нашего государства». И автор в былые годы вряд ли избежал бы психушки за такую «вредоносную» работу. Но сейчас другая эпоха, и дай Бог Петрушину еще не раз публиковаться с подобными материалами, и, конечно же, в «НВ».

Я хотел бы предложить свою помощь в лечении общества путем осуществления национального проекта содействия «Всемирной кампании ООН по информированию общественности о правах человека», путем преподавания прав человека в начальной и средней школе, а также путем распространения других инициатив ООН в области прав человека. Цель проекта — повысить уровень культуры и увеличить интеллектуальный потенциал нации.

Для тех, кто заинтересуется нашими идеями, сообщая адрес:

Москва, 129010, проспект Мира, 36, к.302, Центр «За советско-американский диалог», московский офис, группа «Права человека: взаимозависимость всей жизни».

Телефон: 280-41-66.

Факс: 288-9587.

Телекс: 411426 Mir SU

Георгий Сухомлин,
координатор группы
Московская область

■ Следствие против руководителей неудавшегося переворота не должно пройти мимо их активного участия в искусственном разжигании армяно-азербайджанского конфликта из-за Нагорного Карабаха и особенно мимо такого тягчайшего преступления, как депортация жителей армян-

Я ТАК ВИЖУ

Рисунок Виктора Богорада

ских сел. Совершили это, правда, не одни, а с помощью таких, например, соратников, как В.Поляничко, секретарь по идеологии ЦК КП Азербайджана, и Л.П.Кравченко. Последний обеспечивал поток лжи и дезинформации вокруг этого преступления. Между тем профессиональный и моральный облик двух этих деятелей не составлял тайны ни для народа, ни для М.Горбачева. Для этого достаточно вспомнить публикации о них в «Новом времени».

Я прошу президентов Михаила Горбачева и Бориса Ельцина, всех поборников справедливости и мира в этой многострадальной стране принять какие только можно меры по устранению преступления, безоговорочно и безотлагательно вернуть жителей к их родным очагам, а заодно начать процесс по возвращению в свои дома всех остальных незаконно депортированных граждан СССР: турок-месхетинцев, азербайджанцев, русских. Надо срочно принять указ по этому вопросу

и обеспечить его выполнение.

В.Аванесов
Москва

■ Опубликованные вами (№27,28/91) материалы о нашей «исправительно-трудовой системе» наводят на тяжелые раздумья. Это только на первый взгляд может казаться, что они ограничиваются исследованием нравов в тюрьмах и лагерях. По-моему, речь идет о всем нашем больном обществе. Из общества люди попадают в тюрьмы, из тюрем возвращаются в общество. Конвейер. То, что в обществе способно маскироваться, в лагере вырывается наружу, цинично обнажаясь. И мы видим ужасную изнанку зверской природы человека. Что мы за люди, да и люди ли мы? Для чего нам дан разум? Назовите мне животное, которое способно на такие извращения, как человек. Касты в тюрьме, а разве их нет на так называемой свободе?

Арнольд Анушкин-Тимофеев
Москва

Подборку подготовила Т.Чернова

Тяжело Союз сохранить, еще труднее уничтожить

Валерий Тишков,
директор Института этнологии АН СССР

Удастся ли новым образованиям не повторить один трагический эксперимент в 15 уменьшенных вариантах?

Хотя руководители путчистов обещали не вводить чрезвычайное положение на Украине, в Белоруссии, Казахстане и республиках Средней Азии, а Янаев объявил о полученной им поддержке со стороны автономий, путч нес угрозу национальным движениям среди нерусского населения страны.

«Циничная спекуляция на национальных чувствах — лишь ширма для удовлетворения амбиций» — так в «Обращении к советскому народу» путчисты определяли сложный и глубокий процесс суверенизации союзных и автономных республик.

Казалось, подобное заявление должно было вызвать тревогу у лидеров этих республик. Однако ход событий, как и волеизъявление между участниками этой исторической драмы, оказался гораздо сложнее...

Новая Россия

В большинстве союзных республик основой массовых действий и политического размежевания стала национальная идея и этнонационализм в его прокоммунистическом или антикоммунистическом вариантах, исповедуемый соответственно старыми или новыми по-

литическими элитами доминирующих этнических групп. Главный вектор политической борьбы и национальных движений был направлен по вертикали «вверх» — против русскоязычного центра и «вниз» — против этнических меньшинств или так называемого некоренного населения. Пожалуй, только на Украине и частично в Азербайджане главными были противоречия между национал-коммунистами и национал-радикалами.

Принципиально иное — в России. В этом огромном многоэтничном образовании, но с очень высокой долей одного доминирующего народа — русских национальная идея не получила широкого распространения.

Причины? Прежде всего — многонациональный состав того мощного слоя российской демократии, который оформлялся за годы перестройки в Москве, Ленинграде и ряде других крупных городов и фактически возглавил процесс демократических преобразований в общесоюзном масштабе. После выборов 1990 года в республиканские и местные органы власти и выборов президента и мэров в 1991 году главное политическое противостояние ушло из стен союзного парламента и прошло между союзным центром и российским руководством. Национальный аспект здесь фактически не имел никакого значения и даже более того — российское руководство казалось более интернациональным, чем шовинистически настроенная значительная часть центральных структур власти в блоке с руководством российской компартии. Русский Ельцин, украинец Станкевич, грек Попов, еврей Заславский, чеченец Хасбулатов и многие другие лидеры демократии и не могли разыгрывать «национальную карту», солидаризируясь вокруг идей и принципов общегражданских свобод и общегражданского суверенитета.

В тексте Декларации о суверенитете России фактически впервые появились понимание и формула национального самоопределения как самоопределяющегося согражданства — многонационального народа РСФСР. Однако процесс становления нового российского самосознания сталкивался с целым рядом препятствий.

Во-первых, достаточно громко заговорили «легитимисты», призывавшие к вос-

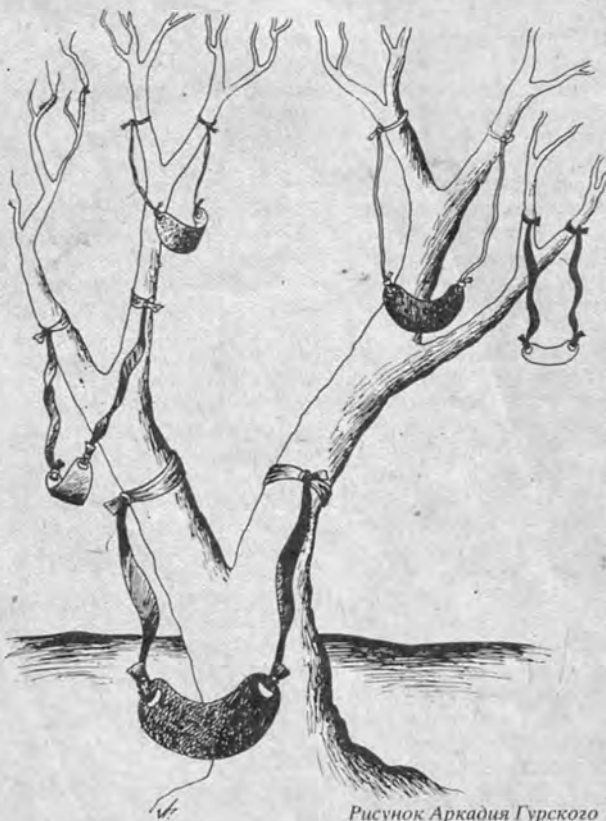

Рисунок Аркадия Гурского

Приднестровская республика, не существующая де-юре, является политической реальностью. Проблемы с национальными меньшинствами есть не только у Молдовы. Как их будут решать ныне независимые государства?

Фото ТАСС

становлению легитимности дореволюционного российского государства. Среди них оказались не только русские патриоты-шовинисты, но и ученые-публицисты, писатели.

Во-вторых, открылся мощный «внутренний фронт» в лице этнонациональных движений в российских автономиях, прокоммунистическая элита которых зачастую блокировалась с центральными властями.

В-третьих, сказалась неразвитость российских республиканских институтов и атрибутов государственности, роль которых для РСФСР исполнял с момента образования Союза все тот же центр.

Был необходим какой-то новый внешний вызов, который позволил бы продвинуть процесс российского самоопределения. И этим моментом стали события 19–21 августа. Пожалуй, впервые слова «Россия» и «россияне» обрели особую значимость и зримость. В эти дни российское самосознание обрело национальные (не этнические!) символы: парламент, флаг, гвардию, жертвы и жертвенное место.

Реакция периферии

Лидеры российских автономий, где доминировали в структурах власти коммунисты, поддержали ГКЧП. Только Президиум Верховного Совета Коми ССР объявил поздно вечером 19 августа о своей лояльности законно избранной верховной власти. Выжидательную позицию заняли по отношению к хунте и лидеры ряда союзных республик, за

исключением прибалтийских и Кыргызстана. Там, где лидеры и большинство депутатов парламентов составляли коммунисты (Белоруссия, Азербайджан, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан), ГКЧП фактически получил поддержку. Лояльность коммунистической догме, обеспечивавшая до путча власть в этих республиках, оказалась сильнее солидарности с демократией и угрозы тоталитарной реставрации.

Наибольшие симпатии, в том числе со стороны президента Азербайджана А.Муталибова, вызвало обещание не вводить чрезвычайного положения или разрешить межэтнические конфликты на основе доперестроечного статус-кво. Л.Кравчук на Украине, Н.Назарбаев в Казахстане, М.Снегур в Молдове, Л.Тер-Петросян в Армении предпочли успокоить население республик обещанным суверенитетом. Вот оценка сопредседателя социал-демократической партии России О.Румянцева: «Трудно принять как чистый и моральный тезис «главное — наш суверенитет, а остальное — выдумки Москвы, хоть бы и ГКЧП будет, лишь бы нас не трогали». Точно подметил эту ситуацию и народный юмор:

«Эй, Кравчук и Назарбаев, Вас устраивал Янаев.

Не мычали, не телились,

А теперь вдруг отделились?»

В сложной ситуации оказались лидеры автономий в Грузии и самоопределяющихся образований в Молдове (Гагаузия и Придне-

стровье). Логика противостояния властям своих союзных республик толкала их в сторону новоявленного «советского руководства». Однако не стоит забывать, что речь идет о позициях конкретных лидеров, которые, не обладая достаточным политическим опытом и столкнувшись со сложной ситуацией, не смогли сразу определить позиции, отражающие настроения более широких слоев населения и политических сил, что привело к митингам и отставкам в ряде республик их лидеров.

Демократическую Россию поддержали радикально-националистические органы власти на Западной Украине, либерально-демократическая партия в Таджикистане, движение «Иттифак» в Татарстане, активисты Народного фронта Азербайджана, Вайнахская партия в Чечено-Ингушетии и другие общественные группы и движения.

Провал путча и победа российского руководства, действия Б.Ельцина, а затем М.Горбачева против руководства КПСС означали конец этой партии в центре, а вместе с этим и катастрофу республиканских национал-коммунистов. Желание удержать власть подтолкнуло многих из них к тому, чтобы срочно избавиться от коммунистической подпорки и воспользоваться моментом паралича центра для безоговорочного перехода на политическую платформу национализма.

Но главные события развернулись не вокруг судьбы КПСС, а вокруг вопроса об отношениях с центром и Россией.

Начало новому, неожиданному процессу полного разрыва с центром было положено еще в дни путча, когда 20 и 21 августа Эстония, Латвия и Молдова объявили о своей полной государственной независимости. Но это было логическое завершение всего предшествующего политического курса руководства этих республик, опирающегося на мнение большинства населения, к тому же зафиксированного плебисцитами в прибалтийских республиках. Что было сенсацией, так это рывок в сторону полной независимости Украины и Казахстана, а затем Белоруссии и республик Средней Азии.

Что на горизонте

Почти 300 миллионов жителей СССР 6 сентября проснулись гражданами 15 новых государств. По крайней мере так были восприняты решения закончившегося съезда. Трудно было сохранить Союз, но, возможно, еще труднее его уничтожить. Государства создаются людьми, решившими составить гражданское сообщество, чтобы обеспечить наиболее благоприятные условия своего социального существования. Еще никому не удалось выработать или умозрительно определить оптимальную форму образования государств, а тем более их упразднения. Ясны лишь некоторые примерные условия. Среди них одним из важнейших является этнокультурный фактор. Суть его в том, что существующие на земле этнокультурные общности (народы) стремятся оформить свое бытие не только системами хозяйственного жизнеобеспечения и передачи культурной информации, но и институтами власти, в том числе в форме государства.

Однако государства — это оформленные границами территории, которые почти во всех случаях не могут совпадать с границами распространения культур и языков. Государства стремятся через общие символы и доминирующие культурные стереотипы создать общую лояльность своих граждан. Лояльность граждан наций-государств предусматривает культурный плюрализм своих членов. Такие нации-государства оказываются более жизнеспособными и добиваются процветания. Старому Советскому Союзу не удалось решить эту проблему. Удается ли новым образованиям повторить один трагический эксперимент в 15 уменьшенных вариантах?

Уточнение границ?

По крайней мере три крупные

проблемы на горизонте новых суверенных государств.

Первая. Пока дезинтеграция произошла верхушечно, на уровне больших политических шахмат, в итоге усилий интеллектуалов, политиков и общественных активистов, сумевших увлечь за собою большинство. Но этого явно недостаточно для того, чтобы составить базу новых независимых государств. Размеры территорий, обладание ресурсами здесь не столь важны, как уверенность населения в своем выборе.

А что если крупные массивы компактно проживаемых граждан заявят об ином выборе? Готовы ли те, кто на основе права на самоопределение обрел независимость, дать такое же право или хотя бы право на автономию другим осознающим свою отличительность группам? Например: венграм, болгарам, карпато-руси-нам на Украине, сибирским татарам и немцам в России, корейцам и уйгурам в Казахстане, лезгинам в Азербайджане и так далее.

Список этот гораздо длиннее, чем подозревают политики, ибо этничность имеет свойство рождаться заново, оформляться на чисто региональной основе или на основе общей исторической (чаще всего выдуманной) традиции. Если общество поощряет не свободу и развитие культур, а этнонационализм в виде создания для каждой из групп своих государств, движение за самоопределение, за которым стремление обеспечить доступ к власти и избежать неравного статуса, будет продолжаться бесконечно со стороны тех, кого в новых государствах хотят квалифицировать как «этнические меньшинства».

Второе. Статус «меньшинств» никак не будет принят «сколками» с крупных народов, которые составляют в отделившихся государствах иногда многомиллионные массы. Прежде всего это касается русских, 6,5 миллиона которых проживает в Казахстане, составляя большинство в шести областях этой республики, и 11,3 миллиона на Украине, где они проживают главным образом в сложной по составу и смешанной по культуре зоне русско-украинского пограничья, а также составляют большинство жителей Крыма. Такая же ситуация характерна для украинцев в России, в Молдавии и в Белоруссии, русских в Латвии и Эстонии, не говоря уже о грозной «чересполосице» в среднеазиатском регионе, особенно узбекско-таджикском пограничье.

Статус «меньшинств» для этой части населения невозможен потому, что рядом за государственной границей проживает основное ядро их собственного народа. В

этих случаях очень вероятно, особенно при неблагоприятных социальных и культурных условиях, возникновение так называемого ирредентизма, то есть движения за воссоединение с братьями. Это обычно самая грозная причина и форма межэтнических конфликтов.

Ирредентизм уже наблюдается в Молдове за воссоединение с румынами, среди части русских в Эстонии, украинцев в Приднестровье. Но он может обрести в таких регионах, как Северный Казахстан, Восточная Украина и Крым (среди русских), Западная Россия (среди украинцев), неожиданную силу, для которой пожарные визиты А.Собчака и А.Рудского в Киев и Алма-Ату и договоренности равным счетом ничего не значат.

Массовые миграции и переселения здесь не помогут, как и другие силовые методы. Пересмотр, вернее, уточнение границ (никак не территориальные претензии, ибо речь идет о желании части граждан в отношении территории собственных государств), может быть единственным, хотя и очень сложным, путем решения конфликтных ситуаций.

Третье. Это вопрос о судьбе многочисленного, порою более влиятельного, чем политики, интернационального по составу слоя образованной гуманитарной и технической интеллигенции в центре, рекрутированного из народов всех республик, особенно Украины, Грузии, Армении. Завтра десятки, если не сотни, тысяч талантливых, широко известных, высокообразованных людей утратят славу для них привычным и жизненно важным социально-культурное пространство советской империи. Их родина будет за рубежами России, а гражданство и общественный статус перед лицом безусловно доминирующего русского окружения в независимой России?

Национализм среди самого крупного народа страны — русских был менее развит, чем среди других народов, но после образования суверенных государств русские среди всех других аналогичных по численности народов мира (свыше ста миллионов) окажутся в явно невыгодном положении, когда значительная территория их расселения окажется «зарубежьем» или станет землей суверенных российских автономий, тоже мечтающих хотя бы денек побыть независимыми. Рост русского национализма и движения за самоопределение русской нации вполне могут разделить логику развития аналогичных процессов среди других народов.

Обо всем этом есть смысл задуматься, чтобы уйти подальше от путча.

Портрет солнца на фоне сумерек

Геннадий Ариевич,
специальный корреспондент «НВ»

Бурные события в Грузии получили новый резкий толчок — арестован видный деятель оппозиции Георгий Чантурия. Президент Гамсахурдия окончательно вступил на тропу войны...

Тбилиси гудит как растревоженный улей. Проспект Руставели перегорожен и блокирован заслонами из сдвинутых автобусов и баррикадами из серых бетонных блоков, пикетами и патрулями. На одной стороне улицы плакат: «Президент должен уйти в отставку!» На другой — транспарант: «Враги Гамсахурдия — враги Грузии!» Грузия раскололась на два враждебных лагеря. Парадокс, однако, в том, что оба практически едины в главном — отношении к независимости. Здесь расхождений нет: возврата в Союз быть не может, даже общее с ним экономическое пространство — капкан. Вопрос же, во все большей степени делающий стороны непримиримыми, — под чьими штандартами идти к независимости. Президент Звиад Гамсахурдия, еще совсем недавно всеобщий кумир, получивший на выборах 86 процентов голосов грузинских избирателей, ныне, по мнению оппозиции, не столько ведет к независимости, сколько создает республике в глазах мирового общественного мнения имидж репрессивного диктаторского режима.

Как же случилось, что личность признанного лидера, ставшего для грузин символом борьбы за национальное освобождение от коммунистического диктатора, всего за несколько месяцев стала вызы-

вать такие противоречия? Образчик подбострастного и безвкусного восхищения персоной Гамсахурдия можно обнаружить в газете «Тбилиси»: «Жизнь батоно Звиада — героическая и драматическая поэма, повторение истории легендарного юноши-солнца, оседлав коня злого великана, отправившегося в логово змей за живой водой...»

«Жизнь — поэма»

Но есть и другие мнения.

...Образованный человек, владеющий несколькими иностранными языками и проводящий пресс-конференции для иностранных журналистов по-английски, бесцеремонно избавляется от специалистов и интеллектуалов и окружает себя малокомпетентными «да-менами»...

...Ярый антикоммунист, пострадавший от произвола, по существу, воспроизводит все тот же тоталитарный режим, который без суда и даже предъявления обвинений бросает в застенки противников и просто несогласных, лишает работы журналистов, не желающих во всем поддакивать. Прекращает печатать центральные газеты, ибо «нет никакой потребности в них», и обращается к руководству «враждебного» государства с призывом приструнить московскую печать, «распространяющую дезинформацию»...

...Противник централизованной экономики, критикуя умышленную привязанность и зависимость промышленного производства в Грузии от других регионов Советского Союза, препятствует экономическим реформам и приватизации и даже, по утверждению бывшего премьер-министра Сигуа, записавшего на пленку в подполье интервью, получившее широкое хождение, опирается на мафию...

...Республиканский руководитель, первым с вызовом создавший свою собственную армию — национальную гвардию, в дни путча направил министра иностранных дел Мурмана Оманидзе в Москву на встречу с Г. Янаевым и, судя по всему, готов был найти общий язык с ГКЧП...

Вот что довелось мне увидеть и услышать на грузинской земле. Образ, скажем прямо, не очень-то привлекательный для Запада, с которым грузинская дипломатия усиленно ищет контактов. (Говорят, предыдущий министр иностранных дел Георгий Хоштария лишился своего поста как раз из-за того, что не смог обеспечить встречу президента с Дж. Бушем.)

«Пока Гамсахурдия у власти, — говорят мне в штабе Национально-демократической партии (НДП), взявшей на себя роль объединителя оппозиции, — никто не признает независимости Грузии».

Последние штрихи этого образа были дорисованы 2 сентября, когда отряд ОМОНа и президентская охрана неспровоцированно напали на толпу манифестантов, дубинками и автоматными очередями

Тбилисские омоновцы готовы к броску...

Фото Юрия Мечетова

безуспешно пытаюсь разогнать очередную, один из многих, митинг НДП. Добились обратного — толпа выросла втрое. Власти вначале всеми силами постарались свалить вину на самих участников митинга, в рядах которых якобы прогремели первые выстрелы, объявили их уголовниками и пьяными дебоширами, а пострадавших — случайными жертвами провокаторов. Что-то, видимо, не сошлось, и теперь козлом отпущения делают командира омовцев майора Заура Сахвадзе, прославившегося своей беспощадностью.

Гамсахурдисты уверены тем не менее, что образ Гамсахурдиа неверен, он создан усилиями противников президента, поощряемых из Москвы, и «кремлевских агентов», строящих козни в демократической печати. На мое удивление по поводу такой логики, показавшейся мне несколько старомодной и даже близорукой по отношению к происходящим в стране переменам, мне терпеливо объяснили, что З.Гамсахурдиа — неудобный партнер для Кремля, без него ему было бы легче решать свои проблемы. А, кроме того, если и придется все же отпустить Грузию на все четыре стороны, то хоть очернить законную власть в республике так, чтобы Запад боялся иметь с ней дело. Опять, выходит, в кознях микробов виноват... микроскоп.

Впрочем, поклонники З.Гамсахурдиа — их немало — готовы признать и некоторые его «ошибки» или хотя бы объяснить отсутствие движения к демократии. Например, назначил министром торговли выпускника ПТУ, а тот быстро и крупно проворовался. Сливаются три «убыточные» русские, а теперь четыре грузинские газеты, чтобы стать одной мощной, красочной, а пресс-служба президента, ничего толком не объясняя, заявляет об этом прямолинейно и «полюбно». «Вообще, — сказал мне председатель республиканского Союза журналистов Ника Черкезшвили, — стиль речи президента сложился в нелегком политическом противостоянии, в полемике. Непримиимость к врагам и сегодня осталась в его характере, а потому он часто резок, не выбирает выражений, которые зачастую не ласкают слух. Это не все могут понять».

«Двухпалаточный» парламент

Однако тем, кто что-то не понимает, высказаться не дают. Ни в печати, ни на телевидении. Почему? — спросил я первого заместителя председателя телерадиодепартамента Гелу Лежава. И получил удивительный для сегодняшнего дня по снисходительности к народу и пietetу к верхам ответ: «Грузия еще

Тамара Чхеидзе:

«Гамсахурдиа сделал из национальной идеи нечто омерзительное...»

Наш корреспондент взял интервью у члена правления общества Ильи Чавчавадзе — одной из оппозиционных партий Грузии

«Новое время». Ваше отношение к развитию событий в Южной Осетии?

Т.Чхеидзе. Проблема возникла из ничего. Серьезных разногласий между осетинами и грузинами не было. Со стороны осетин, конечно, были выставлены несправедливые требования, но ничего серьезного не было, кроме единичных случаев, конфликтов. Гамсахурдиа же использовал ситуацию для того, чтобы нагнетать напряженность. Гамсахурдиа еще во времена коммунистов пытался это делать, но несколько раз нам удавалось предотвратить худшее. В республике распространялись слухи, что, мол, «осетины собираются напасть на грузин», в Южной Осетии — что «грузины собираются напасть на осетин». Гамсахурдиа проводил митинги в соседних с Южной Осетией районах, призывал людей вооружаться.

Мы со всей ответственностью можем сказать, что именно тогдашнее коммунистическое руководство вместе с Звиздом Гамсахурдиа подготовило эту провокацию — поход в Цхинвали колонны грузовиков из Тбилиси и других городов республики, чтобы накалить атмосферу. Что вполне удалось.

Уже после прихода к власти «Круглого стола» и его лидера Гамсахурдиа те силы, которые хотели там устроить новый Карабах, смогли действовать более решительно, спекуля-

тивно играя на национальных чувствах грузин.

Не только мы, но и все другие оппозиционные партии были против упразднения автономной области. С точки зрения исторической справедливости, конечно, область — искусственное создание коммунистов, ведь до них там не существовало никакого государства, хотя осетины и жили на этой земле несколько веков. Но в данной политической ситуации упразднение области было провокационным шагом.

«НВ». Поступают сведения о том, что Звизд Гамсахурдиа приказал возбудить уголовное дело и арестовать лидеров Южной Осетии. В Южную Осетию переброшены верные ему подразделения национальной гвардии. Вновь начинаются ожесточенные перестрелки.

Т.Ч. Гамсахурдиа постоянно использует образы «внешнего врага» и «внутреннего врага». Вообще разжигание национального психоза — его метод, но сегодня это удается ему хуже, чем раньше. Люди просто устали.

«НВ». Что вы думаете о проблеме тюрк-месхетинцев?

Т.Ч. Это самая трагическая проблема, потому что эти несчастные люди — грузины по происхождению, что доказывается историческими данными и не вызывает никакого сомнения. Советское руководство в течение десятилетий намеренно дезинформировало общественность, утверждая, что они турки. Политику дезинформации активно продолжал Звизд Гамсахурдиа, который, будучи диссидентом, считал одним из главных политических вопросов проблему возвращения так назы-

не готова к демократии. Феодално-коммунистическая страна стала демократической республикой. Но ведь демократия предполагает ответственность и интеллект, а их пока нет в Грузии с ее европейско-азиатской культурой, психика людей не подготовлена, как в Западной Европе, вековыми демократическими традициями. И потому массы воспринимают демократию как анархию. Нам нужна мощь, единство и авторитет. Этого трудно достичь демократическими методами. Но, когда мы этого добьемся и как следствие поднимется дух народа, придет и демократия». Так что придется, видимо, запастись терпением и подождать. Года, примерно, 73...

Уже 27 грузинских партий и движений, включая некоторые из правящей коалиции «Круглого стола», объединились в требовании от-

ставки З.Гамсахурдиа. Среди них Национально-демократическая партия Гии Чантурия, Партия национальной независимости Ираклия Церетели, блок «Свобода» Ираклия Шенгелая и другие. Эти партии представляют собой довольно мозаичную картину. Разные по позициям и подходам к решению проблем, по взглядам и социальному составу, они едины в одном — глава исполнительной власти должен уйти и должны быть назначены новые выборы. Складывается впечатление, что, быстро набирая в последнее время силу и уверенность и, подобно ГКЧП, стремясь лишь убрать президента, желательно, правда, конституционно, оппозиция все же не имеет позитивной программы. Если она и есть, то в пределах исправления ошибок З.Гамсахурдиа. А его в пылу митинга нет-

«Правительство, отгораживающее себя милицией от народа, не достойно своего народа». Это слова Гамсахурдиа-диссидента. Что думает президент Гамсахурдиа?

Фото ТАСС

ваемых месхетинских турок на родину и помощь им. Вдруг Гамсахурдиа объявил их турками. Это послужило причиной настоящего психоза в республике, потому что в Грузии существует историческая неприязнь к туркам, которые не раз появлялись на грузинской земле как завоеватели. К сожалению, наше общество Илья Чавчавадзе оказалось единственной организацией, которая в то время отстаивала правильные позиции в этом вопросе. Из-за этого Гамсахурдиа нас объявил предателями.

«НВ». Как вы думаете, помогут ли прекращению межнациональных конфликтов в Грузии уже кажущиеся несомненными перемены, возможный приход к власти оппозиции?

Т.Ч. Это обязательно поможет, потому что безудержная пропаганда вражды между грузинами и негрузинами была типичным явлением тоталитаризма, который поныне жив в Грузии. Последствия конфликтов будут давать о

себе знать в течение многих лет. То, что разрушено в отношениях между грузинами и осетинами, не может быть улажено сразу, но все-таки, когда не будет правительства, которое намеренно ухудшает ситуацию, решение проблемы постепенно будет найдено.

Идеология — только средство для тоталитаризма. Коммунистическую идеологию заменили националистической, а фактически все осталось по-прежнему. Я бы даже сказала, что новая идеология опасней, чем коммунистическая. Она содержит в себе осквернение национальной идеи. Гамсахурдиа и его люди сделали национальное чем-то омерзительным. Там, где раньше употреблялось слово «коммунистическое», теперь стоит эпитет «национальное». Только и всего.

Беседу вел
Александр Соколов

Тбилиси, 7 сентября 1991 года

нет да и называют — в его собственной системе координат — «агентом КГБ».

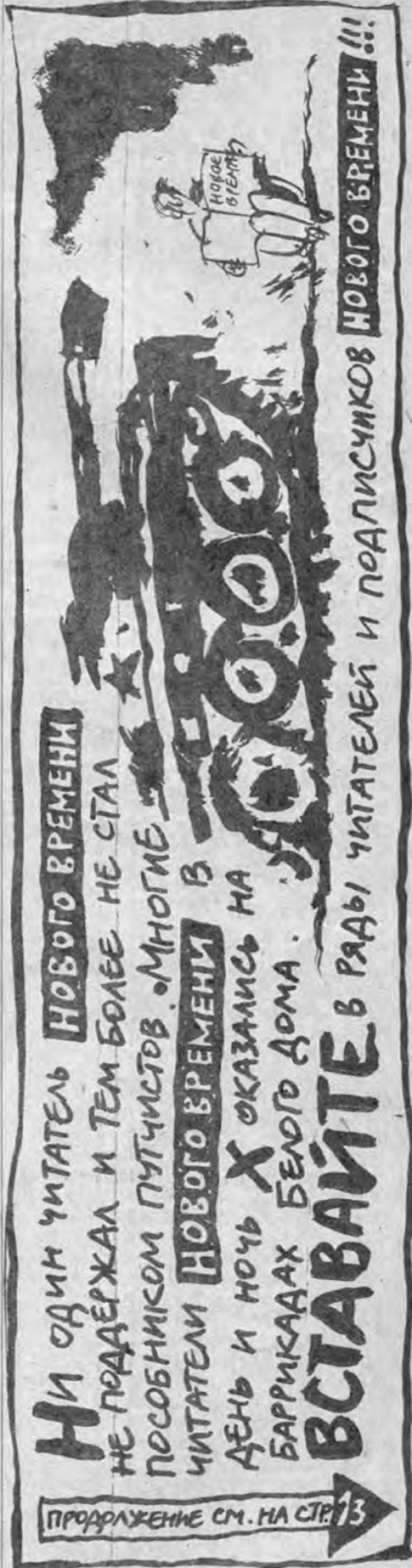
Лишь недавно примкнула к оппозиции интеллигенция, державшаяся в стороне.

Немаловажный вопрос — на чьей стороне гвардия и милиция. Обиженная своим убогим существованием и не прощающая Гамсахурдиа его сговора с «оккупантами» во время путча 15-тысячная гвардия почти полностью вышла из подчинения президента и заявила, что не допустит новой расправы ОМОНа со своим народом. Командующий национальной гвардией Тенгиз Китовани и новый министр обороны, в распоряжении которого 8-тысячный отряд «афганцев» (полагали, что он будет брошен на штурм гвардейских казарм в Шавнабада, пригороде Тбилиси), договорились сов-

местными усилиями не допустить кровопролития.

Рыхл, аморфен и послушен был до сих пор грузинский парламент. Его тбилисцы прозвали «двухпалаточным» из-за появившейся на ступенях Дома правительства палатки, в которой поселились восторженные поклонники батона Звиада. Но и в Верховном Совете крепнет оппозиция, хотя она и не многочисленна. Ее возглавляет председатель фракции «Демократический центр», лидер Народного фронта Нодар Натадзе. Открывшаяся внеочередная сессия ВС во многом прояснит расстановку сил и тактику сторон, хотя вопрос о нынешнем положении отнесен далеко в глубь повестки дня (как не самый актуальный, должно быть?). Парламентский компромисс, однако, представляется маловероятным.

ТБИЛИСИ—МОСКВА

Как поделить долги наши тяжкие?

Союза больше не существует, но остались общие экономические проблемы, которые решить в одиночку республики не могут

С первым заместителем министра внешних экономических связей РСФСР Геннадием Фильшиным беседует наш корреспондент Татьяна Лехто

«Новое время». Сейчас на Западе озабочены: кто будет выплачивать долги СССР? Наших кредиторов, мягко говоря, удивляют высказывания некоторых политиков, даже на самом высоком уровне, о возможном разделе внешнего долга между 15 республиками. Возможно ли такое?

Г. Фильшин. Это неверная информация, да и технически это осуществить невозможно. Ни одна республика и не собиралась самостоятельно выплачивать свою часть долга. Еще в июле на уровне рабочей группы при Межреспубликанском валютном комитете все республики твердо заявили о совместном, централизованном обслуживании внешнего долга Советского Союза. А это более 60 миллиардов долларов странам Запада и свыше 17 миллиардов Восточной Европе и другим странам. Положение сложилось критическое: резко упал экспорт нефти (на 50 процентов против первого полугодия 1990 года), нефтепродуктов (на 52 процента), необработанной древесины (на 42 процента), черных металлов (на 67 процентов) и так по большинству других товаров. По прогнозным оценкам, ситуация еще больше осложнится в будущем году: экспортные ресурсы не превысят 30–35 миллиардов инвалютных рублей, а платежи по обслуживанию внешнего долга, если не принять неотложных мер, составят значительную их долю.

Скоро, 23–25 сентября, должны собраться представители всех пятнадцати республик, чтобы обсудить все аспекты совместной внешнеэкономической деятельности. Думаю, что одним из главных будет вопрос о выполнении всех ранее принятых Союзом обязательств на территориях республик. Нам нельзя повторять ошибок прошлого: ни отказа платить долги царского правительства, ни так и не погашенной задолженности по ленд-лизу. Республики это прекрасно понимают, и сейчас

идет интенсивная работа по определению квоты каждой в обслуживании внешнего долга СССР.

«НВ». Каким же образом определяется квота?

Г.Ф. Хочу уточнить: речь идет не о выплате долга, а о погашении процентов по нему. Мы договорились в рабочей группе, что квота складывается из индекса четырех показателей: доля республики в экспорте страны, доля в импорте, доля в народонаселении и, наконец, доля в национальном доходе. Почему именно на этих показателях? Приведу, чтобы лучше понять, такие примеры. Если бы квота определялась лишь по количеству жителей республики, то Россия, на которую па-

дает 70 процентов и импорта, и экспорта и которая имеет 51 процент населения Союза, попала бы в привилегированное положение по сравнению с другими республиками. То есть она оплачивала бы лишь половину процентов по долгу, обладая при том мощным экспортным потенциалом — 3/4 всего союзного. Что было бы несправедливо по отношению к другим республикам: структура их хозяйства складывалась не без влияния разделения труда, за что и Россия должна нести свою долю ответственности. С другой стороны, если рассчитывать квоту только по экспорту-импорту, то Россия должна бы нести большее бремя по сравнению с тем, какую долю долга она действительно потребила в свое время. Ведь в Россию импортировались не только продовольствие и товары народного потребления, но и оборудование, которое работало на всю страну.

«НВ». Но если все-таки какая-то республика откажется участвовать в совместной выплате долга или будет не в состоянии вносить свою квоту?

Г.Ф. Пока ни одна республика подобного не заявляла и вряд ли заявит. В протоколе, подписанном всеми республиками, было подтверждено, что они готовы выполнить все обязательства Советского Союза. Тут же было зафиксировано, что все квоты республики целевым назначением передают Внешэкономбанку Союза для централизованных расчетов. Так что западные кредиторы должны знать: как был один должник, так один и останется. Альтернативы этому нет. Как это будет происходить? Республики вынуждены будут брать налоги с предприятий с валютной выручки. Главное, это должно быть гласно, открыто. Ведь что характерно — у нас все ограбленные, а грабителей что-то не видно. Поэтому этот вопрос необходимо вынести на рассмотрение Верховных Советов республик:

Рисунок Виктора Богорада

вот наша доля долга, вот налог на выручку, мы ее целевым назначением передаем во Внешэкономбанк.

Возникал вопрос о том, что какие-то республики не в состоянии выплатить свои квоты. У них будет выбор: или они берут кредиты на Западе, либо Россия готова заключить с ними двусторонние соглашения, с тем чтобы часть этой валютной квоты республика покрыла товаром — тем, чего у нас в федерации не хватает: продовольствием, сырьем для легкой промышленности, другими ресурсами. Россия против «котлового» способа, в результате применения которого у всех возникает ощущение ограбленности, с одной стороны, а с другой — теряется контроль за использованием кредитов, участием в обслуживании долгов. Сегодня проследить за этим невозможно. Даже я, будучи членом плано-бюджетной комиссии Верховного Совета СССР, ответственной, между прочим, и за валютное положение в стране, как ни требовал, не мог получить полной информации о внешнеэкономической деятельности Союза. Поэтому я повторяю, нужна гласность: все должны видеть, что мы готовы платить по долгам, что у нас нет хаоса. Больше всего западные кредиторы боятся неясности по этим вопросам.

«НВ». На днях в одной американской газете промелькнуло сообщение, что в СССР отсутствуют дееспособные банки. Внешэкономбанк потерял свою власть, а из-за возникшего вакуума банкиры не знают, что делать, и не исключено полное прекращение импорта товаров в Советский Союз. Могли бы вы это прокомментировать?

Г.Ф. Внешэкономбанк дееспособен. Могу сказать больше: Россия готова всячески поддерживать его, способствовать сохранению его высокой репутации и доверия у зарубежных банкиров. Сейчас ставится вопрос о том, чтобы поднять курс рубля, по которому покупается валюта у предприятий и организаций. Это позволит несколько снизить те убытки, которые несут, например, экспортеры леса при обязательной продаже валютной выручки.

«НВ». Какой же будет курс?

Г.Ф. Сейчас курс за доллар — 1 рубль 80 копеек, его надо для начала поднять до 3 рублей. Мы должны очень рационально использовать эти валютные поступления. Обслуживание внешней задолженности, закупка технологий для продовольственного сектора, сырья для легкой и текстильной промышленности (ориентированных на импорт), ввоз медикаментов и, наконец, минимальный общесоюзный резерв — на все эти наиболее остро стоящие проблемы мы должны использовать не более 40 процентов валютной выручки предприятий. А как использовать оставшиеся 60 процентов, пусть они решают сами.

«НВ». Но не проще ли сразу установить реальный курс рубля и решить тем самым многие проблемы? Кстати, тем самым заинтересовать базовые отрасли, лесозаготовителей увеличивать выпуск экспортной продукции. Многие экономисты считают, что реально доллар «стоит» рублей пять...

Г.Ф. Сейчас это невозможно, слишком разбалансирована наша финансовая система. Между прочим, бывший премьер Павлов предлагал весьма радикальный переход к конвертируемости рубля — принудительно скупить те 60 процентов валюты, которые оставались предприятиям после продажи государству обязательных 40. Республики решительно отвергли этот план.

Чтобы курс рубля действительно стал реальным и отражал соотношение наших внутренних и мировых цен, необходимо широко открыть рынок материально-технических ресурсов. У нас занижены цены на сырьевые, топливно-энергетические ресурсы. Их надо приближать к мировым. Но, думаю, движение будет постепенным. Главное, что мы должны сегодня сделать, — это прекратить бесцельное перемалывание материально-технических ресурсов в ВПК. Работа в научно-исследовательских и конструкторских бюро ВПК должна быть направлена на создание только современного вооружения и только на уровне оборонной достаточности. А освободившиеся ресурсы необходимо пустить на рынок.

Сегодняшний курс рубля складывается спекулятивно — из-за многократного превышения спроса над предложением. И делается это сознательно: на валютных аукционах предлагается официально на продажу крайне ограниченное количество долларов. Поэтому республикам необходимо договориться о создании фонда стабилизации рубля в долларах. В этом могут помочь и западные партнеры — они тоже заинтересованы в твердом курсе рубля. Если такой фонд будет организован, то на первом этапе, на мой взгляд, мы сможем удержать курс рубля в рамках от 7 до 12, а в последующем — от 5 до 7 рублей за доллар.

«НВ». Пока внутренняя конвертируемость рубля существует только в планах. Но что же можно сделать в ближайшее время, сегодня?

Г.Ф. Мы не обойдемся без закупки и продажи в массовом масштабе продовольствия, товаров народного потребления за советские деньги. Я имею в виду трансфертные сделки с западными бизнесменами — а предложений поступает много и они реальны — с последующим реинвестированием полученных рублей в наши базовые отрасли, предприятия. Это — лучший путь, а не только кредиты.

URSS — ITALIA

Belana®

Совместное
советско-
итальянское
предприятие
«ДММ»
предлагает
женскую обувь
предприятиям,
имеющим
свободно
конвертируемую
валюту.

*Обувь изготовлена
с использованием
импортных материалов
и технологии, по своему
качеству и дизайну
не уступает продукции
ведущих западных
фирм.*

**Интересующую
информацию можно
получить по адресу:**

**117418, г. Москва,
Новочеремушкинская ул., 58
телефоны: 128-09-03,
128-76-91
телекс: 411688 ОДМО
телефакс: 1204244**

Решать за себя

Мы привыкли делать выбор лишь в минуты роковые, надеясь, что кто-то другой за нас осуществит избранное...

Поэль Карп

В эти роковые три дня обнажилась несостоятельность одной из самых живучих иллюзий, той самой, которая вроде бы рухнула еще во время первой русской революции — и как нарочно, решающие события свершались по соседству с мемориалом 1905 года, — вновь пропала вера в доброго правителя. Вроде бы на сей раз все наоборот, не правитель, не преданные ему лица повернули солдат против народа, а узурпаторы, но тем самым обозначился предел возможностей революции сверху. Стало очевидно, что никакой правитель не в силах сделать совершаемое им необратимым.

Ненужность добрых правителей

Народ состоит из людей. И судьба народа зависит от совершаемого каждым выбора. И не только у избирательных урн, а непрерывно. Нет заведомо правильного выбора — лишь ход жизни обнаруживает, где было прозрение, а где заблуждение. Возможность выбора и называется свободой, потому что без нее народу и не соотнобразоваться с реальностью, не наладить жизнь, да и сам народ без нее теряет лицо.

Павлов, Янаев и прочие возвращали страну к чрезвычайному положению, в котором она провела семьдесят с лишним лет. Чрезвычайное положение в том ведь и состоит, что возможность выбора отнята. Люди за долгие годы привыкли, что начальству видней, поскольку оно газеты читает и в телефон разговаривает, что вся правда напечатана в газете «Правда» и что там написано, то и правда, хоть про себя все знают, что это не так.

Не случайно другая партийная газета — «Советская Россия» опубликовала «Слово к народу», открыто звавшее к перевороту и откровенно подписанное

его будущими участниками Тизяковым, Варенниковым, Стародубцевым. Главный председатель всех колхозов отлично сознавал, что процветание его колхоза держится на отсутствии у остальных крестьян выбора — быть им в колхозе или вести свое хозяйство. Даже дозволенное новыми законами фермерство на практике поставлено в жесткую зависимость от колхоза или совхоза. Появился реальный выбор — в сельском хозяйстве, в промышленности, в науке или искусстве, — система ценностей тотчас бы изменилась. Вот почему не только в военно-промышленном комплексе, но в любой области труда стародубцевы насмерть будут стоять за монополистическую систему, в которой жизненные блага не зарабатываются, а распределяются по известным начальству заслугам. Отсюда и тяга к правителю, который будет строг, но справедлив.

Однако семьдесят лет показали, что никакого чрезвычайного положе-

ние, никакое насилие не может в эпоху компьютера накормить и одеть людей, обеспечить порядок и безопасность. Чрезвычайное положение вводится для защиты чрезвычайных привилегий. Тем, у кого привилегий нет, чрезвычайные меры ничего хорошего не приносят. Сколько бы Валентин Павлов, только что взвинтивший цены раза в четыре, ни обещал после переворота их снизить, а зарплату повысить, верить ему невозможно не только потому, что он всегда лгал, но и потому, что его обещания, даже исполнившись, не принесли бы ничего, кроме нарастания инфляции. А у ограбленного нет выбора. Он рад подаянию и покорен. Вот нас и грабили.

От ЦК до ГКЧП

Чрезвычайное положение не зря начинается с запрета газет. Монопольным властителям хозяйства огромной страны не нужны другие мнения, кроме ласкающих их слух речей Проханова, Бондарева или Кургияна.

Зачем противозаконно захватывали власть люди, и без того стоявшие у власти, занимавшие все, кроме президентского, высшие посты в союзных органах? Они делали это, чтобы опять решать за других, отнять у народа право на выбор, а то, глядишь, простым голосованием он прогонит грабящих его правителей.

Нельзя поверить, что Горбачев при его замечательном тактическом чутье настолько слеп, чтобы в последнее время ошибаться подряд во всех поднимаемых им наверх людях, хоть он в этом сам нынче кается. Ведь именно он в свое время привлек к руководству страной таких незаурядных людей, как Яковлев, Шеварднадзе или Ельцин. Но люди незаурядные, естественно, не могли быть «просто исполнителями», как аттестовал себя бывший зам. премьер-министра Щербаков. Они противопоставляли идеям президента свои идеи, а ничтожества, притихавшие при первом окрике, противопоставляли идеям насилие, отключение телефонов и запрет газет.

В нашей печати Янаева с товарищами успели обозвать кучкой заговорщиков. Это не верно. Будь они кучкой, секретариат ЦК КПСС вряд ли призывал бы коммунистов всячески со-

Рисунок Виктора Богорада

действовать ГКЧП. Он тоже не мог поступиться привычным способом установления своей неизменной правоты, священной коммунистической благодатью решать за других.

Если даже допустить, что, когда очень хочется, можно совершить «социалистический выбор», то все равно народ у нас никогда его не совершал, и за большевиками в 1917 году шел лишь в надежде на решение аграрного и национального вопросов, по сей день не решенных. Революция обернулась трагедией не потому, что ее знаменем был социализм — именно социалисты, начиная с Плеханова и Мартова, острее и пронзительнее всех критиковали тогда большевиков, — а потому, что КПСС, по самой своей организационной природе, именуемой демократическим централизмом, не способна предоставить своим членам и людям вообще возможность индивидуального выбора. То, что Горбачев сообразил, куда при этом катится страна, и отступил, пусть недостаточно, от привычки решать за всех, вызвало не только ярость Нины Андреевой и Виктора Тюлькина, но и нынешний призыв секретариата ЦК поддерживать ГКЧП и самое создание этого комитета, — иначе он был бы создан законным порядком.

Единство волков и ягнят

Обсуждая новую, недурно выглядящую программу, партия одновременно исторгала из себя и Александра Яковлева, и Александра Руцкого. Это выражало позицию КПСС куда точнее, чем слова о терпимости и многообразии взглядов. Но и в этом вина лишь руководство партии, выгораживая миллионные массы рядовых коммунистов. А ведь вступить в КПСС издавна означало на всю оставшуюся жизнь доверить всякий выбор руководству. Различия во взглядах и поведении существовали всегда, их-то и преодолевало коммунистическое послушание, добровольный отказ рядовых членов партии, выпестованной Сталиным, от собственных мнений. А ведь это как раз и позволяло руководству партии пренебрегать и моралью, и законом.

Да и не только руководство КПСС, но и рядовые коммунисты бросили своего генсека на произвол судьбы. Бывало они возмущались арестами лидеров латиноамериканских компартий, а тут хоть бы горстка партийцев вышла на демонстрацию с требованием освободить Горбачева!

Понятно, юридической ответственности эта беспринципность за собой не влечет, и преследовать человека только за то, что он состоит в КПСС, было бы незаконно и безумием. Но и считать членство в

КПСС невинным отличием от беспартийности как-то странно. Именно безгласность рядовых членов партии была почвой и прежних преступлений, и нынешнего заговора. Партия, в которой прогрессисты уживались с реакционерами, социал-демократы с национал-социалистами, имела немало случаев расколоться, то есть сделать разногласия открытыми, дать каждому выбор. Но она пуше глаза берегла свое единство, единство волков и ягнят, — оттого тайное выяснение отношений и dorосло до государственного переворота.

Любовь к революциям

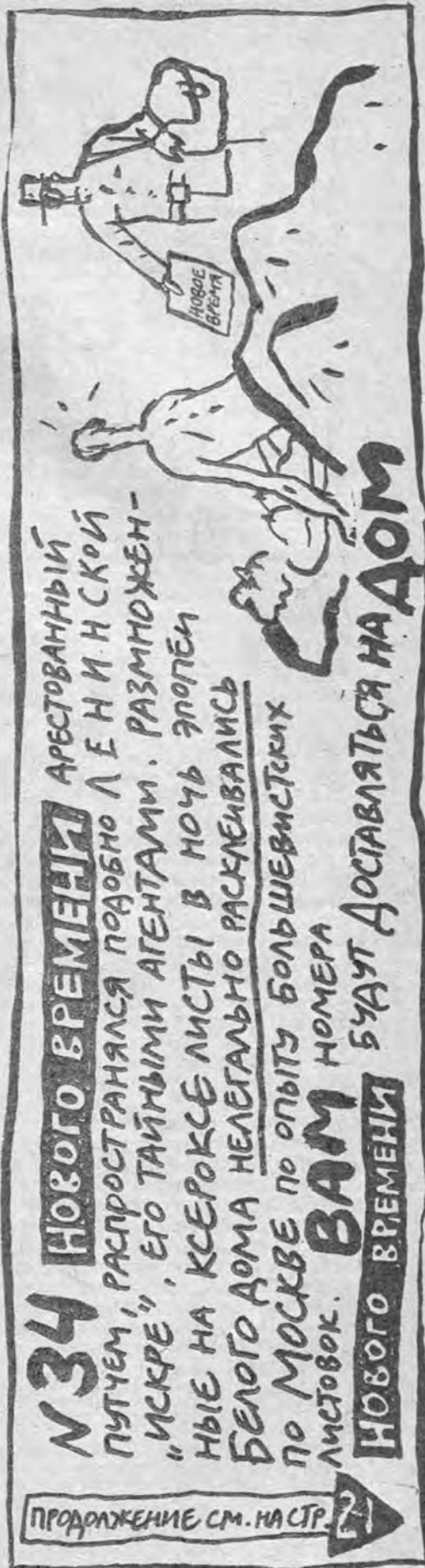
В нашем массовом сознании глубоко сидит вера в революции: и перестройку именовали революцией, и битву у Белого дома. Мы спрavedливо гордимся тремя погибшими молодыми людьми и стоявшими рядом семидесятью тысячами других, тоже готовых погибнуть за правду. В ту роковую ночь было видно, что наш народ — уже не народ рабов.

Но ведь в 1917 году Декрет о земле и Декларация прав народов России нашли отклик в сердцах не только у самих большевиков, но и миллионов людей, сознававших глубоко несправедливость прежнего общества. Великий поэт, взирав на красногвардейцев, даже решил, что «впереди Иисус Христос». А не прошло и полугодия, и разогнали Учредительное собрание, и настала жизнь, которой мы так или иначе живем до сей поры.

Сводя перемены в жизни общества к революциям, мы совершаем выбор лишь в минуты роковые, надеясь, что кто-то за нас осуществит избранное. А чтобы оно осуществилось, выбирать надлежит еще много раз, и, уклоняясь от участия в этом повседневно и не всегда заметном выборе, мы сводим свой революционный выбор на нет. Будем помнить и о том, что решать за других любят не только коммунисты. Тоталитаризм еще неотделим в нашем сознании от КПСС, но он бесчинствует и под другими знаменами.

Свобода печати, кроме, понятно, призывов к насилию, не напрасно признана краеугольным камнем демократии — именно она, обеспечивая всестороннюю и взаимопроверяемую информацию, создает каждому возможность сознательного выбора. И пока мы от этой свободы не откажемся, покуда не вообразим, что заботу о демократии можно полностью возложить на так называемые правоохранительные органы, останется надежда совладать с любыми переворотами и диктатурами и не только в песне, а на самом деле никогда, никогда не быть рабами. Ведь это значит каждому решать за себя.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Через тернии в Европу

В Москве проходит совещание Конференции по человеческому измерению СБСЕ. Лихорадочная суeta послепутчевых будней подчас не оставляет времени остановиться и задуматься: а зачем все это? Кому нужны торжественные речи в Колонном зале Дома союзов, многочасовые заседания экспертов и рабочих групп?..

Московское совещание нужно прежде всего нам, людям, живущим в своей частично европейской стране. Людям, почувствовавшим — даже еще не познавшим, а только почувствовавшим — вкус свободы и разрушающим устои минувших семи десятилетий. После августа 1991 года конференция стала для СССР не очередным символом-доказательством европейского существования — она стала началом реального вхождения в Европу.

Вхождение Союза в Европу — как бы он ни назывался и сколько бы суверенных республик ни объединял — начинается с признания его политиками и гражданами общечеловеческих ценностей и с готовности следовать им в политической и общественной жизни. С признания верховенства этих ценностей над теми законами, что действуют внутри страны. С признания вторичности принципа невмешательства во внутренние дела других государств по отношению к естественным правам человека: на жизнь, свободу, собственность...

Если государство не может остановить этнические конфликты между армянами и азербайджанцами, грузинами и осетинами, если в Приднестровье действительно нарушаются права русскоязычного населения, неужели в этой ситуации не лучше попытаться остановить кровопролитие, пригласив наблюдателей ООН или наблюдателей от СБСЕ?

Неужели жизнь человека и в самом деле дешевле незыблемости государственного суверенитета?

Вопросы, в общем-то, давно известны. Ответы, честные ответы, дать на них, увы, нелегко.

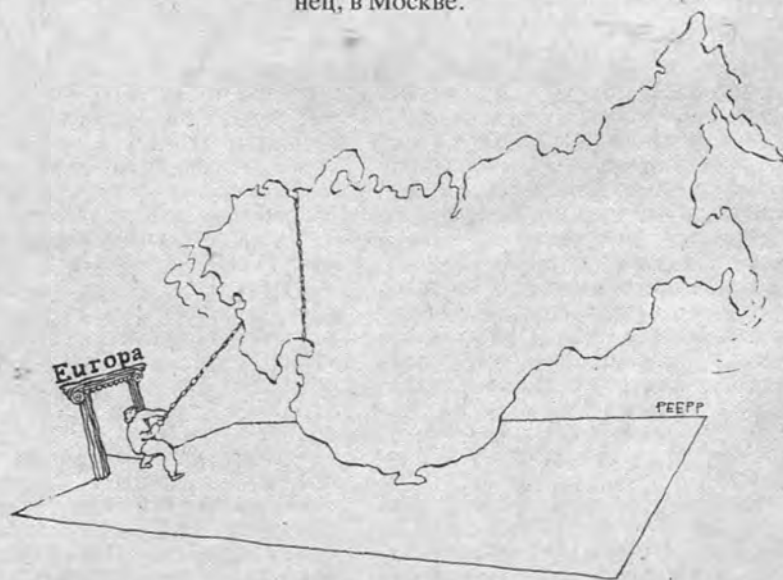
Нелегко хотя бы потому, что сначала

**Конференция
в Москве
приближает
политику к
человеку, а
страну — к
мировой
цивилизации**

требуется признать отставание на целую эпоху в своем цивилизационном развитии от Европы.

Но когда-то все равно придется начинать бытие, а не географическое существование в Европе. И все равно вхождение в Европу начнется с осмысления самих себя. Достижение советской дипломатии последних шести лет — несмотря на все ее «сезонные» колебания — в том, что она приблизила политику к человеку, а страну — к мировой цивилизации, подвела (или притащила?) общество и государство к восприятию идей Конференции по человеческому измерению, пониманию приоритета общечеловеческих ценностей над узкогосударственными амбициями. Хотя закрытому еще совсем недавно обществу пока трудно, наверное, принять тезис, прозвучавший на московской встрече: принцип невмешательства во внутренние дела других стран не является абсолютным, он отступает, если в стране нарушаются права человека.

Эти слова произнесены в Москве. Наконец, в Москве.

Этот рисунок принес в редакцию наш эстонский коллега Пезп Педмансон месяц назад. С тех пор даже в географии кое-что изменилось...

Чемодан без ручки?

С чем уехали министры с московского совещания

Галина Сидорова,
политический обозреватель
«Нового времени»

На первый взгляд могло показаться: опять говорили не о том. Так уж повелось еще в Оттаве: темой той встречи министров иностранных дел государств — участников хельсинкского процесса был режим «открытого неба», а сосредоточились на германском вопросе. Главная проблема московского совещания Конференции по человеческому измерению — права человека. Министры же углубились в недавние события в Советском Союзе и их последствия. Что ж, не каждый день совершаются и проваливаются путчи и происходят революции, даже в нашей стране. Однако просматривается закономерность: события последних лет обгоняют не только спланированную дипломатическую жизнь, но даже самые смелые представления о завтрашнем дне.

Венский документ, заложивший основы, в том числе и нынешней московской встречи, в момент принятия в январе 1989 года казался кодексом жизни европейцев в XXI веке. Ждать пришлось всего два года.

В Берлине на июньской встрече министров привычно ломались копы по поводу статуса представителей Прибалтики. В Москве за столом конференции появились таблички с надписями «Литва», «Латвия», «Эстония». Нас уже 38. Завтра, похоже, будет больше.

В зале заседаний все славили победившую демократию, Россию, Москву, Санкт-Петербург, Ельцина, Горбачева и их с ними. В кулуарах и кабинетах Кремля и Белого дома, других важных учреждений, куда министры ринулись в свободное от собственных выступлений время, в основном звучали вопросы. Причем превалировал не наш излюбленный: был ли на баррикадах 19–21 августа, а другой: кто управляет страной и как она собирается жить дальше?

По насыщенности визита всех превзошел государственный секретарь США Дж.Бейкер. Еще раз доказав, что, несмотря на неограниченные легальные и нелегальные источники информации о нашей

стране, предпочитает сам докапываться до сути. Дж.Бейкер встретился с Горбачевым и с Ельциным, с Силаевым, с коллегами на союзном и российском уровнях. Нанес визит вежливости в КГБ. Посетил своего друга Эдуарда Шеварднадзе — причем впервые как одного из лидеров оппозиции, в штаб-квартире Движения демократических реформ. Побывал у мэров Москвы и Санкт-Петербурга. Слетал в Казахстан к президенту Назарбаеву. И, наконец, в независимые балтийские государства.

Союзный министр иностранных дел Борис Панкин, ожидая прихода Дж.Бейкера, сказал нам, журналистам: «После Съезда народных депутатов дело не за нами, а за Западом». Меня это насторожило: опять дело в них?

На следующий день после встречи с российским министром Андреем Козыревым Дж.Бейкер, отвечая на мой вопрос, усматривает ли он разницу в подходе к советско-американским отношениям российского и союзного МИДа, был подчеркнут дипломатичен: «Нет. Думаю, президент Ельцин и президент Горбачев работают в тесном контакте над сложнейшими проблемами будущего республик и Союза. И особенно над экономическими вопросами, с которыми сталкиваются Союз и Россия, пытаясь провести экономическую революцию под стать политической».

Я наблюдала Дж.Бейкера на многих советско-американских встречах министров и на международных мероприятиях, и, пожалуй, впервые, несмотря на безупречную дипломатичность и протокольную уверенность, уловила едва заметное беспокойство, так не свойственное этому «тертому» политику, умному, волевому, обычно суховато-сдержанному.

После переговоров говорились привычные добрые слова в адрес наших лидеров и их смелых реформ. Было зачитано долгожданное советско-американское заявление о прекращении поставок оружия Аф-

ганистану. Советская сторона сообщила о намерении вывести войска с Кубы. Бейкер выразил готовность начать переговоры по тактичному ядерному оружию в Европе.

И все же не покидало ощущение, что американцы как бы озираются в поисках потерянного партнера. Их озадачивает количество наших президентов. Настораживает неужив-

чивость друг с другом представителей демократических сил, туман, все еще окутывающий экономические преобразования. Их откровенно пугает отсутствие полной ясности в отношении контроля за ядерной кнопкой и, пожалуй, не меньше — виртуозность, с которой некоторые националистические лидеры приспосабливают к собственным нуждам остатки

рухнувших коммунистических структур. Как выразился британский министр Дуглас Хэрд, тяга к независимости еще не тождественна стремлению к демократии и обеспечению прав человека.

Так что, если вдуматься, министры на московском совещании, увлекшись советскими делами, не так уж далеко отклонились от темы. Более того, они подошли к ней как бы с другой стороны. Опасность ущемления прав личности, как показывает пример многонациональных Советского Союза и Югославии, в периоды бурных потрясений, даже если они направлены как раз на получение больших прав, возрастает.

Эксперты конференции продолжают работу. Министры увезли из Москвы тревогу и еще, пожалуй, обескураженность. Обескураженность прытью, с которой опытные свободой республики, отталкивая друг друга, пытаются припасть к европейско-американской кормушке. Американцы, похоже, больше не увязывают свое экономическое и техническое содействие с конкретными реформами, готовы поверить нам на слово, удовлетвориться намерениями и обязательствами. Но дело-то, как всегда, за нами. Ведь, по сути, мы для них сегодня не партнер, а скорее чемодан без ручки — и нести тяжело, и бросить жалко. К тому же небезопасно — чемодан-то с ядерным содержимым...

Режим ослаблен, но «зоны» не пустуют

Уместен ли торг с властями за политзеков?

В правозащитном движении господствовало два полярных подхода к Московскому совещанию. «Непримиримые» выступали против проведения конференции в Москве и готовы были к ее пикетированию. Они считают: государство не является гарантом прав человека, а посему на конференции правительство страны-организатора может предпринять попытку отмыть свои грехи. По мнению «непримиримых», в соответствии с хельсинкскими документами проведение такой конференции возможно лишь в тех странах, где права человека соблюдаются; Советский же Союз никогда к таким странам не относился.

«Умеренные» считают: конференция в Москве наконец-то подтолкнет страну к серьезному обсуждению жизненно важной проблемы прав человека. Они убеждены, что конференция — это аванс советскому государству, но не видят перспектив без компромисса с властями, без торга с ними за политзаключенных.

Провал августовского путча не привнес в ряды правозащитников единства. Некоторые так и остались «непримиримыми».

В день открытия конференции объявила голодовку 35-я мордовская зона, где отбывают срок большинство политзаключенных. «Участвовать в этой конференции — значит предать тех своих товарищей, которые до сих

пор сидят», — говорит советский правозащитник Андрей Миронов.

Миронов сам был политзаключенным. Отбывал срок в Мордовском лагере. В 1985 году его арестовали и осудили по 70-й статье Уголовного кодекса РСФСР (антисоветская агитация и пропаганда) к 4 годам лагеря и 3 годам ссылки за распространение «Колымских рассказов» В. Шаламова и книги И. Шафаревича «Социализм как явление мировой истории». Отсидев полтора года, А. Миронов был помилован и выпущен на свободу в феврале 1987 года. О своем освобождении рассказывает так:

— На второй день Венской конференции СБСЕ, проходившей в декабре 1986 года, западные страны поставили жесткий ультиматум: или освобождаются все политзаключенные в Советском Союзе, или переговоры будут прерваны. Через несколько дней в нашей зоне был ослаблен режим. Меня выпустили из карцера. Недели три потом откармливали в следственном изоляторе КГБ... Всего отпустили человек 140. Остальных оставили на потом. А «потом» успели посадить других. Да и тогда отпускали не по реабилитирующим обстоятельствам, что влекло бы наказание тех, кто посадил, а из милости. Хотя я никогда ни о каком помиловании не просил.

Собственный опыт позволяет А. Миронову скептически относиться к прозвучавшему во время советско-американского телемоста с участием президентов СССР и РСФСР заявлению об амнистии 21 политзаключенного. Эту декларацию советский правозащитник расценивает как «очередной пропагандистский шаг».

Людмила Алексеева, одна из основателей Московской Хельсинкской группы, эмигрировавшая в США в 1977 году и выпустившая там книгу «История инакомыслия», не столь категорична. Она считает, что «с властями надо торговаться и биться за остальных политзеков».

Правда, данные, которыми располагают Л. Алексеева и американская Хельсинкская группа, расходятся с советскими. Правозащитница с удивлением восприняла известие о том, что в списке на амнистию, подготовленном для подписи Б. Ельцину, значится лишь 5 фамилий. По ее оценкам в СССР сейчас «около ста политзаключенных».

Л. Алексеева лояльно относится к

Московской конференции. Она вспоминает Венский форум, на котором тогдашний министр иностранных дел Э. Шеварднадзе предложил обсудить права человека в Москве. «Предложение было неожиданным и, я бы даже сказала, нахальным», — вспоминает Л. Алексеева. — Ведь проведение подобной конференции — это поощрение, признание заслуг государства в области прав человека. Хельсинкский Заключительный Акт подписывали не одни лишь демократические страны, но и тоталитарные режимы. Разрыв между ними был огромен. И предполагалось, что будет трудная борьба за права человека».

Алексеева подсчитала, что в 1987–1988 годах в СССР освободили около 900 политзаключенных. И хотя бы поэтому считает хельсинкский процесс успешным.

Председатель правозащитной комиссии «Мемориал» Дмитрий Леонов:

— С моей точки зрения, конференция СБСЕ не должна была проводиться в Москве, так как никаких серьезных изменений в соблюдении прав человека в СССР за последние годы не произошло. А после путча положение в этой области стало даже более тревож-

ным. Я имею в виду закрытие ряда газет, аресты людей за сочувствие путчистам, такие факты, как обыск у народного депутата СССР. Тревожна подмена исполнительной властью законодательной власти, причем на всех уровнях.

Еще в апреле нынешнего года «Мемориал» выступил с обращением, в котором проведение конференции в Москве было названо «неуместным». Свою позицию «Мемориал» основывал, в частности, на том, что в СССР в тюрьмах содержится политзаключенные, продолжается применение государством вооруженных сил против мирного населения, президент принимает указы, ущемляющие права граждан, условия содержания в местах лишения свободы бесчеловечны и практически эквивалентны применению пыток.

Однако после путча «Мемориал» решил участвовать в альтернативных акциях конференции, чтобы донести имеющуюся у него информацию до международной общественности. В «Мемориале», правда, подчеркивают, что их мероприятия не имеют ничего общего с общественными организациями типа ССОД, СКЗМ. Вместе с американской группой Хельсинки Уотч «Мемориал» организовал в Москве свои слушания. По мнению представителя калифорнийского отделения Хельсинки Уотч Джейн Олсон, Московская конференция как минимум заставит советскую сторону окончательно и теперь уже безоговорочно признать приоритет проблемы прав человека.

Константин Исаков

Рисунок Виктора Богорада

Год без коммунистов

Почему поражение коммунистических правительств не приводит к автоматической победе демократии?

Прошел год, как в нескольких югославских республиках власть взяли в свои руки некоммунистические правительства. После 45-летнего единоличного правления компартии вернулись в оппозицию. Что изменилось за истекший год?

Конечно, ситуация в Хорватии. Правящая ныне партия Хорватское демократическое содружество пришла к власти на волне, во-первых, апелляции к национальным чувствам, во-вторых, обещаний «светлого некоммунистического будущего».

Результаты? Конфликт хорватского руководства с проживающим в республике сербским населением превратился в кровопролитные столкновения. Новые власти призывают сербов к лояльности режиму, но не хотят пойти ни на одну серьезную уступку. Поэтому рассчитывать даже на малейшую симпатию со стороны сербского населения хорватским властям вряд ли придется, поскольку над отношениями между представителями двух народностей еще нависает тень геноцида усташей времен второй мировой войны.

Получив на выборах менее половины голосов избирателей, Хорватское демократическое содружество благодаря особой системе подсчета голосов обеспечило себе абсолютное большинство в парламенте. И стало реорганизовывать жизнь в республике по собственным меркам. За год машина для голосования, в которую превратился хорватский парламент, гладко приняла несколько сотен законов. Как в не очень далекие времена, центральные газеты возглавили преданные правящей партии люди, превратив их в рупор ХДС. Независимый телевизионный канал с югославской ориентацией был объявлен «антихорватским», а стало быть, враждебным. В употребление вошло понятие «партийная солидарность», которое от прежнего коммунистического тезиса о централизме отличается только названием. Республику покрыла сеть комитетов ХДС, которые, по сути, взяли на себя функции бывших окружкомов и райкомов.

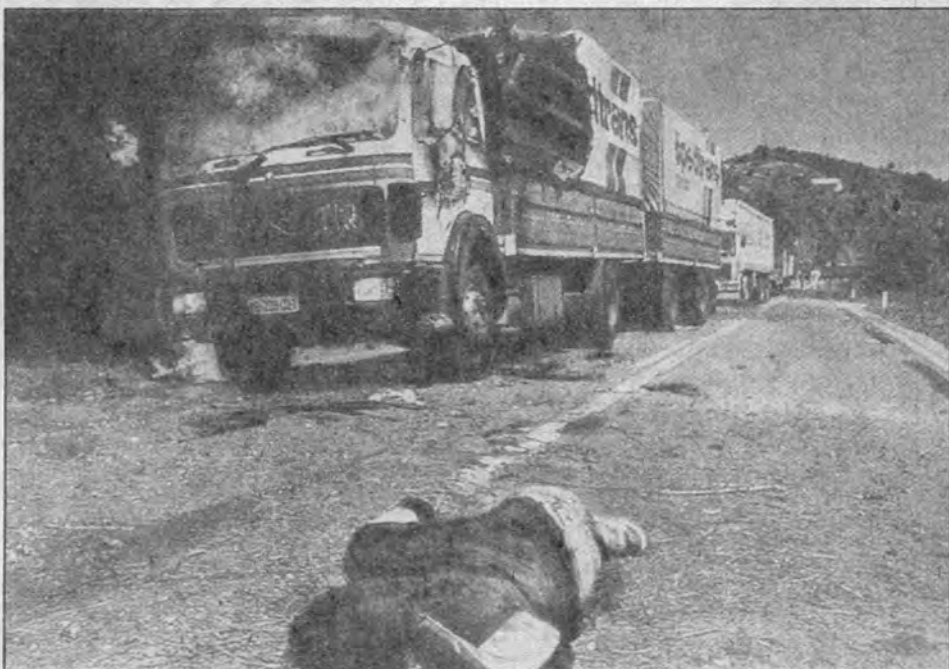
Позаимствовав у своих предшественников лозунг «Каждая революция должна уметь защищаться», правящая партия стала создавать военизированные формирования, не отказываясь и от нелегальных закупок оружия за рубежом. Традиционными стали военные парады, на которых присутствует одно руководство республики.

Новое общество потребовало новых лидеров. Места прежних кумиров и вождей заняли новые. В хорватских городах сплошь и рядом — огромные фотографии президента республики Франьо Туджмана, сувениры с его бронзовым профилем. Портреты руководителя встретишь во всех кабинетах «благодарных служащих». А недавно главная республиканская газета «Виесник» обрадовала читателей выходом в свет богато иллюстрированной книги о Туджмане, в которой содержится много фотографий «из его общественной и личной жизни». Купив книгу (в том, что она пойдет

хорватскую культуру», вызывает у многих ассоциацию уже с более далеким прошлым.

Разумеется, переход от одной системы к другой не происходит плавно и в остальных югославских республиках. На волне борьбы с «коммунистическим прошлым» к власти нередко приходят политики, хорошо усвоившие национальные лозунги и мало размышляющие о хлебе насущном и демократии.

Любопытно и то, что оппозиция нередко одерживала абсолютную победу и в районах, где проживают привилегированные слои бывшего режима. Очевидно, для обитателей этих кварталов социалистический идеал, который они яростно отстаивали на трибунах, измерялся просторностью собственного служебного кабинета. И, дабы сохранить его, они быстро пересматривали свои взгляды. Только вот различие между «товарищем Ивановичем», бывшим первым

Дорога в Загреб...

нарасхват, издатели не сомневаются), читатель сможет созерцать отца нации «во время бритья, пребывания в родных краях, предающегося трем его любимым развлечениям».

Сложнее обстоит с выполнением обещаний экономического процветания. Несмотря на миллионы долларов, поступающих от хорватской эмиграции, хозяйственная ситуация в республике не изменилась к лучшему. Нечто знакомое просматривается и в линии ХДС требовать от населения всесекоего отрицания сегодня «ради светлого (некоммунистического) будущего». А вот проект закона о гражданстве, который провозглашает, что «гражданином Хорватии признается только тот, кто принимает

секретарем райкома, и «господином Ивановичем», нынешним руководителем районной мэрии, порой очень незначительно.

Югославское хождение по мукам посткоммунистического периода показывает, что между ушедшим режимом и обществом гражданским лежит известный переходный период. Демократия приходит не сразу. Нередко такой период приобретает национально-авторитарную окраску. Но, как говорил философ прошлого, опаснее абсолютной власти без законных полномочий только абсолютная власть с полномочиями.

Геннадий Сысоев,
соп. корр. «Нового времени»
ЗАГРЕБ—БЕЛГРАД

Советские танки на тропике Рака

Подобру-поздорову

Вывод советских войск с Кубы — начало осуществления новой политики в отношении режима Кастро

Войнская часть численностью в три с небольшим тысячи человек, именовавшаяся в сводках ЦРУ «боевой бригадой», а у нас — «учебным центром», на самом деле таким центром не была и боевого значения для СССР в своем отдалении, как считают специалисты, не имела. Держали ее по желанию кубинцев в качестве суррогата убранных в свое время ракет.

Таким образом, ее можно рассматривать как часть военной помощи Кубе, получавшей ежегодно оружия и снаряжения миллиарда на полтора рублей. Сумма эта фиксировалась, но об уплате и мысли у обеих сторон не возникало. Какая уплата, если Москве, словно манна небесная, сам собой достался плацдарм мировой революции в Западном полушарии, бесспорное свидетельство продвижения социализма и кризиса капитализма, братский остров у южного побережья США, которым, говорят, приходилось нести солидные расходы из-за близости коммунистического режима.

Судя по тому, что оружие Кубе обычно поставлялось не самое новое, в московском Генштабе не слишком высоко оценивали возможности двухсоттысячной кубинской армии в вероятном столкновении с империализмом. Но все же дружественный маяк в дальнем походе или полете — завести настоящую морскую или авиационную базы СССР так и не решился — был кстати. А особенно узел радиопрослушивания, по мнению советских военных, про-

сто незаменимый. Он числится в составе бригады, пребывание которой на острове и вообще военная помощь Кубе в условиях стратегического противостояния с США были вполне оправданны.

Но вот в СССР началось очищение от пережитков тоталитаризма, которое не будет полным, если ограничится его пределами. Поддержка тоталитарных режимов никак не укладывается в нынешнее мировоззрение. Более того, отказа от поддержки может оказаться недостаточно. В межгосударственных отношениях уже ставится под вопрос неизблемость принципа невмешательства в случае, если попираются права человека. Пока не очень ясно, при каких обстоятельствах и какие санкции должны быть приняты, но что дело к тому идет, сомневаться не приходится. Собственно, СССР всегда нес свет свободы иным народам. История предоставляет ему еще один шанс, только и всего.

Впрочем, пока что речь идет о том, чтобы советско-кубинские отношения были взаимовыгодны и чтобы они не мешали улучшению глобального политического климата. Бригада мешала, ей предстоит эвакуироваться. Чтобы перестать тратить ради Кубы, Москве сейчас достаточно резона, что это ей не по средствам. И даже если с позиций доктрины оборонной достаточности выяснится, что центр электронной разведки на острове все же нужен, такой аргумент ничего не изменит. Знакомый императив — надо, Федя, надо — получил обратный смысл,

но остался не менее настоятельным.

Другое дело, что и поворот в отношениях с Кубой хорошо бы оформлять по-новому — цивилизованно. Кубинцы правы, возмущаясь, что их не уведомили о предстоящем выводе бригады. Москва уже раз вызвала гнев Гаваны, не оповестив ее заранее о решении вывезти ракеты, но тогда хоть был карибский кризис. Однако утешает, что нынешнему решению сопутствовало другое — о прекращении поставок оружия в Афганистан. Оно тоже может иметь неоднозначные последствия, если другие поставщики не присоединятся к советско-американскому эмбарго. Но когда-то решаться надо, чтобы стандартный для советских лозунгов тандем — мир и демократия — явился наконец въяве на землю, будь она афганской или кубинской.

Как бы то ни было, за вычетом процедурных накладок у кубинских властей нет повода протестовать против нового советского курса. Еще два года назад, во время визита М. Горбачева на Кубу, Ф. Кастро заметил, что, если Советскому Союзу угодно строить капитализм, Куба возражать не вправе. Также весьма задолго Кастро начал готовить свой народ к полному прекращению советских поставок, к тому, что он называл «вариант поль». Он предсказывал такой вариант в случае, если в СССР разразится тяжкий внутренний кризис. Ну что ж, августовский путч вполне соответствует этому определению.

Есть ли шанс у кубинского режима перебиться и без СССР? Безусловно. Даже без оружия. Тех двух тысяч танков, что уже туда поставили, ему хватит надолго. И хотя шестерка истребителей МИГ-29 скоро станет без запчастей на прикол, выход тоже найдется. Советское продовольствие и без того туда не поступает, а сколько-нибудь нефти в дополнение к своей, имея сахар, никель, сигары и пляжи, Куба у кого-нибудь купит, если не объявят международную блокаду. Ф. Кастро уверяет, что у него в стране все предусмотрено и на такой случай. В конце концов там всегда тепло и можно собирать по три урожая в год. Социализм на острове будет строиться при любых обстоятельствах.

Подыгрывать в этом Кастро Москве вроде бы не к лицу. Но каковы будут ее следующие шаги? Вывести два десятка военных советников (не так давно их там было вдвое больше)? Вывести советских афганцев-инвалидов из ортопедического госпиталя в Гаване, построенного на деньги Саддама Хусейна?

Много наша страна вынуждена в последнее время выводить, выполняя нелегкий долг перед собой и перед миром, — освободить напрасно занятое место.

Виталий Соболев

Все люди братья, люблю с них братья я

Ближний Восток отошел на задний план, особенно после нашей августовской революции. На первое место вышли высокоразвитые страны, готовые помочь СССР выжить.

Тем не менее академик Евгений Примаков, фигура уважаемая на Ближнем Востоке, отправился в основательное турне по шести странам юга: Египет, Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты, Кувейт, Иран и Турция. Кого он представляет — ясно: Е.М.Примаков — личный представитель Президента СССР. А вот что он представляет, уже не столь ясно. СССР? В Союзе решаются вопросы экономических связей между республиками, вопросы дела вооруженных сил. А вот с внешними связями дело обстоит не очень ясно. Не берусь судить, заинтересованы ли независимые республики Прибалтики во всемерном укреплении всесторонних связей с мусульманским Востоком, а Туркмения — со странами Скандинавии.

Поездки на Ближний Восток никогда не были легкими. А в последнее время — особенно. Достаточно вспомнить униительные визиты Е.М.Примакова в Багдад. Да и теперь Москва обращается на Ближний Восток не с позиций великой державы, а больше как проситель. Приходится просить даже то, что принадлежит по праву. Ирак должен СССР свыше 6 миллиардов долларов. Сирия — около семи. Я побывал и там, и там. Советские дипломаты в один голос говорили, что возврата долгов от этих стран нам не видать как своих ушей. Пролетарский интернационализм действовал востро: отрывали кусок еды от наших детей и передавали арабским братьям, которые живут куда лучше. Арабские братья были вполне довольны исходя из принципа «все люди братья, люблю с них братья я». Теперь многие из них нас не любят, потому что мы тоже осмелились стать наконец прагматиками и начали искать друзей среди тех, кто ничего не вымогает, а наоборот — готов помочь. Разумеется, речь идет не о всех арабских странах. Но и не ограничивается ненавистниками Горбачева и демократии Муамаром Каддафи из Ливии, Саддамом Хусейном из Ирака и Ясиром Арафатом из Организации освобождения Палестины. «Мы, арабы, — пишет ливанский еженедельник «Аль-Кифах аль-Араби», — будем лицемерами, если не признаем, что желали успеха путчистам в Советском Союзе и разочарованы их провалом и возвращением Горбачева к власти».

Не все, конечно, рассуждают так. Пример тому — Египет, который добросовестно расплатился с СССР за все долги и поддерживает с ним самые дружеские отношения. С Египтом прошли переговоры

Примакова не только о развитии экономического сотрудничества, но и о политическом взаимодействии ради установления мира на Ближнем Востоке. Богатые арабские страны Персидского залива также поддерживают с нами нормальные отношения и уже оказали финансовую помощь. Возможно, эта помощь будет расширена. Сложнее обстоит дело с Ираном. Товарный кредит, который он готов предложить, обставлен жесткими условиями, хотя по объему и не очень велик: сумма порядка ста миллионов долларов продуктами питания, обувью, текстилем. Здесь же вступает в силу и не совсем понятный статус Советского Союза, где большинство республик объявили себя независимыми. Раньше за поставки иранского газа Армении и Азербайджану расплачивалась Россия техническим оборудованием. Кто будет платить теперь?

С Турцией, которая энергично стремится влиться в лоно европейских демократий, дела обстоят вполне благополучно, сотрудничество быстро развивается и перспективы его весьма благоприятны.

Так что турне Е.Примакова, надо полагать, принесет свою пользу. Кому, правда, пока не очень ясно. Будем считать — нам всем. По моим данным, планировалась другая поездка в регион: новый министр иностранных дел Панкин собирался посетить Израиль, чтобы договориться об установлении полных дипломатических отношений. Однако, по настоянию Примакова, мы вновь обратились к арабской стороне. Посмотрим, что для нас выгоднее.

А пока хочется поделиться таким соображением. Нам, конечно же, нужна не только материальная помощь, но и опыт налаживания хозяйства в новой экономической системе.

В середине 70-х годов президент Анвар Садат пришел к выводу, что научный социализм Гамала Абделя Насера завел страну в тупик под руководством советников из СССР. Он сделал поворот в сторону рыночной экономики. Москва предала тогда анафеме египетского президента за предательство арабских братьев, за то, что он строит капитализм. А Садат как-то заявил, что готов душу продать дьяволу, если это поможет его народу жить лучше. За каких-то пару лет египетской перестройки, названной «инфитах», в стране появились тысячи миллионеров. В течение пяти лет нувориши пользовались большими налоговыми льготами, стремительно обогащались. Больше стали получать неимущие слои. При страшной дороговизне, как у нас, Садат создал систему спецмагазинов для бедняков с очень дешевыми ценами. Последний опыт нам особенно стоило бы позаимствовать.

Дмитрий
Згерский

**Стоп-сигнал
советской
помощи
арабам.
Ждем
помощи
от них**

Развод или раздор?

Какой из двух сценариев воплотится в жизнь

Михаил Безруков

Случилось то, что должно было случиться: республики Прибалтики обрели независимость, которой они добивались, пробиваясь через все мыслимые преграды и увещевания.

Можно спорить о том, как бы развивались события, если бы союзное руководство повело себя в годы перестройки иначе и не оказывалось сплошь и рядом пленником старых догм и подходов. Тем не менее нужно признать, что конечный результат вряд ли мог быть другим. И не только потому, что отход от тоталитарной модели в СССР имеет свою логику, а границы возможного постоянно раздвигались. В сознании коренного населения прибалтийских республик утрата их независимости всегда оставалась незаживающей раной, а возвращение к собственной государственности — самым сокровенным чаянием, перед которым отступали многие другие соображения.

Решение прибалтийского вопроса долго оставалось камнем преткновения для перестройки. Невозможность выхода трех западных республик из состава СССР объяснялась его противниками тремя главными причинами. Во-первых, уже сложившимися тесными связями с другими частями страны. Во-вторых, опасностью обострения этнических конфликтов между коренным населением и русскоязычными жителями Литвы, Эстонии и Латвии. Наконец, особо подчеркивалось значение региона для военно-стратегических интересов Советского Союза.

Мысль о недопустимости выхода Прибалтики из СССР настойчиво вбивалась в головы наших сограждан. Тем, кто не понимал или не принимал ее, предлагались аргументы иного рода — вплоть до применения военной силы. И немало было тех, кому казалось, что уступки «разрушителям Союза» могли обернуться еще большими страданиями и конфликтами.

И вот свершилось. Так стал ли день торжества борьбы за государственную независимость одновременно и днем трагедии, о которой нас столько предупреждали?

Уходят старые символы

Фото из газеты «Гардиан» (Великобритания)

Между началом движения трех западных советских республик к отделению от СССР и сегодняшним днем лежит отрезок времени, настолько насыщенный бурными событиями, что многие из прежних мрачных прогнозов заметно поблекли.

Вероятно, уже не имеет смысла особо выделять проблему будущего экономических связей Прибалтики с СССР. Схожие процессы разрушения наблюдаются во взаимоотношениях практически всех наших республик и даже внутри них.

Трения на национальной почве в Литве, Латвии и Эстонии также нельзя отнести к чему-то из ряда вон выходящему на фоне повсеместного возрождения национализма в бывшей «семье народов». Во всяком случае есть основания ожидать, что в данном случае они будут улаживаться достаточно цивилизованным образом, согласно признанным международным нормам.

Что же касается военно-стратегических

интересов СССР, то само представление о них нуждается в радикальном пересмотре. Вместе с крушением советской империи начали стремительно устаревать складывавшиеся десятилетиями подходы нашей страны к внешнему миру. Советский Союз в его прежнем облике умер, и его составные части — в совокупности и отдельно взятые — вступили в период напряженного поиска своего принципиально нового места в системе международных отношений.

Значит ли все сказанное, что предостережения последних нескольких лет были надуманными?

Все зависит от точки отсчета. Нужно признать, что для того Советского Союза, который существовал до августовской попытки государственного переворота, требование Литвы, Латвии и Эстонии о восстановлении их независимости было действительно реальной угрозой. Оно ставило под вопрос примат

центральных властей при принятии решений о будущем СССР и тем открывало дорогу дальнейшему распаду страны, окончательному крушению существовавшего централизованного управления. Отсюда такое упорное сопротивление ясно выраженным желаниям народов Прибалтики. Прежний центр так и не нашел в себе силы подкрепить собственные слова о праве наций на самоопределение соответствующими действиями. Решение о признании независимости трех прибалтийских государств было принято, по сути дела, главами республик, участвующими в работе нового Государственного Совета.

Оставшиеся двенадцать республик независимости Прибалтики как таковая испугать не может. Многие из них также провозгласили независимость, и этот список непрерывно растет. По очень многим параметрам действия Литвы, Латвии и Эстонии совпадают с политикой других членов «союза нерушимого».

Не случайно, что в критические месяцы этого года именно позиция усиливших свое влияние республик, прежде всего России, стала важным препятствием для попыток с помощью грубой силы заставить одуматься прибалтийские народы.

Главным для республик является вопрос о том, что будет представлять собой политика трех прибалтийских государств в последующий период. От того, какой путь они выберут, и будут зависеть оценки происшедшего.

Возможны, по крайней мере теоретически, два сценария дальнейшего развития событий. Первый из них можно условно назвать «восточноевропейским».

Демократические революции в Восточной Европе 1989–1990 годов быстро вылились в подчеркнутое отчуждение недавних советских сателлитов от Москвы. Причин тому было немало. Среди них важное место занимало стремление новых восточноевропейских лидеров подстегнуть сближение своих стран с Западом с помощью демонстративного разрыва былой зависимости от СССР. Такая линия поведения расширяла и поддержку населением радикальных внутренних реформ.

Отталкивание Советского Союза принесло определенные выгоды, хотя оно и не решило всех проблем. Скоро стали очевидными и серьезные издержки такого подхода. Кризис взаимных связей, прежде всего в области экономики, дополнительно усугубил положение недавних партнеров.

Конечно, такие связи не могут быть альтернативой отношениям с развитыми западными странами и их объединениями. Вместе с тем взаимовыгодное сотрудничество сторон могло и может облегчить трудности переходного периода. Сегодня это понимает все большее число людей в Восточной Европе — как политиков, так и представителей деловых кругов.

Повторится ли в том или ином варианте опыт Восточной Европы в Прибалтике?

Соблазн пойти по этому пути, безусловно, есть.

Литва, Латвия и Эстония переживают сейчас период ошеломляюще быстрого признания со стороны международного сообщества и его институтов. Словно очнувшееся, человечество спешит оказать знаки внимания и почтения недавним пленникам Империи зла. Это уникальный исторический момент, который может быть использован тремя новыми независимыми государствами.

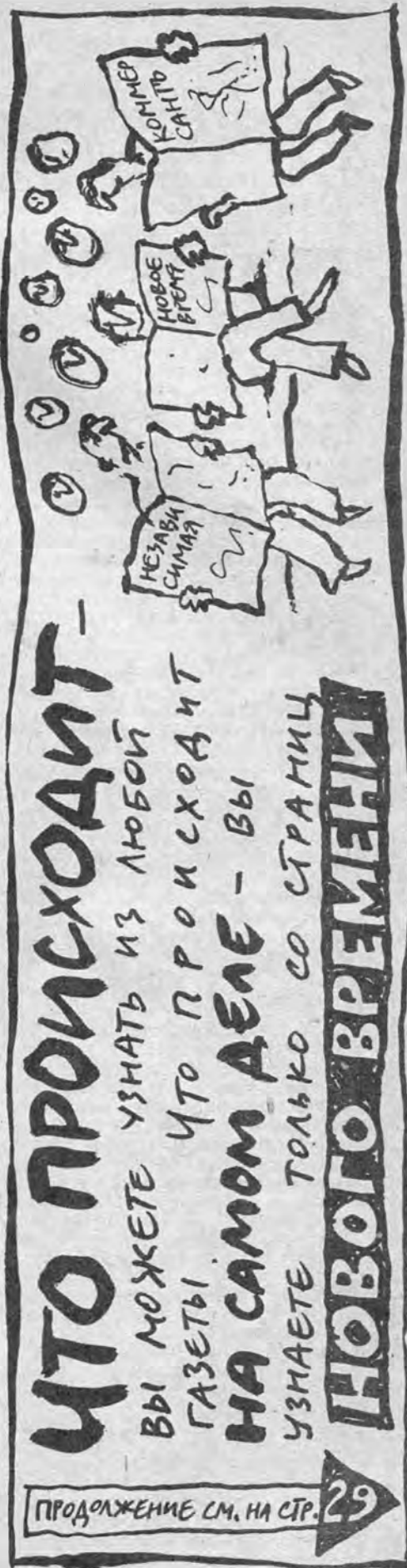
Возможно, поток помощи даже усилится, если Литва, Латвия и Эстония изменят в сторону бескомпромиссности свою позицию в отношении нашей страны (вывод войск, судьба военных объектов, проблема общесоюзной собственности). Как и в случае с Восточной Европой, такой поворот, помимо всего прочего, способствовал бы обретению прибалтийскими государствами своего собственного лица после десятилетий зависимо-существования.

Издержки подобного выбора не заставят себя ждать. И не исключено, что они намного перевесят то, с чем пришлось столкнуться в Восточной Европе.

Оправданий им найти будет трудно, сложнее, чем какой-то год тому назад. Советского Союза прежних лет уже нет. Есть сумма республик, пытающихся решать схожие задачи и сталкивающихся со схожими проблемами. Все составные части бывшей Империи зла в равной степени страдают от шагов, ведущих к дестабилизации.

Когда-то кто-то сравнил попытку вырваться из плена тоталитаризма с усилиями прорыть путь на свободу из пирамиды и обратил внимание на то, что эта структура может рухнуть и погубить беглецов. Насколько удастся избежать губительного хаоса в бывшем Союзе, зависит от способности республик, в том числе и трех прибалтийских, проявить разумную сдержанность и готовность к диалогу.

Это и есть второй, куда более предпочтительный сценарий дальнейшего развития событий.

Спуск красного флага

Избиратели отказали в доверии социализму по-шведски

Две страны — СССР и Швеция — прославились на весь мир многолетними экспериментами с идеями марксизма. Советский коммунизм совершил самоубийство в августовские дни, попытавшись в последний раз доказать, что его фиаско происходит от отсутствия управления по типу «жесткой руки». Шведский социал-демократизм действовал мягкими методами и добился чрезвычайно многого, но и он, похоже, оказался в тупике. На парламентских выборах 15 сентября избиратели отказали ему в доверии, лишив большинства в риксдаге блок из социал-демократов и сотрудничавшей с нимилевой партии, убравшей недавно из своего названия слово «коммунисты».

Напрасно премьер-министр (теперь уже бывший) Ингвар Карлссон напоминал, что за последние 49 лет социал-демократы находились у власти 43 года, превратив Швецию, пожалуй, в самое развитое, богатое и свободное государство мира. Ему и его министрам не простили беспреседенно высоких налогов (через них перераспределяется 57 процентов ВВП), а главное — отсутствия ясной перспективы дальнейшего прогресса страны. «Шведская модель» социал-демократического разлива, ласкающая душу сторонникам «социалистического выбора» от никарагуанских сандинистов до советского президента, стала казаться большинству шведов излишне дорогой и неконкурентоспособной.

Да, многие здесь почитают высококлассное социальное обеспечение и иные гарантии, предоставляемые индивиду обществом, но опыт Западной Европы свидетельствует, что и без социалистов, которые в последние лет десять отошли на задний план, жить в современном обществе можно очень и очень неплохо. Можно, пусть даже и не 100 процентам граждан. Идеи социальной солидарности постепенно сменились лозунгами социальной справедливости: не каждый должен существовать безбедно, а лишь те, чей труд дает такую возможность. Ну а тот, кто так работать не может или не умеет, пусть живет похуже. На этом, если упростить ситуацию, и сыграли буржуазные партии.

Теперь их в риксдаге станет 5, а не 3, как раньше, и им принадлежит большинство мандатов (196 из 349). Но договориться им будет совсем непросто, особенно если учесть, что кроме традиционных консерваторов, либералов и центристов в зал парламента впервые войдут христианские демократы и «новые демократы». Первые, правда, до сих пор вели себя образцово и обещали поддерживать «старших братьев» в усилиях по созданию правитель-

ства, однако, как показали уже первые часы после выборов, возглавляющий их Альф Венссон обладает не только мягкими манерами, но и «железными локтями». «Напрасно некоторые думают, что нас заботит лишь проблема свободы аборт», — многозначительно заявил этот лютеранский проповедник на вопрос об условиях его участия в создании буржуазного кабинета министров.

Когда я рассказывал шведским те-

Лидеры левых сил — социалистический эксперимент не удался

лезрителям о своем видении ситуации в риксдаге, ведущий третьего телеканала не без ухмылки подсадил ко мне лидера «Новой демократии» Берта Карлссона — владельца парка развлечений, который вместе с безработным графом Яном Вахмейстером решил избавить Швецию от тягот «старой» демократии. Достав из кармана буханку хлеба, он начал рассуждать о сельскохозяйственной политике, затем, перейдя к любимой теме — освобождению страны от социализма, походя назвал себя «шведским Ельциным». Понятно, что намеревающийся

возглавить правительство консерватор Карл Бильдт испытывает сильнейшие сомнения относительно разумности включения в коалицию новоявленных демагогов. А его более серьезные партнеры о них вообще слышать не хотят.

Тем не менее политика — занятие не для чистоплюев, и несоциалистическое большинство вынуждено в той или иной форме опираться на мандаты «новых демократов», ибо они являются той гирькой, которая и позволяет правым иметь в парламенте перевес над левыми. Сотрудничать же с социал-демократами, а тем более слевой партией Карл Бильдт не хочет. Марксизм, что мухомор, уверяет он, ядовит в любых дозах. И вообще левые потерпели самое сильное в истории политической демократии в Швеции поражение и не имеют морального права участвовать в новом правительстве.

Ну а какое будущее уготовано «шведской модели»? Пойдет ли она на слом или ей предостит лишь подтягивание морщин и устранение жировых прокладок? Она формировалась долгие годы в определенных исторических условиях, отвечает будущий премьер, но сегодня условия изменились, значит, следует изменить и модель. Социал-демократические методы решения проблем в современном обществе не работоспособны. Достаточно взглянуть на Восточную Европу и СССР, дабы понять, что мир идет не к социализму, а от него.

Естественно, бывший глава правительства страны с ним не согласен. «Нет никакой связи между падением коммунизма на Востоке и поражением социал-демократии в Швеции». Не берусь судить, насколько искренен лидер социал-демократов, но, думаю, он в данном случае заблуждается, как заблуждался и чуть раньше, заявляя о своей уверенности в незыблемости устоев шведского общества.

Итак, обещанное консерваторами и либералами освобождение страны от доминирования социал-демократов состоялось. Правда, не столько эти две партии одержали победу, сколько социализм потерпел поражение. Теперь избиратели с нетерпением ожидают, что принесет также обещанный «новый старт для Швеции», якобы гарантирующий невиданный взлет экономического прогресса и благосостояния при одновременном снижении налогового гнета. Думаю, он может оказаться фальстартом, ибо участники потенциальной коалиции весьма разнородны и каждый будет стараться перетянуть ее «лоскутное одеяло» в свою сторону. Оно вообще может лопнуть, если в перетягивании захотят участвовать сразу пять партий.

Александр Полюхов,
соб. корр. «Нового времени»
СТОКГОЛЬМ

С кем вести разговор

Острова в обмен на миллиарды?

Еще до визита делегации японскую прессу захлестнуло цунами сообщений из Москвы о высказываниях президента республики и других ее ответственных руководителей по вопросам советско-японских отношений, и прежде всего по территориальной проблеме. Вначале японцев обдало леденящим холодом от вновь повторенного Ельциным намерения оставить решение проблемы будущим поколениям. Затем бросило в жар от заявления Явлинского о необходимости руководствоваться русско-японским договором 1855 года, по которому четыре острова принадлежали Японии. До нормальной температуры ситуация остыла после того, как Хасбулатов передал премьер-министру Кайфу личное послание Президента РСФСР и высказался за ускорение поиска решения. В Токио поняли, что российское руководство подходит к проблеме территорий радикально и конструктивно, но вместе с тем не намерено завтра же передавать острова.

В дни визита мне удалось побеседовать с одним высокопоставленным сотрудником МИД Японии, который высказал такое мнение:

— В январе прошлого года Б.Ельцин выдвинул свой пятиэтапный план нормализации японо-советских отношений. Сейчас и сам Ельцин, и господин Хасбулатов внесли в него важные изменения и дополнения, которые реально могут продвинуть дело вперед. В первоначальном варианте предлагалось оставить решение территориальной проблемы будущим поколениям, теперь же предлагается решать ее быстро, не откладывая. Уже практически реализован первый этап предлагаемого Ельциным плана: советской стороной признано наличие территориальной проблемы. Причем сделано это в коммюнике, подписанном Горбачевым и Кайфу. Частично уже начали реализовываться второй и третий этапы плана Ельцина: активизируются обмены и связи на различных уровнях и в разных областях, начинается постепенный вывод советских войск с четырех спорных островов. Останутся, таким образом, два этапа — четвертый, подписание мирного договора между Японией и СССР, и пятый, то есть само решение территориальной проблемы. У Ельцина в прошлом году они шли именно в таком порядке. Однако сейчас российские руководители говорят не только об ускорении реализации плана, но и о возможном сокращении его этапов, об изменении их последователь-

ности, то есть проявляют достаточно гибкости. В этом плане основания для оптимизма есть. Что же касается японской стороны, то ее позиция такова: формула решения территориального вопроса должна быть инкорпорирована в текст мирного договора. Мы готовы обсуждать все вопросы, открыты для новых предложений. Но с кем обсуждать? С кем

Российско-японский диалог

подписывать мирный договор? С Союзом? С Россией? С Союзом и Россией вместе? Это должна решить ваша страна.

Находясь в Токио, Хасбулатов в качестве одного из своих главных тезисов во всех беседах подчеркивал следующее: японские руководители должны понять, что ориентироваться на вчерашний день нельзя. Советский Союз, центральные ведомства, центральное правительство — это уже миф, как это ни прискорбно. Но, чтобы не дать Союзу распасться окончательно, именно Россия с ее традициями собирателя и объединителя земель должна взять на себя и уже берет функции бывшего Союза. Отсюда вывод — все отношения с Японией могут строиться только на основе переговоров с Россией.

В беседе с советскими журналистами Руслан Иманович с видимым сожалением признал, что эта реальность пока еще не дошла до сознания японцев, которые продолжали настойчиво интересоваться позицией Союза. Разве не доказательство полномочий России, считает он, то, что все шаги и решения ее руководства подтвержда-

ются и санкционируются центральной администрацией?

Возвращаясь к вопросу о миллиардах долларов на помощь России в преодолении экономического кризиса. Хасбулатов первым из советских и российских руководителей заявил, что Россия уважает основополагающий принцип японской политики в отношении СССР (и соответственно в отношении России, коль скоро она, по словам Руслана Имановича, становится правопреемницей бывшего СССР), то есть принцип неразделения экономики и политики. Этот принцип, попросту говоря, означает, что Япония не пойдет ни на какое крупномасштабное экономическое сотрудничество с нашей страной, включая и экономическую помощь, до тех пор, пока не будет заключен мирный договор, то есть фактически пока не будет решен территориальный спор.

Однако принцип принципом, но Япония как великая экономическая держава и близкий сосед России могла бы вне рамок этого принципа оказать экстренную помощь в тяжелую минуту. Никто не может исключать, подчеркивал Хасбулатов в Токио, что следующая попытка путча может оказаться успешной. А такая попытка вполне реальна, если не предпринять что-либо для немедленного облегчения жизни россиян. Лучше сейчас предотвратить пожар в доме соседа, чем потом спасаться от пылающих головешек, падающих на твой собственный дом. Логика вполне здравая. Но страдать японцев еще одним переворотом — не «контрпродуктивно» ли это?

На встрече с советскими журналистами в Токио Хасбулатову был задан вопрос: как насчет разработки юридических и коммерческих условий для западного, в том числе японского, бизнеса? Вот какой ответ последовал: конкретных шагов пока предпринимать не собираюсь. Вот если бы нам японские деловые круги сказали конкретно: нам мешает то-то и то-то, тогда наша реакция была бы очень быстрой.

Помилуйте! Годами и десятилетиями японцы прямо и косвенно, письменно и устно призывают нас снять вполне конкретные препятствия или принять необходимые решения. Так и будем ждать, пока добрый дядя не только даст нам на молочишко, но и распишет все за нас на поколения вперед?

Владимир Овсянников,
соб. корр. «Нового времени»
ТОКИО

Место в истории для генерала Ярузельского

**«Каким
образом
профессио-
нальный
военный стал
политиком,
да еще
наивысшего
ранга?»
Собкор «НВ» в
Варшаве
Рудольф
БОРЕЦКИЙ
продолжает
беседу с
Войцехом
ЯРУЗЕЛЬСКИМ**

Войцех Ярузельский. Мои интересы никогда не ограничивались стенами казармы. Всегда много читал, в том числе публицистику, политическую литературу. Следил за событиями в сфере культуры. В свое время, когда это было отнюдь не формальностью, закончил вечерний университет марксизма-ленинизма. Достаточно сказать, что преподавали там такие известные авторитеты, как профессор Адам Шафф (позднее выехал из Польши, став профессором Венского университета. — Р.Б.). В середине 50-х годов, окончив с отличием польскую Академию Генштаба и получив звание генерала, я возглавил Управление высших и средних военных учебных заведений. Потом командовал механизированной дивизией. Самообразованием занимался постоянно. Вероятно, это сыграло свою роль при назначении меня начальником Главного политического управления армии. Сколько мог, я сопротивлялся такому назначению, но меня убеждали, что на данном посту нужен человек, соединяющий знания строевого офицера с широким политическим и общим кругозором, что работа временная и так далее. В общем, вздохнул с облегчением только тогда, когда стал начальником Генерального штаба — ближе к своим профессиональным интересам.

В 1968 году, став министром обороны, я вновь столкнулся с политическими проблемами. Ведь роль министра в любой области — в значительной степени политическая. В нашей системе это, как правило, означало членство в ЦК партии. В конце 1970 года я стал кандидатом в члены Политбюро ЦК ПОРП. Не могу сказать, что я был очень деятельным участником партийных заседаний, но по обязанности состоял в Политбюро добрых десять лет. Предпочитал отдавать силы и умение своему прямому делу, и, думаю, кое-что полезное для армии на посту министра сделать мне удалось.

«Новое время». А как складывались отношения с советским командованием и с его представителями на территории Польши?

В.Я. То, что называлось «ограниченным суверенитетом», воспринималось иногда болезненно, но прежде всего как неизбежность, как гарантия безопасности наших западных границ. Не надо забывать также, что Советский Союз оказывал нам существенную помощь в оснащении современной боевой техникой. Со многими советскими коллегами меня связывали

Начало см. в № 37.

дружеские отношения, о них я и теперь вспоминаю с теплотой. Я лично не испытывал со стороны советских военных руководителей высокомерия, мы были боевыми друзьями. На других уровнях бывало, к сожалению, по-разному...

Ну а все последующие события в моей биографии... Сказать, что я стал заложником обстоятельств, было бы, наверное, не до конца правдой. В 1981 году это была уже скорее роль спасательного круга для тонущей команды, для государственных структур и экономики. Надежды на стабилизацию ситуации в стране тогда связывали с высоким престижем армии, а также с моим личным положением известного военного руководителя. Горько сознавать, что не все мои усилия принесли желаемые результаты.

«НВ». Не считаете ли вы, что шанс на «спасение тонущей команды» в странах социализма был дан историей только однажды — в 50-х годах, после XX съезда КПСС? Для Польши это был октябрь 1956 года, возвращение Гомулки из политической ссылки, VIII пленум ЦК ПОРП. Я имею в виду даже не столько партийные решения и персональные перестановки, сколько тот подлинный энтузиазм, с которым было встречено заявление «решительно и навсегда» покончить с тоталитаризмом. Позднее коммунисты уже никогда такой поддержки в массах не имели. Все утонуло в идеологической болтовне, лицемерии, новых преследованиях...

В.Я. Трудно с этим не согласиться. Мы тогда действительно упустили возможность решительно и глубоко преобразовать наш строй. Именно 1956 год давал такой шанс... А потом все сильнее жали на тормоза. Кульминацией отката стал 1968 год, так называемые чехословацкие события...

«НВ». Какое из своих решений вы считаете наиболее ответственным и какое наиболее трудным?

В.Я. Самое ответственное — и одновременно самое трудное — решение о введении военного положения. К наиболее важным я бы отнес также инициативу «круглого стола». Когда сегодня я перечитываю запись последнего пленума ЦК ПОРП (декабрь 1988 — январь 1989), то вспоминаю, каким атакам подвергался со стороны партийных наших фундаменталистов. Они осуждали руководство партии. Не соглашались на диалог с оппозицией. Говорили: «Мы зачем тогда 13 декабря вообще эту лягушку глотали?» Я отвечал: «Мы затеяли глотать лягушку, чтобы огнем не поперхнуться». Характерно, что в постановлении пленума партия возвращается к тем самым фундаментальным ценностям, которые провозглашала еще в 40-х годах и о которых я говорил в начале нашей беседы. Только вот опоздали мы на добрых четыре десятилетия...

Если правильными были наши намерения и по нашей же вине не превратились в жизнь, то вина в том не

идей социализма, а тех, кто взялся руководить их реализацией. Последний звонок прозвенел. Большинство народа утратило к нам всякое доверие.

«НВ». К вопросу о военном положении. Можно ли рассчитывать на вашу полную откровенность сегодня, когда над вами не тяготеет ответственность первого гражданина государства? Готовы ли вы приподнять завесу над действительными причинами, побудившими принять столь тяжелое решение? Особенно интересно реальная роль в этом событии бывших советских руководителей.

В.Я. Я не удовлетворю ваших ожиданий, поскольку сам хочу кое-что написать об этом. При всем моем уважении к «НВ» не хотелось бы расходиться на журнальные интервью. Важнее, однако, то, что это было время такого сложного переплетения внутренних и внешних политических и экономических, субъективных и объективных причин, без учета которых любая интерпретация будет односторонней, а потому и неправдивой. Кроме того, всю полноту информации мы, возможно, не скоро получим. В британских архивах, например, до сих пор хранятся документы, касающиеся польского восстания 1863 года, доступ к которым еще закрыт. Не знаю, может, в них содержится что-то постыдное для англичан, но факт остается фактом.

«НВ». Да ведь все сегодня знают, как наши войска сосредоточивались на советско-польской границе, о панике, царившей в кабинетах на Старой площади, о спешной эвакуации совкомандированных и студентов из Польши...

В.Я. Я не могу говорить за советскую сторону.

«НВ». Хорошо, спрошу иначе. Если бы не было 13 декабря, наше вмешательство стало бы неизбежным?

В.Я. Я не хотел бы на столь серьезную тему рассуждать в предложенной вами стилистике. Так исторически сложилось, что наше национальное мышление отягощает стереотип агрессивного восточного соседа, который на протяжении двух последних столетий постоянно посягал на нашу независимость. И я воспитывался в том же духе, в убеждении, что мой народ вынужден был вечно бороться за свою свободу. И действительно так было. Но надо смотреть глубже. Я с беспокойством наблюдаю, как в нас пробуждается охота к сглаживанию собственных недостатков. Это правда, что в XVIII веке соседи-интервенты разорвали мою родину на части. Но почему мы забываем о собственном грехе, о внутреннем распаде Польши, которая стала для них легкой добычей? Или вспомним нашу ситуацию перед второй мировой войной. Да, Гитлер, Сталин, сговор, преступление перед польской нацией — все правда. (Хотя на одну доску я их все равно не поставлю. Имперские амбиции, террор, злодеяния Сталина — не то же самое, что идеология и политика ге-

ноцида Гитлера в отношении поляков.) Но, с другой стороны, не по их же вине тогдашняя Польша была и в экономическом, и в военном отношении страной отсталой. Кавалерия против танков! А самообман, а фанфаронство, бьющее через край. Следовательно, и это надо видеть и трезво оценивать.

Теперь — 80-е годы. Да, внешнеполитическая обстановка была в высшей степени угрожающей. Если помните, тогда мир переживал в какой-то мере возврат к «холодной войне». Советские войска вошли в Афганистан. Американцы вводили евромаршеты. На одном полюсе — Брежнев, на другом — Рейган. Глобальный климат не мог не влиять на нашу внутреннюю температуру. Некоторые влиятельные круги Запада были заинтересованы, чтобы Польша кипела, а Восток был обеспокоен тем, что под боком возник новый взрывоопасный очаг. Одним словом, Польша стала тогда полигоном политического сражения между Западом и Востоком. Мы не могли с этим не считаться. Свежи были в памяти венгерские и чехословацкие события. Но я опять-таки не склонен кивать в первую очередь на соседа. Хочу задуматься над нашей собственной виной перед народом — и оппозицией, «Солидарностью», и правящей партией, и моей личной — за то, что мы сами не смогли тогда найти путь к компромиссу, не смогли цивилизованно разрешить наши внутренние проблемы. Не созрели для этого. И пришлось сделать тот отчаянный шаг. Но без того горького опыта мы бы, наверное, не созрели для диалога и «круглого стола».

«НВ». Одним из свидетельств нецивилизованного, сказал бы сильнее — варварского, способа «разрешения внутренних проблем» стало убийство ксендза Ежи Попелушко. Я хочу вернуться к этой национальной трагедии не для того, чтобы раздирать старые раны. Его смерть ведь и сегодня остается загадкой... Осенью 1984 года я был в Польше. Скупые и путаные сообщения о похищении, а потом о найденном в водохранилище трупе священника поначалу мало о чем говорили. Но версия большинства здравомыслящих людей сводилась к тому, что вся та бесчеловечная акция нацелена была непосредственно на вас и ближайшее ваше окружение. Нацелена на тех, кто именно тогда пытался реформировать систему, пробовал изменить общественные отношения и отказался пойти на диалог с оппозицией. Что вы можете сейчас сказать по этому поводу?

В.Я. Жизнь человека есть ценность сама в себе. А смерть, тем более насильственная, — это трагедия... Ксендз Попелушко стал в те годы в нашем обществе большим духовным авторитетом. Жаль только, что свою миссию пастыря он распространял и на вопросы сугубо политические, за что подвергался со стороны официальных властей критике. Но это был человек, и этим все сказа-

но. Убийство священнослужителя — позорный, омерзительный факт! Да еще таким зверским образом...

«НВ». Где и когда вы об этом узнали?

В.Я. О похищении — на другой же день. Рано утром мне позвонил министр внутренних дел Кишак. К тому времени уже объявился водитель ксендза Попелушко и рассказал, что трое, в том числе один в милицмейском мундире, похитили ксендза и куда-то вывезли. Шофер же, в прошлом десантник, спасся, выпрыгнув на ходу из машины.

Я и тогда не сомневался, что вся эта история — провокация. У меня нет бесспорных доказательств, что задумана она была против меня лично. Но объективно это преступление нанесло тяжелый урон политике, которую я пытался проводить. Суть провокации шире, и вы правильно это подметили. Вся та акция начиная с выбора жертвы — личности, публично критикующей власть и строй, человека, широко известного и популярного, была направлена против явно обозначившейся положительной тенденции в развитии польских событий. 1984 год шел к концу. Улучшилось экономическое положение, наполнились прилавки магазинов, военное положение уже полтора года отменено, социальный конфликт, атмосфера конфронтации шли на убыль. Начались переговоры с участием церкви об освобождении еще оставшихся в заключении политических... В общем, уже намечалась некая общая платформа для цивилизованного диалога. Очень заметную роль сыграл здесь ксендз-примас кардинал Юзеф Глемп. Я предложил такой принцип: «неважно, откуда кто приходит, важно — в каком направлении он хочет идти», и старался ему следовать. Одним словом, ситуация вселяла надежду на общественное согласие. И вдруг такой удар, совершенно очевидно рассчитанный на компрометацию и блокаду всех наших усилий. Удар, который, несомненно, сыграл свою роль... К чести министра внутренних дел (я тоже приложил здесь некоторые старания), в беспрецедентно короткий срок преступники были схвачены, и мы довели дело до открытого процесса. Следствие проводилось тщательно. Виновные строго наказаны. Других следов не найдено.

Сегодня следствие возобновлено, как официально заявлено, с целью выяснить, кто и с какими мотивами инспирировал эту акцию и руководил ею. Недавно я тоже давал показания прокурору. Считаю, что следствие с точки зрения юридической идет безупречно. Но настораживает меня сомнительный привкус кампании, разворачивающейся вокруг этого дела. Показания осужденных теперь резко отличаются от тех, которые они давали прежде. Делаются публичные заявления, что их обрабатывали, оказывали давление и так далее. Я обратил внимание прокурора на показания, в частности, главного

Брежнев, Каня, Ярузельский, Громыко, Черненко... Переговоры в условиях «ограниченного суверенитета»

обвиняемого Петровского во время первого процесса. Тогда он мотивировал свои действия совсем иначе. Высказывал недовольство работой МВД и вообще руководства страны, проявлявшего, по его мнению, излишнюю терпимость и недееспособность в борьбе с врагами Польши, особенно с клиром, и потому не мог пассивно наблюдать за происходящим. Я передал прокурору письмо, адресованное мне Петровским из тюрьмы, в котором он просил прощения за ущерб, нанесенный им партии, государству, мне лично. Имеется также письмо Петрушки (один из четырех осужденных, бывший полковник МВД, руководитель отдела, непосредственный начальник убийцы Петровского; руководил операцией похищения ксендза и его умерщвления. — Р.Б.) на имя генерала Кишака, полученное им уже после вступления в силу приговора. (Напомню. Суд приговорил Петровского — к 25 годам лишения свободы, Петрушку — к 25 годам, Пенкалу — к 15 годам, Хмелевского — к 14 годам. В декабре 1987 года Верховный суд смягчил приговор: Петровскому — 15 лет, Петрушке — 10 лет, Пенкале — 10 лет и Хмелевскому — 4 года и 6 месяцев. — Р.Б.) В этом письме Адам Петрушка как бы даже обвиняет министра внутренних дел, да и меня, что якобы именно наша чрезмерно мягкая политика в отношении Костела, наша нерешительность толкнула их на этот шаг. А что делается сегодня? Почувствовав изменение конъюнктуры, они представляют себя чуть ли не жертвами чужой воли. К сожалению, когда настроения в обществе еще не стабилизировались, страсти не улег-

лись, в определенных политических кругах витает дух «расправы с коммуной», такие спекуляции могут как раз прийти ко двору, послужив инструментом пропаганды, особенно накануне выборов в парламент.

«НВ». Состоялась ваша, уже шестая по счету, встреча с папой римским Иоанном Павлом II, и, как я слышал, по его инициативе...

В.Я. Нет, это было взаимное желание и взаимная инициатива. И я очень это ценю, считаю, что такие встречи касаются не только меня лично. В таком жесте папы вижу выражение уважения ко всем полякам независимо от их политической родословной и мировоззренческих позиций. В нашей беседе мы говорили прежде всего о нынешних проблемах Польши. Но затронули и вопросы, касающиеся Советского Союза. Папа с симпатией и уважением говорил о Михаиле Горбачеве, с пониманием — о его трудной миссии. Вспоминал о встречах с ним, процитировал даже мысль советского президента о том, что медленнее и мучительнее всего происходят изменения в человеческом сознании. Я заметил, что всецело разделяю мысли папы, адресованные к советскому руководителю, и от всего сердца желаю ему удач на его нелегком пути, желаю успехов Советскому Союзу, его народам, ибо стабильность в вашей стране важна для всего мира, и особенно для нас — ваших ближайших соседей.

«НВ». А как вы оцениваете отношения между нашими странами в последнее время?

В.Я. С грустью вижу, что складываются они не так конструктивно, как могли бы. Я, в частности, обеспо-

Военный переворот по-польски

коем тем, что наши экономические связи сокращены, заторможены, причем с потерями для обеих сторон. Но и в политической сфере не лучше. Понятно, нас пока захлестывают эмоции. После стольких лет неравноправных отношений, недомолвок, полуправды, иногда и прямой фальсификации прошлого естественно было ожидать такой реакции. Только не следует культивировать это, в общем-то, болезненное состояние души. Нужно помнить, что страдания от тоталитаризма выпали и на долю русского народа, других советских народов, и в огромных, опустошительных масштабах. Если мы будем переносить нашу горечь на современные отношения, то не увидим разницы между ушедшей эпохой и ее вождями и новой эпохой перестройки и ее лидерами. Люди, которые пошли на полную гласность в наших отношениях, — это совсем иное поколение, и я решительно не разделяю обывательского мнения: «все они одним мирром мазаны, все в ответе перед нами». Да, нужно развивать взаимовыгодное экономическое сотрудничество. Да, нужно выводить советские войска. Путем компетентных переговоров, с учетом реальных возможностей сторон приходиться к совместным решениям. Советский Союз должен понимать повышенную чувствительность поляков к факту присутствия в стране иностранной армии. Мы, в свою очередь, должны видеть всю сложность этой операции — и военную, и материальную, и просто человеческую. Но самое главное — мы соседи, и этого обстоятельства не изменить. Неразумно рушить сло-

жившиеся экономические, культурные, межличностные связи. В конце концов все эти десятилетия дружили, сотрудничали, сроднились между собой огромные массы поляков и советских людей. Я уверен, что рано или поздно наши отношения придут в нормальное, добрососедское состояние. В этом духе высказывался и папа Иоанн Павел II во время нашей встречи. Последние выступления президента Валенсы также дают такую надежду.

«НВ». Но вот путч в СССР. Как известно, президент Польши, узнав о произошедшем, одному из первых позвонил Войцеху Ярузельскому. Когда вам позвонил президент Валенса?

В.Я. 19 августа, около 9 утра.

«НВ». Почему именно вам?

В.Я. Не только мне — многим. Спросил, что я знаю о случившемся. Я ответил, что очень мало — только о самом факте введения в СССР чрезвычайного положения.

«НВ». Он спрашивал о вашем личном отношении к перевороту?

В.Я. Нет, скорее это было обращение с просьбой поддержать общие усилия. Я ответил, что вполне разделяю беспокойство президента, что положение, сложившееся в Союзе, небезразлично не только для нас, поляков, но и для всего человечества — Европы и мира. Я напомнил президенту, что он знает мое отношение к вашей стране, мою личную огромную симпатию к Михаилу Сергеевичу Горбачеву и что мы должны пристально следить за развитием событий, реагировать спокойно, без нервозности, но рационально и по-

следовательно. Я изложил свою готовность поддерживать президента в его решениях, которых потребуют конкретные обстоятельства. Он справился, буду ли я в Варшаве, чтобы найти меня в случае необходимости. Это был короткий разговор.

«НВ». Меня интересует ваше мнение как профессионала, военного и политика высшего ранга: почему путч не удался?

В.Я. Что касается «технологии» осуществления заговора, то о ней я просто не в состоянии говорить серьезно. Признаюсь, что, следя по телепередачам за событиями первого дня, я ловил себя на мысли, что разыгрывается какой-то спектакль, в котором задействованы непонятные механизмы. Настолько все выглядело дилетантски, опереточно. Я достаточно хорошо знаком с профессиональным уровнем Советской Армии. Консерватизм убеждений какой-то части ее руководства не отменяет того факта, что ее организация и техническая вооруженность на мировом уровне. И вдруг такая беспомощность. Во-первых, не интернируются люди, которые, совершенно очевидно, должны были бы оказать сопротивление, организовать его и возглавить. Во-вторых, не прерывается внутренняя и международная связь. В-третьих, не вводится комендантский час. Где-то лишь на второй день предпринимается весьма ленивая, я бы сказал, попытка. В-четвертых, не ограничивается свобода передвижения, коммуникации работают нормально. В-пятых, совершенно непонятна ситуация в средствах массовой информации: по радио идут объявления, распоряжения ГКЧП и тут же — заявления, комментарии его противников. Словом, не предпринимаются самые элементарные шаги, которые определяют в конце концов суть чрезвычайного положения. Все это на первых порах казалось каким-то странным политическим спектаклем. Только через некоторое время — особенно после пресс-конференции совершенно не уверенных в себе заговорщиков — можно было оценить случившееся у вас. Поэтому лично я оценил бы это как попытку дворцового переворота с ограниченной демонстрацией силы. В противном случае события могли бы развернуться по иному сценарию.

«НВ». Предположим, ну и что дальше?

В.Я. Вот именно. Несомненно, что и такой сценарий «образцового чрезвычайного положения» привел бы авторов и исполнителей рано или поздно к неизбежному поражению, только более страшной, кровавой ценой.

«НВ». Замечу попутно, что трудно себе представить, будто заговорщики не знали, как «идти на дело»...

В.Я. Безусловно, в этом я их не подозреваю. Тут, я думаю, их подвела самоуверенность. Они полагали, что народ по-прежнему боязлив и законопослушен, достаточно издать директивные документы и поиграть оружием — и цель их будет достигнута.

Объект номер один

«Америка России подарила пароход», а Россия Анголе — мавзолей

Первый президент Анголы, поэт и врач, Агостиньо Нето умер в сентябре 1979 года на 57-м году жизни в Москве на хирургическом столе клиники IV Управления Минздрава СССР. Эта смерть породила немало кривотолков. Слухи подогревались вполне обоснованными предположениями о причастности Советского Союза к попытке военного переворота в Анголе в мае 1977 года. В рядах путчистов оказалось немало людей, напрямую связанных со Старой площадью.

Главный заговорщик Ниту Алвиш незадолго до путча возглавлял делегацию правящей партии — Народного движения за освобождение Анголы (МПЛА) — на XXV съезде КПСС. Впрочем, это был его первый и последний визит в Москву... Путч провалился, и Москва сделала — теперь уже окончательно — ставку на президента Агостиньо Нето.

И тем не менее на период похорон Нето в обширной советской колонии в Луанде были предприняты повышенные меры безопасности. На крыше дома, где жили наши специалисты, были установлены пулеметы, а его обитателям было роздано личное оружие. Опасались резни. И ангольские власти между тем никоим образом не рассеивали этих опасений. Вспоминая, как знакомый бармен-португалец, оставшийся в стране после провозглашения независимости Анголы в 1975 году, предложил мне, переводчику, пересидеть «смутные времена» в подвале его бара. «Главное, не беги в посольство. Все равно не добьешься», — уверял он меня.

Но все обошлось. Новое руководство Анголы приняло решение забальзамировать тело Агостиньо Нето и поместить его в роскошный

мавзолей в центре Луанды. Все работы было поручено выполнять советским специалистам. В столицу Анголы срочно прибыли имевшие большой опыт «мавзолеестроители» из Москвы. В стоимостном выражении их объект, пожалуй, стал самым дорогим проектом советско-ангольского сотрудничества. Разумеется, после поставок оружия.

В компанию профессиональных «некрофилов» я попал случайно. Несмотря на секретность, которой была обставлена деятельность этой группы (режим содержания ее участников был куда строже того, под которым жили посольские шифровальщики), они все же нуждались в услугах переводчика. Им-то я и стал.

«Мавзолеестроители» прежде всего отправились на встречу с вдовой первого президента Анголы. Первый вопрос о том, каким бы она хотела видеть в гробу своего покойного супруга, поверг Еужению Нето в состояние шока. И все же через некоторое время (не без подсказки сверху) от нее пришло указание, что президент должен лежать в саркофаге в очках и с руками, скрещенными на груди.

Между тем спустя некоторое время тело А. Нето пошло пятнами и стало терять черный цвет. Опыта бальзамирования африканцев у наших специалистов не было, и они оказались перед неразрешимой проблемой. Тогда по личному указанию Брежнева было принято секретное решение о тайной отправке тела Нето для соответствующей обработки в Москву. Ангольские власти дали «добро». В посольстве СССР в Луанде вздохнули с облегчением. Но уже вскоре вздох облегчения сменился ощущением тревоги. Настоящий переполох в посольстве вызвало сообщение о том, что

Возможно, они рассчитывали и на ту часть населения (а она, безусловно, есть), которая жаждала «твердой руки», власти порядка. Не учли они, что и армия начинает чувствовать себя по-иному. Она обрела необходимую независимость от политического давления и видит свое назначение — служить Конституции, стране, народу, но не политической партии или группировке. Думаю, отныне становится невозможным использование армии в политических целях. Хотя, видимо, возможно ее участие в серьезных вооруженных конфликтах на национальной почве, но не во имя чьих бы то ни было властных амбиций и не в масштабах страны.

«НВ». Мы неоднократно публиковали в журнале материалы, связанные с военным положением в Польше. Возникали ли у вас какие-нибудь ассоциации с тем, что происходило 10 лет назад в вашей стране?

В.Я. Нет... То был совершенно иной этап истории: Польша была другая, Советский Союз — другим. Другой была Европа. Мир был иным. В Польше тогда назрела взрывоопасная ситуация. Мы стояли над пропастью гражданской войны со всеми ее страшными последствиями. К тому же то, что происходило в Польше, имели «на прицеле» и Восток, и Запад.

«НВ». И внешнее вмешательство казалось вполне реальным. Согласно «доктрине Брежнева» об ограниченном суверенитете...

В.Я. Ну, если угодно, возможно, были разные варианты развития событий. А у вас такой непосредственной угрозы 19 августа не было. Ни внутри страны, ни извне. Трудное положение в экономике — да. Но не было такой сильной политической оппозиции, как польская «Солидарность», которая могла бы вызвать общенациональное восстание. Далее. Мотивы для введения чрезвычайного положения в наших странах внешне вроде бы и совпадали: нужно погасить анархию, ликвидировать хаос, рост преступности и тому подобное. Даже лозунг «Будем последовательно проводить начатые реформы» тоже совпал. Но самое существенное расхождение в том, что в Польше военное положение вводил облеченный конституционными полномочиями Госсовет, коллективный орган, стоящий во главе государства (институт президентства тогда не существовал. — Р.Б.). В Советском Союзе акция 19 августа была попыткой антиконституционного переворота.

«НВ». Еще раз благодарю вас за беседу. Будем с нетерпением ждать вашу книгу, в которой, надеюсь, расскажете без утайки о том, что вы сейчас сочли несвоевременным.

Фото из журнала «Тайм» (США)

Пирамида Хеопса. Мавзолей Ленина. Усыпальница Хо Ши Мина.

группа ангольских руководителей без всякого предварительного согласования отправилась в Москву, чтобы вернуть тело А.Нето в Луанду. Посольство об этом узнало, как водится, последним и с замиранием сердца стало ждать соответствующей реакции московского руководства. А ангольцы между тем приземлились в Югославии; оттуда отбили депешу в Москву и преспокойно стали дожидаться там ответа. Что они хотели сказать этим демаршем, для всех так и осталось загадкой. Возможно, подчеркнуть лишний раз свою независимость...

А тем временем, чтобы не волновать пионеров и ветеранов, равно как и других представителей ангольской и международной общественности, им было предложено возлагать цветы и оказывать почести пустому закрытому гробу, выставленному в стеклянной витрине одного из залов президентского дворца.

Но самый впечатляющий этап всей этой истории наступил тогда, когда началось сооружение мавзолея. Ангольское руководство хотело иметь сразу все: и мавзолей, увенчанный стометровой стелой, и площадь для парадов с освещением, которое позволяло бы производить цветные телесъемки в ночное время, и новый административный центр, и бомбоубежище, рассчитанное на защиту от прямого попадания межконтинентальной баллистической ракеты. Саркофаг Агостиньо Нето в случае ядерного нападения на Анголу должен был автоматически опускаться из траурного зала в специальный склеп.

Мавзолей со всеми атрибутами в итоге построили. Но проблемы на этом не завершились. Возникли новые. Например, во что одевать почетный караул. Ему надо было находиться в помещении с температурой не выше 15 градусов. Африканцам холодно. Что делать? Сошлись на двух парах теплого белья и шерстяных носках. Еще один сюрприз ожидал наших «мавзолеестроителей», когда поступила заявка на сооружение кресла для действующего президента на трибуне мавзолея. Советские специалисты по примеру московского мавзолея предлагали потайное устройство:

президент вроде бы стоит во время торжественных церемоний, а на самом деле он сидит в специальном кресле! Но ангольцы настояли на своем.

Для возведения с десятком административных зданий вокруг мавзолея предстояло снести целый жилой район, хотя здесь находились роскошные виллы, брошенные португальцами после провозглашения независимости Анголы. Эти виллы самовольно захватили ангольцы. Теперь собственная власть лишила их пристанища, отправив в родные леса и саванны.

Так город потерял свой самый прекрасный уголок. Луанда к завершению строительства мавзолея стала напоминать нечто среднее между заброшенной стройкой и городской свалкой. Когда собирались проводить очередной съезд МПЛА, власти собрали послов братских социалистических стран с просьбой помочь привести улицы Луанды в порядок, а то неудобно как-то за верный оплот социализма в Африке перед иностранными гостями. Мы тогда, помнится, чинили городскую канализацию, а из ГДР прилетела бригада мусорщиков.

Жители города жили в наспех сооруженных домах из глины и жести, без водопровода и электричества. А в центре Луанды возвышался роскошный мавзолей. Уход за телом вождя обходился примерно в 10 миллионов инвалютных рублей в год. И все это, разумеется, в счет безвозмездной помощи советского народа. Сооружение мавзолея оценивалось в полтора миллиарда инвалютных рублей. На эту сумму был предоставлен государственный кредит на льготных условиях. Впрочем, никто всерьез и не думал, что долг когда-нибудь вернут...

Между тем гражданская война в Анголе окончилась. Скоро выборы. Кто придет к власти в стране? Последователи Агостиньо Нето или его непримиримые враги — оппозиционеры из Национального союза за полную независимость Анголы (УНИТА)? И какая судьба будет тогда уготована объекту номер один советско-ангольского сотрудничества?

Владимир Кокорев

Фотографировать мавзолей Агостиньо Нето категорически запрещено...

**НОВОЕ
ВРЕМЯ**

ЖУРНАЛ НЕ ДЛЯ
«ЛЕВЫХ»

**НОВОЕ
ВРЕМЯ**

ЖУРНАЛ НЕ ДЛЯ
«ПРАВЫХ»

**НОВОЕ
ВРЕМЯ**

ЖУРНАЛ НЕ ДЛЯ
«ЦЕНТРИСТОВ»

**НОВОЕ
ВРЕМЯ**

ЭЛИТАРНЫЙ
ЖУРНАЛ

**ДЛЯ
ВСЕХ**

Бред величия

Валентин Петрушин

За 73 года мы все-таки не сошли с ума окончательно — и это уже счастье...

Если человек может заболеть той или иной психической болезнью, то существует ли такая опасность для общественного сознания? И если да, то каковы симптомы? Как поставить диагноз? И каким должно быть лечение?

Известный советский психиатр Е. Краснушкин писал, что в культуре древнего Египта, «убранного таинственными знаками и священными зверями», отчетливо звучит, по его мнению, так называемый шизотимный радикал; в древней «веселой» Греции этот радикал циклотимичен; в «железном» Риме он несет в себе черты эпитимности.

Не пугайтесь терминов: за каждым из них — конкретный стиль поведения, вполне понятный и непосвященному. Шизотимики — это люди, погруженные в мир собственных идей, который они часто выстраивают по символическим и абстрактным схемам. При заболевании шизофренией, которая может последовать за тяжелыми инфекционными, психическими или физическими травмами, у пациента наблюдается аутизм — стремление отгородиться от внешнего мира, что снижает активность и инициативу, обедняет эмоциональную жизнь, приводит к утрате логики мышления. При паранойальной форме шизофрении появляются бредовые идеи величия и преследования. Однако сохранение интеллекта и правдоподобность бредовых утверждений могут длительное время маскировать начавшееся заболевание и создавать впечатление о пациенте как о человеке со своеобразными жизненными принципами.

Настроение циклотимиков периодически меняется от безоблачно-светлого до пессимистически-подавленного. Стремление к авантюрам и к приключениям при отсутствии моральных принципов может порой приводить циклотимика на судебную скамью. При наступлении депрессии появляются тоска, тревога, мысли о самоубийстве.

Эпитимиков отличает особое стремление к порядку, педантичность и аккуратность. Их психические процессы замедленны, поэтому они так склонны к обстоятельности, «застревают» на идеях, которые им дороги и которые образуют то, что психиатры называют «сверхценными об-

разованиями». При заболевании эпилепсией в характере появляются резкие колебания — от слащавой угодливости до мстительной жестокости. Как и при паранойе, эпилептический психоз может сопровождаться безудержным стремлением к власти и бредом величия. Больной представляет себя мессией: наместником бога, пророком, великим реформатором. Такие больные исключительно настойчивы, пунктуальны, злопамятны.

Синдром капюшона

На что же было похоже сознание нашего общества, находившегося в течение 73 лет в особом ментальном состоянии? Скорее всего это было похоже на параноидальную шизофрению. Достаточно сравнить приметы внешней и внутренней политики нашего государства в период застоя с теми симптомами, которые обнаруживает психиатр, имеющий дело с больным шизофренией.

Наше социалистическое государство прославилось созданием вокруг себя прословутого «железного занавеса», опущенного для того, чтобы подданные победившего социализма «в отдельно взятой за горло стране» не могли сравнивать собственную жизнь с жизнью граждан из других стран.

Изолированность и замкнутость, отчужденность от международного сообщества, пресечение всяких свободных контактов — все это очень напоминает известный каждому психиатру симптом «капюшона» при простой форме шизофрении, когда больной натягивает на голову халат, чтобы отгородиться от окружающего его мира. Великий швейцарский психиатр Блейлер считал этот симптом одним из определяющих в сознании больного шизофренией. Сам по себе термин «шизофрения» обозначает **расщепление** душевных процессов. Мышление шизофреника протекает одновременно как бы в двух, а то и трех плоскостях. Больной может видеть одно, говорить о другом, а чувствовать и переживать при этом нечто третье.

Теперь посмотрим с этой точки зрения на нашу собственную общественную жизнь...

С высоких трибун громогласно заявлялось одно, в секретных циркулярах для служебного пользования указывалось другое, а в реальной жизни осуществлялось нечто третье. Подписание международных конвенций о правах человека и их беспардонное нарушение во внутренней политике; заявление о братской любви к соседям и вербовка в них сексотов КГБ; отрицание шовинизма в политике и фактически насильное введение повсеместно русскоязычных школ; провозглашение са-

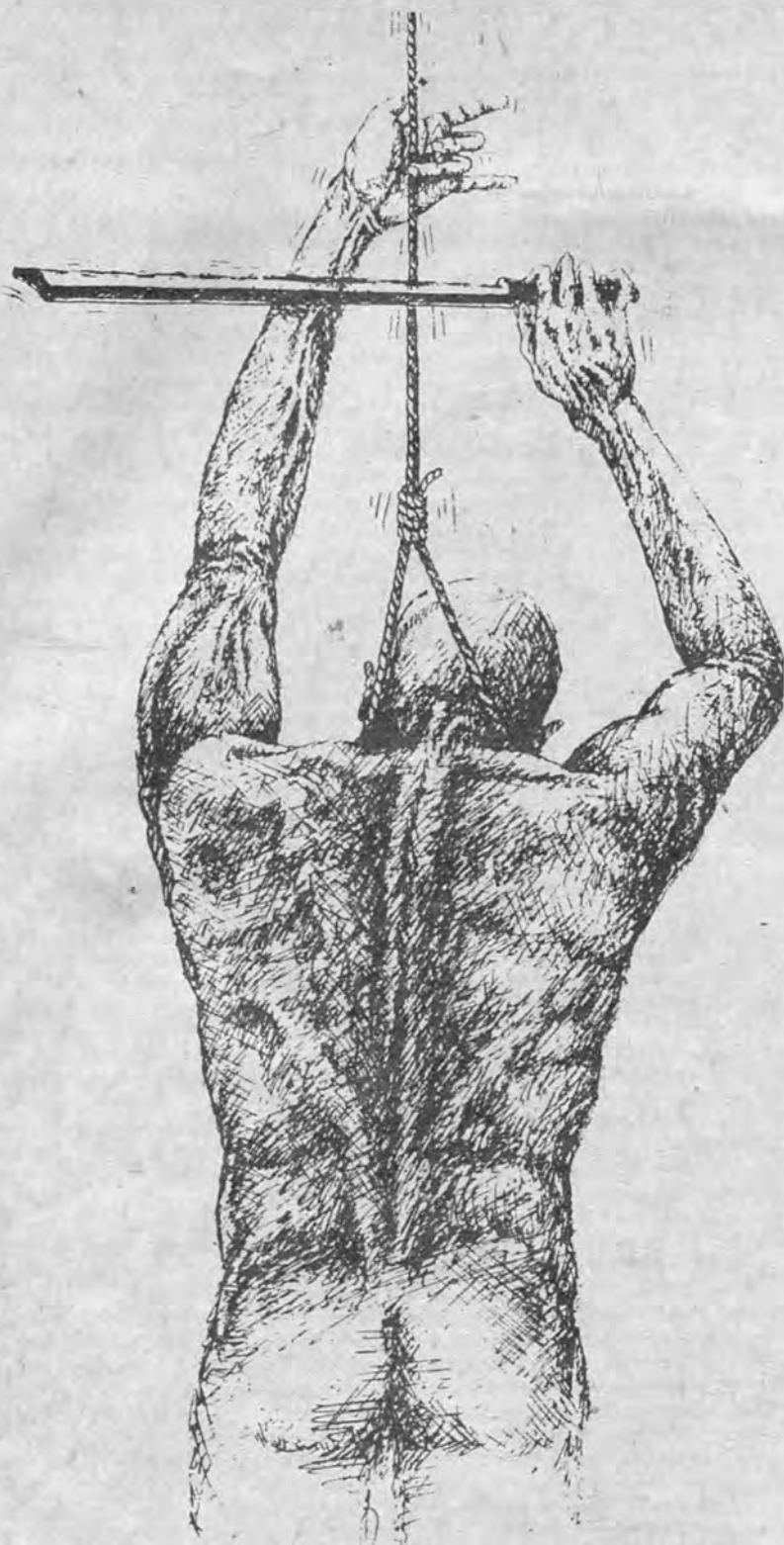

Рисунок Павла Воронежского

мых мирных намерений советского государства и беспрецедентный рост военных расходов...

Я пишу об этих фактах нелогичности в политике административно-командной системы не для того, чтобы в очередной раз пнуть ее за лицемерие, но для того, чтобы выявить синдром расщепления сознания,

который является опасным клиническим симптомом.

Мир объят пожаром

Если говорить об эмоциональной жизни нашего общества во времена тоталитаризма, то ее противоречивость и особая тупость проявлялись

в том, например, с какой трогательной заботой власти относились к детям испанских коммунистов и с каким бессердечием — к детям «врагов народа» или к тем, кто, голодая, подбирал на колхозном поле несколько пшеничных колосков. Безоглядные требования в 30-е годы расстрелять «врагов народа», «изменников и предателей Родины» — это все те же патологические сдвиги в общественном сознании, связанные с утратой эмоциональной чуткости и сострадания. Примечательно, что и так называемый ГКЧП, выставивший танки и БТРы на улицы городов и пригрозивший стрелять в безоружный народ, в одном из первых своих документов «трогательно» обещал понизить цены на детские вещи.

Еще два симптома нашего диагноза. Один из них — бред величия.

Вожди революции считали себя пророками, пришедшими на эту землю, чтобы осуществить великую миссию освобождения пролетариата, а 1917 год — началом новой эры в развитии человечества. Властители трех дней августа 1991-го мало чем отличались в этом смысле от своих «революционных» предшественников. Бред величия проявлялся в напыщенных лозунгах, заносчивых речах. Наглядно имперские амбиции проявились в гербе: красными знаменами, нарисованными в виде пламени пожара, словно клешнями стиснут весь земной шар, что символизирует мировую революцию, во главе которой, естественно, стоят коммунисты. При этом, разумеется, все советское — это всегда самое лучшее и самое справедливое.

К этому бреду надо добавить бред преследования, тоже хорошо известный каждому советскому человеку, приписывание неудач при выполнении всякого рода малоресурсных предприятий «вредителям» и «агентам империалистических разведок», мечтающих погубить молодую Советскую республику и все ее смелые начинания. Атмосфера страха и подозрительности, ощущение, что за тобой все время кто-то подглядывает («Будь бдителен — враг не дремлет», «Не болтай у телефона, болтун — находка для шпиона») — эти и тому подобные перлы коммунистической пропаганды долгие годы пронизывали нашу жизнь. На самом же деле это был бред, типичный для паранойального сдвига в общественном сознании, который растекался сверху от руководства по всем слоям общества. Симптомы шизофрении возникают и когда человек воспитывается и растет в условиях жесткого авторитаризма.

Принципы тоталитарного управления обществом прежде всего основывались на том, что людей рас-

считали как средство для достижения разного рода производственных целей — пресловутые «винтики» государственной машины. От специалистов, руководителей партийных идеологов, повсеместно требовалось выполнение безграмотных в профессиональном отношении распоряжений — принцип «Я начальник — ты дурак». Если же человек на свой страх и риск делал свое, то неминуемо подвергался какому-либо репрессивным мерам («Всякая инициатива наказуема»). Все это свидетельствует о предрасположении подобной системы управления к подавлению личности, что ведет к возникновению в ней шизоподобных процессов.

«У советских — собственная гордость!»

Сценарий, благодаря которому общественное сознание оказывается зараженным вирусом психической патологии, развивается следующим образом. Группа революционеров, одержимых стремлением к власти и прикрываясь высокими лозунгами, устраивает общественный переворот и террором подавляет своих противников, что отбрасывает моральный и экономический потенциал общества далеко назад. Устанавливаемый вслед за этим тоталитарный режим, требующий от чиновника не деловых качеств, а лояльности и преданности установившемуся порядку, предлагает к исполнению такие управленческие решения, которые приводят к деформации общественного сознания, что усиливается падением жизнеспособности экономики и соответственно уровня жизни людей.

К одному из симптомов шизофрении психологи относят и низкий уровень самооценки и собственного достоинства человека. Хотя мы долгое время жили под лозунгом «У советских — собственная гордость, у советских — собственная честь», при ближайшем рассмотрении оказывается, что честь и гордость в условиях тотального отчуждения от средств производства и результатов труда мало чем обеспечены.

Согласно взглядам американского психолога Джеймса, личность человека образует то, что он может назвать своим. Мой дом, моя семья, мое дело, моя машина — для рядового американца это не только показатели материального достатка, но и масштаба личности. В нашей стране из-за конфискационной политики в области заработной платы общественное признание заменялось разного рода медалями и почетными грамотами. Результат — ощущение униженного достоинства.

В советском обществе на протяжении

жизни трех поколений негласно поощрялся и формировался культ бедности и унизительной просительности, что делало людей послушными и зависимыми от государственной подачи во всех сферах жизни. Многие воспринимали себя не как самостоятельных и свободных людей, но как лиц, подчиненных разного рода иерархическим структурам — внешним и чуждым по отношению к ним силам. А это мироощущение сродни тому, что можно наблюдать при шизофрении.

С низким уровнем собственного достоинства психологи связывают и утрату у людей способности сочувственно относиться друг к другу. Вероятно, отсюда происходит и наша раздражительность, и неспособность понимать другого человека. Наши знаменитые бескомпромиссные и «принципиальные» позиции, которые советские представители занимали на разного рода международных переговорах, — это все та же патологическая неспособность встать на место другого человека.

При развитии паранойи психологи отмечают у пациентов недостаточный уровень самопознания и проницательности в отношении своих действий. Последние события в стране показали, что недостаток проницательности в определенных ситуациях может оказаться спасительным. Кто знает, как бы развивался путч, если бы его организаторы были бы более предусмотрительными?

Очень часто человек, не способный понять свои собственные недостатки, склонен приписывать их окружающим. Вероятно, аналогичные механизмы срабатывают и в отношениях на межгосударственном уровне. Крупнейший торговец оружием, Советский Союз постоянно предъявлял претензии к западным странам, «проводящим агрессивную политику империализма».

Лечение

Сегодня наше общество выходит из того омероченного состояния, в котором оно находилось долгие годы. Мы избавились от «железного занавеса» и становимся открытым обществом; почти забыты бред величия и желание указывать другим странам, как им надо жить; ушел в прошлое бред преследования, хотя нынешняя перестройка еще нередко кое-кем считается результатом действий агентов вражеских разведок. Но вышла наружу правда истории, и значительная часть общества впала в деморализованное состояние, протекающее из низкой самооценки наших «достижений», организованных тоталитарным режимом.

Общественная пассивность, от-

мечаемая еще недавно многими публицистами, подтверждалась социологическими исследованиями. По данным одного из социологических опросов в 1991 году, на вопрос, в чем вы видите свое счастье, 99,4 процента опрошенных ответили, что они свое счастье видят на пенсии. Это лишь один из показателей того коматозного состояния, в котором находилось наше общество.

Моральный дух общества — не выдумка, а такая же реальная сила, как интеллектуальное богатство народа и мощь природных ресурсов страны. Какими блистательными ни были бы планы и рекомендации экономистов и финансистов, с помощью которых нашей стране предлагают подтянуться с колен и распрямить спину, ни один план не начнет действовать, пока в него не поверят конкретные люди. Переходить к рынку в деморализованном состоянии — все равно что предлагать перенесшему инфаркт пробежать марафон или больному диабетом отвешивать все яства «лукуллова пира».

Надо прежде всего обрести положительную оценку самих себя и знать: несмотря на все ужасы нашей недавней истории, нам есть за что любить себя и гордиться собой. Наверное, самое большое счастье заключается в том, что за 73 года нам не удалось окончательно сойти с ума, и сегодня мы можем достаточно здраво рассуждать.

Не мы первые и, вероятно, не мы последние оказались в состоянии разрухи и моральной деградации после нашествия развитого социализма. Подобное состояние испытывали после второй мировой войны Германия и Япония, и это послужило своеобразным психологическим трамплином для их сегодняшнего взлета.

Лечение общественной шизофрении, как и лечение индивидуальной болезни, — долгий и нередко довольно болезненный процесс, и нам, вероятно, придется принять мысль Сенеки: «Чтобы здоровым быть, страдания надо нести». Наиболее действенным методом лечения больного шизофренией считается шоковая терапия. И, может быть, нужен был именно такой чудовищный шок, как путч, чтобы гигантски ускорить процесс нашего выздоровления.

Автор перечисляет гонорар за эту статью на счет № 700918 в РКЦ ЦБ РСФСР по г. Москве МФО 201791 «Фонда ликвидации последствий путча».

СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩЕГО

Социализм для многих стал священной идеей, вытекающей из гениальной теории Маркса, которую мы не сумели воплотить в жизнь. Истоки социализма — неравенство, тяжелая болезнь всех человеческих обществ. Социализм — это соблазнительное стремление быстро и окончательно решить проблему неравенства. Героиня Чернышевского в поисках панацеи от неравенства задает необычный вопрос: как делить прибыль?

**К истории Великой
Октябрьской
Социалистической
катастрофы**

3.Грабеж или зарплата?

Симон Соловейчик

ЧТО ПРОИСХОДИТ? НИЧЕГО НЕ МЕНЯЕТСЯ. Итак, мы пока что у самых истоков современных социальных трагедий, в середине прошлого века. Идея экономического равенства только-только появилась на горизонтах общественного сознания, и каждый мог заметить: капиталист, ничего не делая, получает огромную прибыль лишь потому, что владеет средствами производства. Вот где мировая несправедливость, вот где причины неравенства! В самом деле, за что платить капиталисту? Почему не разделить прибыль на всех?

Это было бы торжеством справедливости.

В мастерской Веры Павловны, героини Чернышевского, прибыль и делили по-новому. Знаменитый роман можно было бы назвать не «Что делать?», а «Как делить?», потому что Вера Павловна объясняла своим мастерицам: «Добрые и умные люди написали много книг о том, как надобно жить на свете, чтобы всем было хорошо; и тут самое главное, — говорят они, — в том, чтобы мастерские завести по новому порядку».

Новый порядок — новый способ делить прибыль, и это, как видим, объявляется самым главным. Стоит ввести повсюду новый спо-

соб, и всем на свете будет хорошо.

Но невинные девушки Веры Павловны не знали идей социализма и потому на вопрос, как делить, ответили по привычным своим представлениям о справедливости: хозяйке — треть, остальное на всех. И в реальных, а не литературных мастерских того времени хозяйке всегда выделяли ее часть. «За риск», — говорили мастерицы.

Сами того не зная, все они рассуждали, как Фурье, который был хоть и социалистом, но не революционером и потому считал, что прибыль нужно делить так: 4/12 (то есть треть) — за капитал, 3/12 (то есть четверть) — за талант, 5/12 (то есть менее половины) — на всех остальных.

Но это вызывало возмущение истинных социалистов. Публицист-демократ Николай Шелгунов писал: «Современный пролетарий покончил этот вопрос в теории совершенно иначе, провозгласив, что каждому принадлежат вполне все плоды его труда».

Вот! Здесь зарыта собака.

Вот она, та критическая точка, где совершается переход к современному социализму. С этой точки начался огромный исторический этап, который, возможно, закончился лишь в наши дни, в августе 1991 года.

Всегда, сколько мир стоял, с тех пор, как Адам и Ева поссорились с

АнтиКАПИТАЛЪ

Богом, потребовав своей доли познания, всегда бедные восставали против богатых, добиваясь лучших условий жизни и труда. Но то был классовый торг. А теперь началась классовая борьба. Борьба на уничтожение.

Потому что никогда прежде не было в мире представления, позже лаконично сформулированного Горьким: «Хозяин тот, кто трудится». Никогда прежде работник не претендовал на «вполне все плоды его труда», не оставляя владельцу предприятия ничего.

Поразительно, до какой степени мир не меняется! Сколько лет прошло, а все о том же спор и все те же аргументы. И сегодня одни говорят: «Да это же все мое, моим горбом добытое, за что платить собственнику? Не желаю!». А другие подзуживают, соблазняют: «Все твое! Все твоим потом и кровью! Все плоды твоего труда полностью принадлежат тебе!»

И никто по-человечески не объяснит, что же происходит, в чем тут гибельный соблазн.

...Но как поступила Вера Павловна, когда мастерицы предложили ей треть прибыли, как она ответила?

Она ответила прелестно. Что хотите говорите, но Чернышевский был великим человеком. Он обладал инстинктом правды. Он не мог не понимать, что отказ хозяйки от дохода — экономическая нелепость. Однако и социалистическое свое чувство не мог победить. Он нашел неповторимое соединение нелепости с психологической правдой.

ЭКОНОМИКА ВЕРЫ ПАВЛОВНЫ. Разумеется, Вера Павловна от прибыли отказалась — не только трети, но и вообще ни копейки не взяла.

Но, будучи писателем и добрым человеком, Чернышевский заставил Веру Павловну так объяснить ее необычный, новаторский поступок: ей, оказывается, просто-напросто не нужны деньги.

У нее муж достаточно зарабатывает!

— А если бы мне чего было мало, мне стоило бы мужу сказать... и было бы у меня больше денег, — простодушно объяснила Вера Павловна девушкам.

Великий муж Веры Павловны! Вот истинный основоположник социализма!

Мастерская для Веры Павловны — хобби, пристрастие, социалистический эксперимент. Она хотела устроить жизнь по-новому, чтобы всем было хорошо. Но без чужих денег новая жизнь не получается...

Честнейший Чернышевский вместе с милой своей героиней указал

на то обстоятельство, которое потом все будут скрывать даже от себя: для новой социалистической экономики необходим... богатый муж, который оплачивает ее, — иначе она существовать не может. Нужны деньги со стороны, их и добывали потом то ограблением крестьян, то эксплуатацией нефтяных богатств, то всеобщим ограблением народа.

С самого начала новая экономика была замешена на блефе, она и осталась блефом, подобным образом вести хозяйство невозможно. Посул хорошей жизни для всех был обманом, соблазном.

Ну и соблазнительница же эта Вера Павловна! Второй такой в русской литературе нет. Экономика она изменила с мужем, мужу — с его лучшим другом, чем немало содействовала разрушению как семей, так и экономики.

Позже она и молодого Ленина соблазнила.

Но в целом маленькая хитрость Чернышевского показывает, как слаба еще была социалистическая идея в ту пору, как неустойчивы были ее основания.

Под вырвавшее здание требовалось подвести серьезный фундамент. Это и сделал Карл Маркс в своем «Капитале», где он окончательно и, казалось, навсегда обосновал право работника на вполне весь продукт его труда. Т.б., что Вера Павловна отдала добровольно, по любви, то после Маркса стали требовать силой.

В этом заключается историческое значение «Капитала» и всего марксизма.

НИЧЕГО СВЯТОГО? Как, дрогнет сердце читателя, сейчас будут опровергать «Капитал»? Но в нем же почти восемьсот страниц! В нем товар—деньги—товар! Мы сдали этот экзамен, сыты по горло, не хотим и слышать!

Да и что там можно опровергнуть, там все яснее ясного доказано, миллионы учились по этой книге, ее и капиталисты признают, за настольную книгу держат. Под нее кто только ни копал — не смог опровергнуть. А если и опроверг, то можно ли с ним считаться, с этим апологетом капитализма? Да и не стыдно ли руку на святыню поднимать? Ну ладно, Ленина ругают, но хоть того-то бородатого старика оставьте в покое, он же за трудящихся всей душой был.

...Все понимаю, все упреки заранее принимаю, вздыхаю и вновь беру в руки зачитанный том «Капитала». Наверно, если не считать профессоров политэкономики и их студентов-аспирантов, я сегодня единственный читатель «Капита-

ла». Встретил приятеля, спрашивает: «Как живешь, что делаешь?» — «Капитал» читаю». — «Что? Наверное, у тебя слишком много свободного времени». — «Ты читал?» — «Ну, лет тридцать назад перед аспирантским экзаменом...»

Вот то-то и оно, все читали тридцать лет назад, все уверены, что знают эту книгу, и если и критикуют теперь, то как бы отмахиваясь: устарела, или ничего нового в ней никогда не было (так пишет, например, академик Станислав Шаталин), или потеряла значение.

Да и время ли читать «Капитал»?

Самое время. Я написал эту статью до путча и теперь вижу: самое время. Марксизм, который владел идеологией столько лет, нельзя смахнуть щелчком, это нечестно. Для внутреннего своего спокойствия, для честности мы должны знать: правда марксизм или ложь? В «Капитале» по-прежнему скрыта наша судьба. В нем тайна социализма, и от того, как ее понимать, зависит ответ на вопрос о рациональном зерне священного учения. Есть оно или все блеф, как в мастерской Веры Павловны?

Могут сказать, что автор — не экономист, да и читатели не сплошь экономисты; но помните ответ пушкинского Варлаама в «Борисе Годунове»? Ну, когда стали в корчме читать грамоту, из которой выходило, будто Варлаама этого надо изловить и повесить? Он вырвал бумагу: «Я давно не читывал и худо разбираю, а тут уж разберу, как дело до петли доходит».

Так ведь и вправду доходит до петли — голодом грозят. Я не виноват, что экономисты и философы или молчат, или выступают неубедительно. Придется разбираться в «Капитале» самим.

ДВЕ ГЛАВНЫЕ ИДЕИ. В этом огромном четырехтомном труде доказываются две главные мысли, и все обычно сосредоточиваются на первой из них: капиталист грабит рабочих, присваивает их оплаченный труд, эксплуатирует. Маркс, считается, открыл тайну капиталистической эксплуатации. Но и без Маркса кто же из трудящихся не чувствовал на собственной шкуре, что его обдирают? Учение об эксплуатации, кстати сказать, не единожды оспоренное, имело скорей теоретическое (для оправдания социализма) и эмоциональное (для возбуждения гнева) значение.

Но не эта мысль самая опасная в «Капитале». Гораздо важнее вторая главная мысль, обычно ускользающая от читателей.

На восьмистах страницах Маркс убеждает нас, что капиталист присваивает результаты неоплаченного труда, и студенты старательно вникают в хитросплетения этого доказательства. Второй же мысли посвящены всего лишь две страницы толстой книги, но именно по ним, по этим двум страницам, и строили семьдесят с лишним лет социалистический мир, по ним, по двум этим неполным страницам, и скроено тоталитарное государство. В них трагедия, от них кровь.

На 203-й и 204-й страницах 23-го тома Собрания сочинений Маркса и Энгельса идет спор все о том же: как делить прибыль?

Платить капиталисту или пусть уходит, подобно Вере Павловне, ничего не получая?

Другими словами, нужен капиталист хозяйству или можно его прогнать, можно обойтись без этого бездельника и эксплуататора?

КАПИТАЛИСТ СТАНОВИТСЯ НА ДЫБЫ. Итак, рабочий и капиталист спорят о том, кто какое участие принимал в производстве новой стоимости и кому сколько платить.

Прежде всего «наш приятель» (так Маркс называет капиталиста) робко замечает, что он мог бы промотать свои деньги, но «вместо того он потребил их производительно и сделал из них приху» — не вознаградить ли его за эту честность?

Ему отвечают: не корчи из себя собирателя сокровищ, теперь у тебя «прихра вместо угрызений совести».

Но капиталист настаивает, «упрямо становится на дыбы»: «Разве рабочий создает продукты только при помощи своих рук, разве он создает товары из ничего? Не он ли, капиталист, дал ему материал, в котором и посредством которого рабочий только и мог воплотить свой труд?» И разве он не оказал обществу «неизмеримую услугу»? Не снабдил рабочего жизненными средствами?

Ему отвечают, что за вложенные средства он получил сполна: он уплатил рабочему 3 шиллинга, тот «возвратил ему стоимость за стоимость». Больше претендовать не на что. Все остальное — прибавочная стоимость, неоплаченный труд. Капиталист не может претендовать на него. А за «услуги» хозяину достается еще сильнее, ему приводят слова Лютера о том, что «прелюбодей и прелюбодейка также оказывают друг другу большую услугу и удовольствие».

Так что же — совсем ничего?

Но как же! Как это! И капиталист задает третий вопрос: «Да разве сам он не работал? Не исполнял труд надзора и наблюдения за прядильщиком? И разве этот его труд не создает, в свою очередь, стоимости?»

В ответ управляющий капитали-

ста и надсмотрщик пожали плечами — мол, не слишком он и трудился, на самом деле работали они. За что платить?

Стоп! Остановимся. Мы у края пропасти.

ПОДМЕНА. Тут, в этом ответе, таком справедливом с первого взгляда, и происходит незаметная подмена одного другим. Подмена, на которой держится вся концепция «Капитала».

Спор о том, трудится или не трудится капиталист в качестве управляющего, идет и сегодня. Например, совсем недавно весьма уважаемый человек говорил: «Когда же... перестанут вытаскивать из нафталина это заскорузлое убеждение, что менеджер, предприниматель (капиталист по-старому, черт возьми), конечно же, не трудится? Да он трудится порой и день и ночь...» («Литературная газета»).

Менеджер и предприниматель, как видим, разделены запятой — быть может, коварнейшей запятой в истории человечества. Она объединяет двух различных по профессии людей, две самые разные функции.

На этом-то смешении и держалась так долго советская власть. Смотрите, кричали во всех газетах, рабочие сами могут управлять заводами! Смотрите, они прекрасно обходятся без бывших владельцев! Вся мировая социалистическая печать расписывала этот чудесный феномен, оправдывающий революцию, а заодно и все ее ужасы. Казалось, действительно наступила новая эра в мировой истории: рабочие управляют без капиталистов.

Хитрость же всего этого дела в том, что рабочие и вправду могут управлять заводом, коль скоро он заведен кем-то, или нанят управляющего. Людей, способных к управлению, гораздо больше, чем способных к предпринимательству, — не случайно далеко не каждый управляющий заводит свое дело. У предпринимателя и управляющего разные способности. Для управляющего важнее способность к общению и воля, для капиталиста — страсть к наживе, любовь к риску и особая интуиция, которая в конечном счете и определяет успех. Управляющий и предприниматель — разные люди, по-разному необходимые хозяйству, причем одного нельзя заменить другим (хотя иногда одно лицо выполняет две эти функции).

Но Маркс не стал вдаваться в подробности. Он сурово обошелся с теми, кто утверждал, будто капиталист выполняет функции управляющего и лишь потому необходим предприятию. В третьем томе «Капитала» он называет таких людей вульгарными экономистами, апологетами буржуазии, которые стре-

мятся «представить прибыль не как прибавочную стоимость, т.е. неоплаченный труд, а как заработную плату самого капиталиста за выполняемый им труд».

Но нет, настаивает Маркс, нет, капиталист не трудится и потому никакой заработной платы не заслуживает: «Кооперативные фабрики дают доказательство того, что капиталист в качестве функционера производства стал... излишен...» «Капиталист как лицо излишнее исчезает из процесса производства».

Вот главный вывод «Капитала», вот подлинное открытие Карла Маркса: капиталист исчезает из процесса производства, потому что он не нужен. Он излишнее лицо. Здесь самая соль марксова учения. Все дальнейшее: базис и надстройка, авангардная роль пролетариата, «владыкой мира будет труд», «хозяин тот, кто трудится», «а паразиты никогда», диктатура пролетариата, строительство социализма, террор — все вытекает само собой из этого вывода.

Излишнее лицо можно и должно изгнать с производства. Изгоним — и начнется новая эра мировой истории, собственность перейдет в руки тех, кто трудится. Для этого и нужна пролетарская революция, больше ни для чего.

Но на чем основан этот главный вывод? Убедительно ли он доказан?

Маркс обнаруживает, что капиталист не выполняет функции управляющего. Верно. Но на этом основании он вообще отказывает ему в праве на существование. Произвольно подменив капиталиста управляющим, он затем убивает его.

Но, может быть, капиталист выполняет какие-то другие функции?

Маркс их не рассматривает.

Капиталист, мы видели, выдвигает ряд доводов в свою защиту, все они отвергаются.

Но, может быть, есть и другие доводы, есть и незадаанные вопросы? Маркс не ставит их, и понятно почему: он не мог бы на них ответить. Теория рухнула бы на глазах.

Дело сводится к следующему: если капиталист не трудится — он эксплуататор, Маркс прав, марксизм — единственно верное учение, и нынешние сторонники социализма говорят правду и действительно защищают рабочих.

Но если капиталист трудится — значит, он получает свою долю законно, Маркс не прав, марксизм — учение ложное, и защитники священной идеи социализма или обманываются, или обманывают народ.

Не будем пока говорить о величине доли, получаемой капиталистом. Маркс ставит вопрос принципиально: ни копейки ему, паразиту, ни шиллинга. За что ему платить, да еще в валюте?

Итак, трудится или не трудится капиталист, не выполняющий функции управляющего?

Кабульский резидент

Между Амином и Кармалем

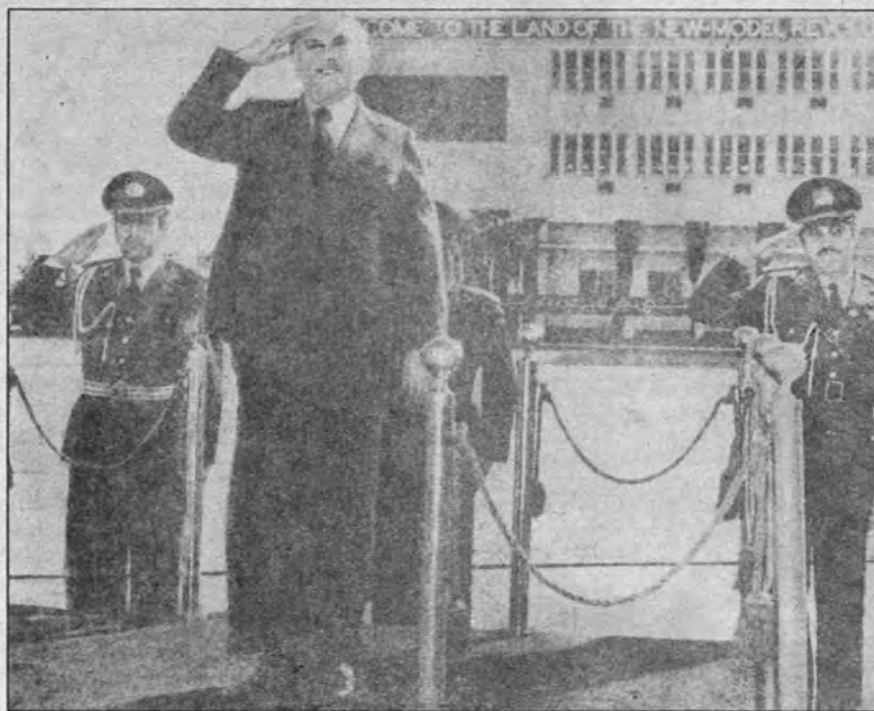
Н и сотрудники международного отдела (МО) ЦК КПСС, ни специалисты по Афганистану из других ведомств, включая разведчиков КГБ и Главного разведывательного управления Министерства обороны СССР, вплоть до сентября 1979 года (!) не знали истинных причин раскола в НДПА, случившегося еще в 1966-м. Тогда Народно-демократическая партия Афганистана раскололась на руководимых Нуром Мухаммедом Тараки и его приближенным Хафизуллою Амином «халькистов» («хальк» значит «народ») и «парчамистов» («парчам» — «знамя») во главе с Бабраком Кармалем.

Б.Кармалю принадлежала не меньшая, чем Н.Тараки, роль в создании НДПА, к тому же его программа была не в пример реалистичней того, что предлагал Тараки. Однако Амин всячески принижал роль Кармалю и его заслуги. Московским же товарищам дали понять, что раскол в НДПА произошел из-за тщеславия Кармалю, его борьбы за власть с Тараки. Этому с ходу поверили — постеснялись даже подробно расспросить обе враждующие стороны. Когда же «парчамисты» сами попытались все объяснить, от них попросту отмахнулись. Ошибка, которая дорого всем обошлась...

ЦК КПСС — не почтовый ящик

В середине 1976 года «Хальк» опубликовала в некоторых зарубежных коммунистических изданиях (Бейрут, Дели, Багдад, Белград) свою версию истории НДПА и причин раскола в ней. «Хальк» обвиняла Кармалю в прислужничестве бывшему королю Афганистана Захир Шаху, идейной переориентации на «маоистов» и даже сотрудничестве с ЦРУ.

Руководители «Парчам» решили дать опровержение. Поскольку у них не было связей с комппартиями других стран, через посольство СССР в Кабуле они попросили международный отдел ЦК КПСС переслать подготовленный текст в адрес примерно тридцати «братских» партий Ев-

«Великий вождь» Тараки говорит о «великой революции», ставшей началом великого кровопролития

Александр МОРОЗОВ,
полковник в отставке.
В 1975–1979 годах был
заместителем
резидента КГБ в
Афганистане. Он
видел
некомпетентность
московских
советников и ошибки
ЦК КПСС, за
которыми последовало
вторжение
«ограниченного
контингента»...

ропы и Азии. Ответ Москвы был лаконичен: посольству давно бы пора знать, что МО ЦК КПСС не является ни почтовым ящиком, ни пересылочным пунктом для чьей-то корреспонденции. Передайте Кармалю, что он должен сам найти возможность для пересылки другим партиям своих материалов.

В Москве даже не проявили интереса к содержанию послания Кармалю, которое он так и не забрал из посольства. Не проявили к нему интереса и в самом посольстве. Даже тот сотрудник разведки КГБ, который получил послание от Кармалю на тайной встрече, потерял к нему всякий интерес. Почти два года пролежал документ среди подшивок старых афганских газет, пока случайно не попался мне на глаза.

В нем по пунктам излагались основные разногласия между группировками «Хальк» и «Парчам», ставшие причиной раскола НДПА. Приведу их в кратком изложении по памяти:

1. Халькисты создавали в партии культ личности вождя (Тараки). Парчамисты считали, что культа в НДПА быть не должно.

2. Халькисты считали главными и единственными надежными союзниками революции в Афганистане рабочий класс и крестьянство. Парчамисты называли главными союзниками национально-па-

триотические силы в лице трудовой интеллигенции, студенчества и значительной части раб-бо-чих.

3. Халькисты объявили непримиримую войну духовенству как оплоту афганской реакции. Парчамисты считали, что в условиях Афганистана не только не следует открыто выступать против духовенства, но надо искать возможность компромиссов.

4. Главная задача революции, по мнению халькистов, — установление диктатуры пролетариата уже на первом революционном этапе. Парчамисты говорили о том, что первым этапом должна стать национально-демократическая революция.

Захватив власть в 1978 году и отстранив от нее парчамистов, халькисты полностью следовали всем пунктам своей программы, в результате чего превратили большую часть населения страны в своих врагов.

Проинформировать центр, а через него и ЦК КПСС об истинных причинах раскола НДПА мне удалось лишь в сентябре 1979 года, когда резидент внешней разведки КГБ Вилиор Осадчий уехал в отпуск. Я тогда отправил в Москву многие материалы. Содержавшиеся в них оценки и выводы существенно расходились с мнением посла Пузанова, партийных и военных советников и даже представителя КГБ Богданова.

Почему же эти люди так доверяли Амин? Думаю, в его деятельности было для них много понятного, «родного».

Амин усиленно создавал культ Тараки. Не упускал случая и себя представить верным учеником «великого вождя».

«Не имеющая себе равных творческая работа велась в партии под непосредственным руководством Генерального секретаря ЦК НДПА товарища Нура Мухаммеда Тараки, — писал Амин в брошюре об НДПА. — ...Товарищ Хафизулла Амин, один из наиболее преданных последователей нашего великого лидера, внес огромный вклад в усиление позиций партии...»

Цитаты для своих выступлений Амин находил в сталинском «Кратком курсе истории ВКП(б)» — единственной «марксистской» книге, которая всегда была у него под рукой. Словарного запаса «Краткого курса» оказалось достаточно, чтобы затуманить мозги послу Пузанову, партийным и

Амин черпал мысли из сталинского «Краткого курса...» Способности к интригам ему было не занимать

Кармаль, как и Амин, снабжал КГБ информацией, но ему сначала верили меньше

военным советникам, которые искренне считали Амина и Тараки «крупными марксистами». А находившийся в Кабуле генерал КГБ Борис Иванов, поняв, откуда исходит аминовское вдохновение, как-то в доверительной беседе сказал ему: «Товарищ Амин! Я тоже сталинист».

Переворот втайне от КГБ

По официальной истории НДПА, выходило так, что именно Амин был главным организатором апрельской революции 1978 года. Судя по всему, в конце 1976 года Амин действительно докладывал партийному вождю Нуру Мухаммеду Тараки о готовности офицеров-халькистов к вооруженному выступлению. Тараки в принципе согласился с Амином: условия позволяли партии захватить власть так же легко, как это в 1973 году удалось Мухаммеду Дауду, свергнувшему короля с помощью одного лишь танкового полка.

Информация о намерениях халькистов была получена резидентурой КГБ в Кабуле и доложена в центр. Начальник разведки В.Крючков информировал ЦК КПСС. Крючков предлагал следующий план действий: резидентуре КГБ в Кабуле незамедлительно встретиться с Тараки и высказать ему мнение Москвы о нежелательности каких-либо вооруженных авантюр, которые, как считали Крючков и его помощники, могут привести лишь к разгрому НДПА и всех прогрессивных сил Афганистана. ЦК КПСС с предложением согласился.

Экстренная встреча с Тараки состоялась на вилле корреспондента ТАСС. Тараки было сказано примерно следующее: «Мы располагаем информацией о том, что среди некоторых членов и сторонников группы «Хальк» НДПА имеются безответственные, экстремистски настроенные лица, призывающие к вооруженной борьбе с режимом президента Дауда. По мнению ЦК КПСС, это не только создает опасность дестабилизации положения в Афга-

нистане, но и чревато серьезной угрозой для НДПА и всех других левых сил страны. Поэтому мы просим товарища Тараки, если ему что-либо известно о таких экстремистах, оказать на них соответствующее влияние и сделать все, чтобы со стороны НДПА не было допущено никаких оплошностей, могущих нане-

сти вред также и мировому коммунистическому движению».

Тараки реагировал на «внушение» довольно спокойно и ни словом не обмолвился о планах вооруженного переворота. Когда же его спросили, кто отвечает за работу «Хальк» в армии Афганистана, Тараки сказал: эту работу ведет его «преданный, надежный и верный ученик товарищ Амин», и даже предложил советским товарищам встретиться с ним.

Резидентура с радостью уцепилась за предложение Тараки. И вскоре, соблюдая все правила конспирации, КГБ стал регулярно встречаться с Амином на вилле представительства ТАСС.

На этих тайных встречах Хафизулла Амин рассказывал о членах группы «Хальк» в армии. Каждый раз он приносил все новые и новые списки, в которых в общем итоге были перечислены имена примерно трехсот военнослужащих. Соответствовало ли это действительности, мы не знали. Проверить возможности не было...

В ночь с 25 на 26 апреля 1978 года «великий вождь» Тараки был арестован спецслужбами Дауда. Появился повод для революции. Помимо Тараки в тюрьме оказались и многие другие члены в то время уже объединенного ЦК НДПА, в том числе и Бабрак Кармаль. А вот Амина в ту ночь не сразу забрали в тюрьму, оставив на несколько часов под домашним арестом. Этого оказалось достаточно, чтобы собрать партийных соратников и офицеров связи и дать им указание о начале вооруженного выступления утром 27 апреля.

Кажется странным, что ни Дауд, ни его министр внутренних дел Кадыр Нуристани не догадывались об истинной роли Амина, за которым в Кабуле закрепилась слава экстремиста. Если бы Амина, как и Тараки, сразу же отправили в камеру, быть может, и не было бы апрельской революции...

Несколько месяцев спустя рези-

дентуре стало известно, что, инструктируя соратников о вооруженном наступлении, Амин строго наказывал «ни слова не говорить русским». Неужели он опасался, что мы можем помешать? Правда, один из участников заговора, считавший себя другом СССР и КПСС, рассказал нам о плане переворота. И можно было предупредить Дауда. Но ни в советском посольстве в Кабуле, ни в Москве и мысли не было о том, чтобы предать НДПА.

Хотя вооруженный переворот осуществили люди Амина в армии, не обошлось и без помощи военной организации парчамистов, возглавлявшейся до революции Мир Акбаром Хайбаром. О ее существовании КГБ почти ничего не знал. После революции Амин так описывал ночь с 26 на 27 апреля:

«Вслед за объявлением в танковом корпусе о начале революционного выступления хальковские элементы приступили к нейтрализации антиреволюционных сил. Так, не было выполнено распоряжение командира 15-го танкового корпуса М.Юсуфа, который, будучи врагом революции, отдал приказ своему корпусу подготовиться к выступлению против халькистов».

М.Юсуф был членом фракции «Парчам». Как и все другие военные-парчамисты, он не был поставлен Амином в известность о начале выступления против режима Дауда. Сделано это было умышленно. Юсуф действительно мог отдать приказ выступить против восставших, полагая, что совершить переворот пытаются правые силы. Амин умалчивал о том, что, разобравшись в обстановке, Юсуф отдал своим танкистам приказ поддержать антидаудовское выступление.

Через несколько месяцев после революции аминовская охранка арестовала и убила Юсуфа. Амин представил его смерть как самоубийство предателя, осознавшего свою вину перед революцией. 90 офицеров-парчамистов оказались в тюрьмах новой власти.

Убийство Дауда и его семьи Амин описывает так:

«С наступлением сумерек героические летчики-халькисты на своих истребителях начали наступление на даудовский дворец, заставив защищавших его офицеров и солдат сдаться. Однако сам Дауд, его родственники и слуги

Афганцам объясняют, как жить по советскому образцу: «передовая» техника и ленинские суботники

продолжали оказывать ожесточенное сопротивление.

Во дворце распространились слухи, что Дауда не следует убивать, а следует захватить живым. Когда же подразделение «командос», возглавляемое офицером-халькистом, появилось во дворце и товарищ Имамуддин заявил Дауду, что политическая власть в стране находится в руках НДПА и что он должен сдаться, Дауд ранил его, выстрелив из пистолета.

После этого солдаты-халькисты открыли огонь по Дауду и его окружению и уничтожили их».

Однако есть основания полагать, что ворвавшиеся во дворец халькисты получили четкое указание Амина: в случае успеха революции Дауда и всю его свиту расстрелять на месте. Подтолкнул к такому решению печальный опыт кратковременной победы комму-

нистов в Судане, оставивших в живых президента Нимейри. Он затем получил поддержку извне, вернул себе власть и жестоко расправился с коммунистами.

В последние несколько дней халькисты занимались «отловом» близких и дальних родственников Дауда, арестовывали их и расстреливали. Были расстреляны бывший военный атташе Афганистана в Москве — генерал Сулейман Рокан, награжденный орденом Дружбы народов, и его сын, получивший медицинское образование в Ленинграде и рабо-

тавший врачом в кабульском военном госпитале.

«Мы пришли к власти, но ничего не умеем»

Амин искусно обрабатывал советского посла и многочисленных советских соратников, наводнивших по его и Тараки просьбе Афганистан. Просьбы звучали примерно так: «Мы пришли к власти, но мы ничего не знаем и ничего не умеем. Поэтому присылайте к нам побольше советников не только в армию, но и в партию, и во все министерства. Учите нас управлять государством, и мы все будем делать по вашему образцу». В середине мая в Кабул прибыла первая группа партийных советников во главе с заведующим афганским сектором МО ЦК КПСС Николаем Симоненко.

Отгородив группу от главного идеолога НДПА Бабрака Кармаля, Амин быстро сделал Симоненко сторонником фракции «Хальк». Для этого Амину понадобилось лишь несколько раз объясниться Николаю Симоненко в «искренней любви» к КПСС и «самому верному ленинцу» Леониду Ильичу Брежневу.

Разногласия внутри НДПА к тому времени приобрели уже довольно четкие очертания. И мы понимали необходимость предотвратить обострение борьбы. По моему предложению резидент Осадчий уговорил посла и Симоненко организовать в посольстве небольшой прием в честь прибывшей в Кабул группы советников и пригласить на него по равному числу халькистов и парчамистов — членов объединенного ЦК НДПА. 18 мая такой прием состоялся и прошел в очень теплой обстановке, без намека на какие-либо трения между халькистами и парчамистами.

Но на следующий день нам стало известно, что Амин, не приглашенный на прием, вызвал к себе одного из лидеров парчамистов Нура и устроил скандал, едва не закончившийся дракой. Амин потребовал, чтобы все члены ЦК ходили на подобные приемы только с его разрешения.

Симоненко имел серьезный разговор с Амином, после которого тот подсунил ему некую справку под названием «Предварительные предложения по обновлению организационной структуры НДПА в свете победы апрельской революции 1978 года». Получив из рук Амина документ, Симоненко, не доверяя переводчикам, обратился к резиденту КГБ.

Перевод был сделан и отпечатан. Текст нигде не регистрировался, никаким грифом не засекречивался. Один из экземпляров попал мне в руки. Прочитав раздел «О различиях между товарищами халькистами и парчамистами»:

«Товарищи-халькисты были воспитаны в духе классовой борьбы с гнетом и засильем режимов Захир-Шаха и Дауда.

Товарищи-парчамисты были воспитаны в основной массе в духе классического примирения с правившей в стране верхушкой.

Товарищи-халькисты отличаются глубокой преданностью всему тому, что связано с Советским Союзом, — настолько глубокой, что они ставят КПСС выше своей собственной партии. Поэтому товарищ Тараки стоял и стоит за то, чтобы опыт всей деятельности КПСС рассматривался нашей партией как великое сокровище.

...Товарищи-парчамисты тоже коммунисты, глубоко преданные КПСС... но они считают, что точка зрения руководства их партии превышает мнения КПСС.

Товарищи-парчамисты известны тем, что они входили в состав правительства Дауда.

Товарищи-халькисты не известны тем, что они входили в состав правительства Дауда.

Товарищи-халькисты были близки малоимущим слоям афганского народа. Товарищи-парчамисты были близки более обеспеченным слоям афганского народа».

Амин, рассчитывая на недостаточную осведомленность Симоненко, изложил в своей справке программу отстранения парчамистов от участия в послереволюционном строительстве Афганистана, для чего попытался скомпрометировать их. Однако Амин не знал, что советская разведка была осведомлена о деятельности парчамистов в даудовском правительстве, которая согласовывалась с советской резидентурой и одобрялась ею. Почти все названные Амином парчамисты, входившие в созданный Даудом ЦК республики, поставляли нам информацию.

Мы договорились с Осадчим, что

он раскроет Симоненко смысл «справки», покажет несостоятельность аминских нападков на Кармаля и его друзей. При этом мы понимали, что в те времена никому не было дозволено не только давать какие-либо советы официальным представителям ЦК КПСС, но и вообще вмешиваться в их дела.

Симоненко внимательно выслушал Осадчего и сказал, что и он такого же нелестного мнения об этой «справке», сделал даже вывод, что если Амина не остановить, то в НДПА снова возникнет раскол. Пообещал, что ответит Амину в письменной форме, предварительно посоветовавшись с Москвой. А потом даже показал резиденту КГБ копию ответа Амину, одобренную МО ЦК КПСС.

«Говоря о необходимости перестройки Народно-демократической партии Афганистана, обусловленной превращением ее после победы революции 27 апреля 1978 года в правящую партию, представляется важным иметь в виду... что В.И. Ленин неоднократно подчеркивал, что любая революция будет чего-либо стоить лишь в том случае, если она сумеет себя защитить. Опыт КПСС в борьбе за защиту завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции и построение материально-технической базы коммунизма, коммунистических и рабочих партий стран народной демократии, а также государств Азии, Африки и Латинской Америки, вставших на некапиталистический путь развития, и особенно тех, которые провозгласили своей целью строительство социалистического общества, свидетельствует о том, что внутренняя реакция и внешние империалистические силы не останавливались ни перед чем, чтобы восстановить прежние порядки и вернуть утраченные господствующие позиции. Афганистан в этом смысле, видимо, не будет исключением. На НДПА поэтому возлагается поистине историческая задача защиты апрельской революции 1978 года и строительства нового социалистического Афганистана. Выполнить эту великую миссию можно только при том неслыханном условии, что НДПА будет действовать как монолитная, тесно сплоченная, спаянная единством воли и действия политическая организация».

Вот и все, на что оказался способен международный отдел ЦК КПСС, чтобы не допустить нового раскола НДПА. Мог ли такой ответ остановить Хафизулла Амина, начинавшего кровавое восхождение к вершинам власти в партии и государстве? Восхождение, первой ступенькой которого стал разгром парчамистов.

(Продолжение следует)

ФИРМЫ СООБЩАЮТ

● «ОМСКАЯ КОММЕРЧЕСКАЯ КОМПАНИЯ»

22–24 октября 1991 года приглашает предприятия, организации, кооперативы, иностранные фирмы на осеннюю межрегиональную промышленную ярмарку-аукцион.

Вам предоставится широкая возможность реализовать и приобрести продукцию предприятий машиностроения, нефтехимии, легкой промышленности, стройиндустрии и аграрного сектора.

За справками обращайтесь: 644099, г.

Омск, ул. Ленина, 10а

Ярмарка «Омской коммерческой компании»

Телефон: 23-93-20, 23-26-68

Факс: 236641

● ЦЕНТР ПО ВНЕДРЕНИЮ САПР «ПРОГРЕСС», ИМЕЮЩИЙ БОЛЬШОЙ ОПЫТ РАЗРАБОТКИ И ВНЕДРЕНИЯ ПРОГРАММНЫХ СРЕДСТВ САПР И АРМ В НЕФТЕХИМИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И МАШИНОСТРОЕНИИ, ПРЕДЛАГАЕТ:

Автоматизированное рабочее место конструктора (АРМ-К) пресс-форм и оснастки для производства резинотехнических изделий (РТИ), Автоматизированное рабочее место технолога (АРМ-Т) по производству РТИ, отработке технологических процессов, режимов вулканизации, рецептур резиновых смесей — на базе IBM PC/AT.

Наш адрес: 404132, г. Волжский Волгоградской обл., ул. 40 лет Победы, шк. №35 МП «Прогресс»
Телефон для справок: (84459) 2-03-89.

● В кооперативе «КОЛИНЗ» при старейшем офтальмологическом центре России — НИИ глазных болезней им. Гельмгольца опытные врачи в кратчайшие сроки подберут Вам мягкие и жесткие контактные линзы серийного или индивидуального производства.

Наш адрес: 195023, Москва, ул. Суворовская, д.35.
Тел. 963-92-79

● Президенты и менеджеры малых и совместных предприятий, межотраслевых научных, технических, производственных, коммерческих центров, кооперативов, временных творческих коллективов, советские и зарубежные предприниматели!

Читатели и подписчики «Нового времени» ждут от Вас взаимовыгодных предложений на товары, услуги, идеи, технологию, разработки в любой сфере производства, бизнеса, строительства, медицины, управления, искусства, сельского хозяйства, народного промысла, спорта, финансовой поддержки и др. Агентство рекламы и маркетинга «Новое время — Design» предоставит для Ваших объявлений эту рубрику, которая выводит одновременно на русском, английском и немецком языках.

Справки по телефонам в Москве: 209-92-82, 209-33-82, телефакс 200-4223, телекс 411164 b newt SU.

© НОВОЕ ВРЕМЯ DESIGN

Олег и Лейла

Семья Гордиевских смогла воссоединиться только когда шеф КГБ оказался под следствием...

Лорд Николас Бетелл

Когда на днях, получив «добро» нового либерального главы КГБ Вадима Бакатина, Лейла Гордиевская и две ее дочери ступили с трапа самолета на британскую землю, наконец разрешился один из острых вопросов в отношениях между Великобританией и Советским Союзом. На протяжении шести лет Олег Гордиевский, в прошлом резидент советской разведки в Лондоне, а ныне натурализованный гражданин Великобритании, был разлучен со своей супругой и маленькими дочерьми Машей и Анютой — 12 и 10 лет. Удивительно, что столь явное нарушение прав человека имело место во время правления М. Горбачева с его «новым мышлением».

Да, Олег — «предатель», но Лейла и девочки ни в чем не виновны...

Любой другой русский, живущий в Англии, жену и детей которого удерживали бы силой в Москве, вызвал бы у англичан чувство огромной симпатии, а действия Москвы — законный протест. В случае с Гордиевским этого не произошло. Он перебежал в сентябре 1985-го, но вплоть до прошлого года находился «под колпаком» английских секретных служб: ему грозила смерть от рук бывших коллег. Его видели лишь сотрудники «Сикрет сервис» да немногие близкие друзья. Общественность подняла свой голос только через 5 лет после его «исхода».

Вплоть до самого последнего времени, даже когда Гордиевский оказался на телеэкране для интервью в связи с выходом своей книги, британские власти не очень-то поощряли журналистов поднимать вопрос о судьбе Лейлы и дочерей. Задачу эту возложили на Форин оффис, чья «тихая дипломатия» не приносила результатов и лишь держала Лейлу Гордиевскую в постоянном напряжении.

Многие не хотели оказаться замешанными в этом деле. Кроме Сахаровых, Щаранского и Орлова, а также нескольких английских студентов, надевавшихся подобным образом вывести своих русских невест, с которыми они познакомились в Московском университете, мало кто проявил интерес к судьбе Олега и Лейлы.

«Что бы ни говорили, он предатель», — неоднократно повторяли мне английские друзья. Они забывали, что советская система, которую предал Гордиевский, пыталась диссидентов в психиатрических клиниках КГБ, арестовывала лидеров незави-

симых профсоюзов, упрятала в тюрьму поэтессу Ирину Ратушинскую за ее «нападки на советскую историю», содержала оккупационные армии в Афганистане и Чехословакии.

Правительство, которое так мало сделало для защиты прав своих граждан, думал я, не имеет морального права требовать их лояльности по отношению к себе. Олег порвал с советской системой, но не со страной. «Когда Россия станет демократическим государством, — говорил он, — я надеюсь вернуться». Разумеется, это будет зависеть и от того, как поведут себя новые власти в отношении смертного приговора, вынесенного ему еще в 1985 году и формально остающегося в силе.

Слышал я и такой аргумент: «Он не должен был идти работать в КГБ, если не был согласен с политической государственности». Многие известные советские диссиденты разделяют эту точку зрения, и теперь, как мне кажется, Гордиевский сам считает, что «допустил ошибку». Но надо помнить, что 1962 год, когда Олег был принят на работу в КГБ, знаменовал собой время надежд для советских либералов. В том году был опубликован «Один день Ивана Денисовича» Солженицына. Многие гораздо более умудренные, нежели 23-летний юноша, надеялись, что Никита Хрущев вступил на путь демократизации. Гордиевский пришел в организацию, которой посвятил жизнь его отец, служа которой погиб его старший брат.

Хрущев, естественно, не провел демократических реформ. КГБ отстоял свое право на террор. Гордиевский понял: работая в КГБ, он не сможет выбраться. С 1972 года он поддерживал контакт с британской разведкой, балансируя между жизнью и смертью. Я полагаю, история рассудила: он сделал правильный выбор. КГБ не та организация, которая заслуживает лояльного отношения даже (или тем более) от самих русских.

Я обнаружил, что в Великобритании многие несколько смущены случившимся. Вместо того чтобы праздновать успех британских секретных служб — своего рода профессиональный триумф, «расплату» за трагедию времен Филби, — они демонстриро-

вали свою неприязнь ко всему, что имеет отношение к шпионажу. И особенно возмущались, когда стало известно, что Гордиевский был тайком вывезен в багажнике дипломатической машины — в нарушение Венской конвенции. В результате многие реагировали без энтузиазма на любые попытки официального Лондона добиться разрешения на выезд Лейлы и дочерей.

У Гордиевского руки не в крови. Албанские агенты, засланные в страну нашими секретными службами во время «холодной войны» и выданные режиму Ходжи Кимом Филби, были схвачены, подвергнуты пыткам и казнены. Та же участь постигла многих друзей и членов их семей. Некоторые были выпущены

Лейла Гордиевская: из Москвы с любовью

лишь в этом году — после 30 лет заточения. Большая часть из 600 британских агентов, выдачей которых так хвастался Джордж Блейк, также были расстреляны. Гордиевский же не несет ответственности за нечто подобное. Он, правда, выдал 31 советского агента, которые были высланы из Лондона в 1985 году или уволены со своих постов в НАТО. «Их лишили возможности работать по специальности, их

семьи пережили тяжелый удар», — стонал КГБ в официальном заявлении. Но ведь это — ущерб морального плана.

Сотрудники КГБ, обнародовавшие это заявление, сегодня, видимо, тоже ищут другую работу, а их босс сидит в одной из принадлежавших ему тюрем. В свое время он проявил особый интерес к «делу Гордиевского». Говорят, Крючков был разгневан не столько его предательством, сколько непрофессионализмом своих подчиненных, позволивших Гордиевскому ускользнуть после разоблачения.

С М. Горбачевым было тяжело найти общий язык. Даже 18 июля, когда премьер-министр Джон Мейджор поднял этот вопрос, он не получил определенного ответа. Утверждают, что Крючков убеждал Горбачева: «Если мы позволим семьям предателей уезжать за ними на Запад, мы лишимся последнего средства контролировать наших людей». Может быть, сейчас Горбачев жалеет, что вял как этому, так и другим советам Крюčkova.

Все уже позади. Лейла и девочки впервые за последние 6 лет провели вечер с Олегом. С точки зрения политики это, конечно, не самый значительный результат августовских событий в СССР, но зато один из самых радостных.

Рубрику ведет
обозреватель «НВ»
Ростислав Золотарев

Не так давно в нашей рубрике были опубликованы отрывки из книги американского социалиста Майкла Харрингтона («НВ» №34/91). Главные в этой книге — два тезиса. Во-первых, социализм — это прежде всего этическая идея, помогающая производить реформы, которые в конце концов коренным образом изменяют общественные отношения. Во-вторых, весь предшествующий опыт «радикального социализма» и большевизма не только не привел к реализации социалистического идеала, но и скомпрометировал самую идею социализма. Вывод Харрингтона и других социалистов: если исправить теорию и практику социалистического движения, то все войдет в норму. То есть идея хороша, только надо

«правильно» приступить к ее осуществлению. Разумеется, могут возникнуть сомнения: слишком уж произвольны критерии «правильности». И сегодня читатель познакомится с мнением постоянного оппонента Майкла Харрингтона — Майкла Новака.

Майкл Новак принадлежит к идейно-политическому течению, сложившемуся в Америке в 70-е годы и получившему название «неоконсерватизм». «Неоконсерваторы» участвовали в близких Демократической партии ассоциациях, но позднее некоторые из них на выборах поддерживали республиканских кандидатов и даже занимали посты в администрации республиканцев. «Неоконсерваторы» группировались вокруг журналов «Паблик интрест» и «Комментарии», сотрудничали с такими «мозговыми трестами», как «Фонд Наследия» и «Институт американского предприятия».

Майкл Новак (род. в 1933 году) принадлежит к младшему поколению «неоконсерваторов». Он вышел (как и М. Харрингтон) из католической среды, в молодости тоже прошел через увлечение социализмом, но, разочаровавшись в этой идее, пришел к либерально-демократическим убеждениям. А поскольку политический спектр в стране в 60-е годы резко раздвинулся влево, то М. Новак и его единомышленники оказались в этой шкале справа от центра, а их кредо приобрело консервативную окраску.

Круг идей М. Новака близок к тому, который в Европе выдвигают идеологи христианско-демократического направления. Один из его тезисов: усиление в обществе регулирующего начала, централизации объективно ведет к деформации связей и к порабощению человека. «Регулирующий центр» персонифи-

ИЗ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
МЫСЛИ
XX
ВЕКА

цируется в «новом классе» (термин, видимо, заимствованный у М. Джиласа) — классе государственных и общественных служащих, — интересы которого идут вразрез с принципом свободы, а заинтересованность в росте регулирующих институтов делают сомнительными их декларации о «заботе о народном благе». А именно такими лозунгами оперируют социалисты и «друзья народа», на деле — осознанно или нет — отстаивающие собственные претензии на лидерство.

Дум высокое... паденье

Майкл Новак

Итак, современную социалистическую мысль отличают две примечательные черты. Во-первых, социалисты, видимо, отступают как от теории, так и от программы. Новым любимым словом стало «недоктринерский», что можно рассматривать как разочарование в доктрине. Во-вторых, социалисты, по-видимому, перешли на более безопасные позиции моральных идеалов: они говорят о бедности, неравенстве, первостепенном значении удовлетворения человеческих нужд демократическим путем. Можно подумать, что социалисты — достойные восхищения люди, которые всего лишь провозглашают идеалы, вполне согласующиеся с демократическим капитализмом. Почему бы не отдать им должное как идеалистам, в которых так нуждается любое человеческое общество?

Считая социализм своего рода политической религией или, точнее говоря, политико-экономическим выражением иудео-христианских идеалов, я (в студенческие годы) готов был доверять социалистам за их чистый идеализм. Капитализм можно оправдать, поскольку он лучше работает, но — я готов был с этим согласиться — он представляет собой более низменный идеал. Однако мысль о том, что неработающий идеал оказывается морально приемлемым, тревожила меня: если идеал неосуществим, не является ли это свидетельством того, что он не в ладу с реальностью? Не значит ли это, что идеал ложен?

В этом отношении социализм не похож на иудаизм и христианство. Для иудеев и христиан наш мир — это мир греха. Говоря о «царствии Божием», они вполне сознают его трансцендентный характер, принимают его как мечту и не ожидают его воплощения на земле. Для

социализма же такой реализм неприемлем. Однако, как только к оценке социализма подходят с реалистическими критериями, он утрачивает печать идеализма. Он становится всего лишь одним из конкурирующих направлений политической экономии, которое следует оценивать эмпирически, по его делам. Если социализм — это всего лишь одна из политических и экономических теорий, у него нет оснований считаться секулярной религией.

Но именно аргументами религиозного характера социалисты чаще всего оправдывают свои убеждения. Редко можно услышать от них, что преимущества социализма заключаются в его делах, в конкретных результатах. Почти всегда речь идет о мечте. Обычно социалисты готовы признать, что демократический капитализм более производителен, более эффективен и на практике куда менее порочен, чем можно ожидать по социалистической теории; короче говоря — он работает лучше. Преимущество же социализма они видят в его предполагаемом моральном превосходстве над демократическим капитализмом.

Поскольку почти все считают, что логика демократического капитализма по своей сути менее нравственна, чем логика социализма, честного человека такой парадокс тревожит. «Демократический капитализм», — думает он, — не может приносить нравственных плодов; однако он их приносит». Этот «парадокс» захватил и Жака Маритена: «Индустриальная цивилизация, с которой я познакомился в Европе, предстала предо мной здесь, в США, одновременно развитой до гигантских размеров (как и многое другое, перенесенное из Европы) и превращенной в своего рода священный ритуал в честь какого-то чужеземного божества. Ее внутренняя логика, какой я ее знал, первоначально основанная на

принципе плодородности денег и абсолютном главенстве частной прибыли, повсюду в этом мире считалась негуманной и материалистической. Но по странному парадоксу, людям, жившим и работавшим в поте лица своего в условиях этой структуры, или ритуала цивилизации, удавалось сберечь свои души. По крайней мере в том, что касается главного, их души и жизненная энергия, мечты, повседневные заботы, идеализм и щедрость шли вразрез с внутренней логикой структуры. Они были свободолюбивы и человечны, оставались верными этическим принципам, беспокоились о спасении этого мира; это был наиболее гуманный и наименее материалистический из современных народов, достигших индустриальной стадии развития».

Суть этого так называемого парадокса кроется в социалистической интерпретации действительности. Если исходить из посылок демократического капитализма, то счастливого исхода, о котором пишут Маритен и Ревель, следовало ожидать. В конце концов этот исход был предсказан строителями эксперимента.

Только для того, кто исходит из посылок социализма, это кажется удивительным. Более того, в те дни, когда я думал, что социализм представляет собой моральный идеал, это не требовало от меня особого нравственного героизма. Более того — в литературе, религии и журналистике социалистическая идеология обеспечивает ее носителю особый статус и почет... Среди высокообразованных людей, в литературных кругах социалисты обладают моральным престижем даже в глазах тех, кто достаточно реалистичен, чтобы не разделять их взгляды в целом... Достаточно быть в курсе последних достижений «передовой социалистической мысли» — по вопросам дегрегации школ, преступности, гражданских инициатив, секса и другим актуальным проблемам. Для формирования радикального единомыслия нужно только умение прилагать социалистические приемы к текущим делам. Лидерство в социализме легко приходило к тем, кто был логическим ригористом. А раз будущее, как считается, принадлежит социализму, а тот, кто идет в авангарде, находится в привилегированном положении, то воспользоваться социализмом как «критической платформой» оказывается делом весьма выгодным. Реалисты, склонные увязать в трясине фактов, не представляются столь идеологически надежными и нравственно чистыми, как идеалисты. Мир социалиста — это литературный мир. Куда проще организовать слова на бумаге, чем разработать осуществимую на практике программу...

После долгих размышлений я все же окончательно понял, что предпочитаю идеалы демократического капитализма и не могу быть демократическим социалистом. Толчком к этому был ответ на вопрос, какая из двух систем работает на практике. Меня отталкивала также та уверенность в своем моральном превосходстве, которую социализм демонстрировал. И, наконец, я начал размышлять о недостатках социализма не только на практике, но и в теории...

В условиях демократического капитализма отдельные граждане, партии, общественные институты могут эффективно действовать, дабы облегчить страдания бедных; могут пытаться уменьшить неравенство в достатке и власти путем установления принципа взаимозависимости и взаимограничения законодательной, исполнительной и судебной властей, путем введения различных схем перераспределения и правовых реформ; могут обеспечить приоритет удовлетворения основных человеческих потребностей перед экономическим ростом и товарным производством. Демократический капитализм может, в рамках системы, работать в этом направлении и даже добиться осуществления поставленных целей. Но и тот, кто имеет другие приоритеты, также свободен в выборе своих целей.

Социализм же, напротив, обладает врожденной

склонностью навязывать всем и каждому свой набор нравственных предписаний — даже в ущерб нравственным ценностям других. Для большей верности социалистическая мысль провозглашает гармонию своих целей с общечеловеческими интересами, что дает ей возможность не рассматривать себя как нечто, навязываемое принудительно. Своих же противников она склонна обвинять в жадности, эгоистичности, деспотизме и враждебности к бедным. Это морализаторство и питает историческую склонность социализма к принудительному навязыванию своих идей и сектантской нетерпимости. Кроме того, поскольку социалистический идеал представляется как идеал интернациональный, претензии которого выходят далеко за пределы сегодняшнего дня, он побуждает отдельные личности относиться с презрением к обществу, в котором они живут. Его питает дух враждебности; у него много общего с «враждебной культурой» литературного модернизма.

В основных принципах социализма таятся очевидные опасности. Есть опасность создания чудовищно разросшегося правительства, особенно если ограничению

Социализм обладает врожденной склонностью опровергать индивидуальные нравственные ценности и принудительно навязывать свои

власти правительства не будет придано равного морального значения. Поскольку доведенная до бедности страна располагает весьма малыми возможностями облегчить участь своих безработных, своих инвалидов и бедняков, это может поставить под вопрос

легитимацию, оправданность демократического правления как такового, ибо недовольство граждан, чье будущее не обещает ничего лучшего, резко возрастет. Еще одна опасность заключается в том, что попытки облегчить положение бедных посредством прямого, пусть даже предположительно разумного, планового вмешательства может привести к опасному искажению представлений об источниках богатства нации.

Демократический капитализм исходит из совершенно иного подхода. Его политическая система позволяет совмещать действия правительства, направленные на борьбу с бедностью, расширение свобод каждого гражданина и удовлетворение основных потребностей человека. Общество внимательно следит за тем, чтобы правительство не выходило за поставленные ему рамки и само не превратилось в большую опасность для общества, чем те беды, которые оно должно устранить. Конечно, на практике ограничения, которые следует наложить на деятельность правительства, бывает трудно определить заранее. Но угроза установления тирании всегда увеличивается, как только разрастание правительства начинают оправдывать нравственными принципами.

Угроза свободе действий (думают социалисты) возникает прежде всего из-за «значительного материального неравенства различных социальных групп». Но по меньшей мере такая же угроза возникает в результате создания продажного, самонадеянного и неконтролируемого правительства. Кроме того, принцип равенства социальных групп по степени власти и свободы действий нельзя реализовать путем усиления правительства, если только оно не сформировано из ангелов. Ибо наделение правительства всеми правами, необходимыми для установления равенства, уже дает его членам большую власть, чем другим. Кто будет управлять самим правительством? Утверждать, что избранные демократическим путем лица будут контролировать бюрократов, — значит игнорировать реальность, не понимать самую суть бюрократии. Возлагать же надежды на способность бюрократов судить и решать касательно экономической мощи отдельных групп граждан — значит полагаться на бюрократов больше, чем дозволит здравый смысл.

К тому же выдвигаемый (социалистами) принцип равенства свободы действий для всех противоречит законам природы. Не могут иметь равные права в области музыки музыкант и тот, кто не обладает музыкальным

слухом, как не может добиться равенства на факультете философии тот, кто не в ладу с элементарной логикой. В сфере экономики люди также наделены неравными талантами. Вряд ли тот, кому недостает определенных качеств (будь то ум, инстинкт или энергия), сможет достичь равной с другими экономической мощи и добиться равной свободы экономической деятельности.

Демократические капиталисты, напротив, считают, что каждое лицо, обладающее талантом — музыкальным, философским или экономическим, — должно иметь все возможности для проявления и развития своего таланта. Кроме того, они считают, что природное или созданное неравенство идет всем на пользу. Общество без артистических и интеллектуальных гениев становится от этого беднее и в других областях. Это верно и для обществ, лишенных экономических гениев. В традиционных обществах, где отсутствуют как равные возможности, так и социальная подвижность, неравенство в степени достатка, положении в обществе и месте в социальной иерархии мешает появлению новых и ярких талантов. С точки зрения демократического капитализма и традиционное, и социалистическое общества грешат против общего блага.

Западная цивилизация оказалась возможной, поскольку она восторжествовала над завистью. И достигла она этого в значительной мере благодаря изобретению рынка. Рыночный обмен требует взаимного доверия, уверенности в будущем общества, в стабильности валюты, в предоставленном кредите и полученном товаре. Ему также необходима информация о потребностях другой стороны, ибо каждая сделка — это в равной мере учет интересов и партнера, и своих собственных. Там, где существует рынок, обмен информацией прям и прост. Там, где рынок отсутствует, далекие власти гадают о потребностях и устраивают их по степени важности. Отношения обмена куда более гуманны, нежели отношения зависимости. По этой причине рынок исходит из принципа равенства как чего-то само собою разумеющегося (и способствует его укреплению), а там, где равенства нет, постепенно создает его. Социалисты, указывая на то, что равенство устанавливается медленно, делают вывод, что рынок должен быть ограничен в пользу правительственного вмешательства. В принципе демократические капиталисты не возражают против такого вмешательства, но судят о нем по тому, к чему оно приводит: к установлению равенства, приводящему на рынок новых участников, или к установлению отношений зависимости. В первом случае укрепляется добровольность отношений, второй путь опасен и безнравствен.

Кроме того, социализм как идея имеет риторическое превосходство над либерализмом, по крайней мере — в уже свободных обществах. Пока либеральные мыслители бьются над практическими вопросами, социалистические мыслители наслаждаются превосходством абстрактных идей. Социализм, переходя из страны в страну, укоренялся сначала главным образом среди представителей абстрактного мышления, которых привлекали лишь идеи общего характера, проблемы идеального будущего. В современных свободных обществах социализм противостоит не идеалам демократического капитализма, а существующему порядку. Таким образом, для очень большой группы лиц, поднаторевших в продаже новых идей своим клиентам, — священников, министров, ректоров университетов, глав благотворительных фондов, репортеров, журналистов, консультантов и советников всех мастей — социализм это всего лишь удобная позиция, с которой они могут заявить о своей оригинальности и критичной позиции. Носители социалистического образа мыслей пользуются репутацией людей с широким взглядом на будущее, по сравнению с которыми либеральные идеи кажутся бледными. Социализм, таким образом, обладает интеллектуальным престижем, недостижимым для идей

демократического капитализма. Он вбирает в себя почти все сферы абстрактного мышления за пределами узкоспециальных проблем, так что каждый, кто не хочет отстать от современной мысли, должен, по необходимости, думать в социалистических категориях. Те же, кто пользуется идеями демократического капитализма, несут бремя ответственности за существующее зло, конфликты и осложнения и легко оказываются в положении обороняющегося.

Причины, по которым мне трудно согласиться с демократическими социалистами, считающими «демократию коллективных действий» панацеей от всех мировых болезней, можно сформулировать следующим образом. Во-первых, это негодное средство для принятия решений в морально-культурной сфере, будь то религия, нравственность, искусство или литература. Здесь существуют свои специфические нормы. Во-вторых, это негодное средство для принятия решений в области экономики. Технический прогресс и управление производством, личная ответственность за труд и выбор

в области потребления — ни по одному из этих вопросов нельзя принять решение путем голосования. В-третьих, «демократия коллективных действий» требует слишком большого числа собраний, митингов и обсуждений, что противоре-

чит интересам большинства граждан и целям свободного общества. Кому-то, может быть, и нравится «участвовать в принятии всех жизненно важных решений». Но большинство людей хочет как можно меньше заниматься политикой. Право стремиться к счастью означает для них право время от времени критически поглядывать на принимающих решения политиков, которых они избрали, а основную часть времени отдавать решению своих жизненных проблем.

Вряд ли было в истории человечества другое общество, в котором существовало бы такое большое число всевозможных ассоциаций, комитетов, «групп действий», как общество демократического капитализма в США. Социализм, как видно, намерен заниматься всего лишь улучшением уже существующего. Если он делает это, он будет лишь далее развивать демократический капитализм. Но если он начнет укреплять административную власть, он повернет в сторону этатизма. Если он упразднит частную собственность и промышленные корпорации, он оставит граждан беззащитными перед лицом экономической власти бюрократического государства. Встретившись с чрезмерной властью большого бизнеса, социализм на деле обращает против граждан чрезмерную власть государства.

Наконец, демократический социализм спекулирует на представлении о том, что все «частное» — бизнес и рынки, например, — эгоистично, алчно, продажно, при этом даже не удосуживаясь взглянуть в историю эгоизма, алчности и продажности бюрократий (будь то церковь или государство), которые и в прошлом, и в настоящем претендовали на то, чтобы говорить от имени общества. Либерализм возник как защитная реакция индивидумов на всевластие церкви и государства. Утверждая, что он идет дальше либерализма, социализм на деле создал самый большой административный аппарат в человеческой истории. Социалисты игнорировали опасность тотальной коррупции, которую создает тотальная зависимость от государства.

Демократия оправдана не тем, что она обеспечивает всем равенство в достижении результатов, а тем, что даже наименее обеспеченные могут рассчитывать на то, что их положение улучшится. Демократия оправдана экономическим ростом и общественным оптимизмом, который он вызывает. Отведя экономическому росту незначительное место в системе приоритетов, социализм значительно способствовал превращению демократий в трудно управляемые структуры и разрушению легитимности демократий.

Таким образом, социализм — это не просто романтическая иллюзия. Он разрушает именно то, что намеревается сохранить.

Если идеал неосуществим — не значит ли это, что он не в ладу с реальностью?

55-летний заместитель председателя Моссовета **Юрий Седух - Бондаренко** вместе с 12 единомышленниками объявил голодовку. Депутат протестовал сначала против решения мэра Москвы поставить на должность начальника столичной милиции экономиста Красавченко, а затем и против физика Мурашова. Седух-Бондаренко считает, что этот пост должен занять генерал Комиссаров, назначенный еще в январе нынешнего года, но так и не вступивший в должность.

Седух-Бондаренко с товарищами уже голодал по этому поводу в апреле, однако тогдашний министр внутренних дел Б.Пугин не проявил заботы о здоровье депутатов: руководить московской милицией было поручено генералу Мыркову. После провала августовского путча и рапорта Мыркова об отставке справедливость должна была бы восторжествовать, но на этот раз против кандидатуры Комиссарова выступил Гавриил Попов.

Седух-Бондаренко, юрист по образованию, четверть века проработал в органах внутренних дел, дослужился до полковника.

Последние несколько лет преподавал в Академии МВД СССР.

Организатор голодовки считает нынешних руководителей Москвы своими политическими противниками. На весенних выборах мэра он голосовал против тандема Попов-Лужков и пытался выдвинуть на этот пост известную своими радикальными взглядами Татьяну Корягину. Депутат обвиняет мэра Москвы в стремлении к авторитаризму и пренебрежении мнением депутатов.

Седух-Бондаренко считает голодовку «крайней мерой» и никому не советует прибегать к ней для решения спорных вопросов,

если не использованы все «парламентские методы борьбы».

Имя 64-летнего брадильского композитора-песенника **Антонио Карлоса Жобима** отныне занесено на скрижали Зала Славы композиторов в Нью-Йорке. Жобим — автор более 600 музыкальных произведений, большинство из которых стали классикой жанра и исполняются на многих языках мира.

Сам композитор даже называет себя «миллионером», имея в виду не счет в банке, а огромное количество записей его песен в фонотеках. Его шедевры «Одна нота

самбы» и «Девушка с Ипанемы» исполняли практически все «звезды» эстрады и джаза — от Шер и Аструд Жильберто до Нэнси Уилсон и Эллы Фицджеральд.

Мазэстро «боссы новы», как почтительно именуют Жобима, отнесся к такой оценке своего вклада в искус-

ство с присущей ему скромностью: «Если занимаешься делом всю жизнь, неудивительно, что ко дню смерти оказываешься обвешан медалями».

Терпимость приведет к компромиссу

Два года назад 35-летний **Генрих Мартенс** купил номер «НВ» и в рубрике «Лица» прочитал о Всесоюзном обществе советских немцев «Возрождение», его председателем Генрихе Гроуте. Мартенс, собиравшийся эмигрировать в Германию из-за «бесперспективности положения советских немцев и засилья большевизма в СССР», решил отложить отъезд. Разыскал председателя «Возрождения», включился в движение советских немцев, а недавно создал и возглавил Союз в поддержку культуры немцев СССР.

Г.Мартенс окончил Политехнический институт в Донецке с дипломом горного инженера. Работал в геологоразведке на шахтах Донбасса, научным сотрудником в исследовательском институте. Свои политические взгляды определяет так: «Между демохристианами и социал-демократами».

Цель своего союза Г.Мартенс видит в возрождении национальной культуры и духовности советских немцев, пробуждении национального самосознания, а также в поиске денежных средств для финансирования многочисленных программ. В числе первых проектов, которые разрабатываются в союзе, — подготовка педагогов для немецких школ, разработка концепций учебников. Впрочем, Генрих понимает, что осуществление всего вышеперечисленного архисложно, если вообще возможно в условиях экономического и политического кризиса в стране.

Г.Мартенс и его союз занимают центристскую позицию в национальном немецком движении и не преследуют каких-либо политических целей. Генрих с опасением наблюдает за конфронтацией между двумя непримиримыми флангами в движении советских немцев. Сторонники радикальных действий во главе с обществом «Возрождение» выступают за немедленное восстановление автономной немецкой республики на Волге. Приверженцы созданного на деньги ЦК КПСС Союза немцев СССР придерживаются замедленных аппаратных путей решения проблемы. Они скорее за создание правительства без территории. Генрих надеется, что проповедуемая его союзом терпимость сможет привести оба фланга к компромиссу. Особые надежды он возлагает на открывающийся 18 октября в Москве Съезд немцев СССР.

34-летний **Тошпулат Тождидинов** основал вместе со своими единомышленниками и возглавил Народную академию культуры и общечеловеческих ценностей. Задача этой международной неправительственной организации, по словам Тождидинова, — «дать возможность узбекскому народу, представителям одной из древнейших цивилизаций, шире раскрыть свои лучшие духовные качества». Тошпулат считает, что этих целей невозможно достичь в условиях культурной оторванности от других народов. А потому в Центре духовного наследия при Народной академии, который распола-

гается в Москве, будут изучать не только ислам, но и христианство, буддизм, иудаизм...

Народная академия выделила на строительство крупнейшего в СССР религиозно-культурного центра в Бухаре 38 миллионов рублей. Борясь с «утечкой мозгов» в республике, ассоциация Тожиддинова субсидирует университет в Ташкенте, школы в республике, предоставляет наиболее талантливым детям — любой национальности — возможность обучения за границей. Благотворительной программой организации предусмотрено строительство сети детских амбулаторий в тех районах Узбекистана, где высока детская смертность. «Мы не берем ни у кого деньги, — говорит Тожиддинов, — мы зарабатываем их сами и отдаем людям».

Тошпулат учился на восточном факультете Ташкентского университета, получал ленинскую стипендию. А затем стал преподавать основы ислама и писать книги, которые распространялись под грифом «для служебного пользования». Его перу принадлежит объемная монография «Проблемы войны и мира в исламе». Загруженность работой не помешала Тошпулату стать счастливым мужем и отцом четверых детей.

Я.Боровой

Голландский велосипедист, чемпион мира среди слепых в групповой гонке на шоссе и гонке преследования на треке 35-летний Ян-Виллем Мюлдер приехал в Москву, чтобы победить на чемпионате Европы

Я.-В.Мюлдер (слева) и его пилот Р.Беймер

среди слепых. Ян-Виллем выступил вместе со своим пилотом (соревнования проводятся на тандемах, на первой позиции едет зрячий спортсмен) Рихардом Беймером. И еще раз доказал, что в велоспорте слепых равного ему нет:

голландский дуэт выиграл гонку преследования, стал вторым среди шоссейников; установил пять мировых рекордов.

Ян-Виллем окончил Социальную академию в Арнеме, работал в министерстве финансов Нидерлан-

дов программистом. Свободное время проводил на велосипеде. В 1982 году пришел первым на соревнованиях в своем родном городе Апелдорне, но уже за финишной чертой был сбит настигшей его группой велосипедистов. В больнице врачи определили почти полную потерю зрения...

И все же Ян-Виллем продолжил заниматься спортом. Сначала — легкой атлетикой. Дистанцию полумарафона пробегал с результатом, которому могли бы позавидовать многие стайеры: личный рекорд Ян-Виллема 1 час 13 минут. После нескольких месяцев упорного труда и непрерывных занятий

Мюлдер смог вернуться и за компьютер.

А.Любимов

У профессора Гао Иминя большое число титулов, званий и должностей: он член Комитета по фармакологии Минздрава Китая, вице-президент Пекинского общества иглотерапевтов, советник НИИ лекарственных препаратов АМН КНР, член правления пекинской ассоциации по изучению сочетания традиционной китайской и западной медицины, советник управления народной медицины Пекина. Несмотря на это, Гао Иминь — прекрасный практикующий врач.

Во главе небольшой делегации врачей он приезжал в нашу страну и провел пятидневный семинар. Профессор Гао Иминь и его коллеги продемонстрировали советским коллегам слайды и видеofilмы о лечении болевых синдромов центральной нервной системы, сосудистых патологий конечностей, показали приемы массажа «туйна», методы иглотерапии. Китайцы постарались помочь нескольким пациентам.

Увлечение советских людей лечением по телевизору, кажется, миновало — мы возвращаемся к «контактной» медицине. И лучше — импортной.

Рублевый риск — благородное дело

«Беспомощными детьми» называет американских бизнесменов на советском рынке 49-летний **Александр Кривцов**, содиректор совместного предприятия «Адаптек». К такому печальному выводу привел Кривцова анализ работы Американского торгового дома (АТД), созданного им и американской фирмой «Босмоско» в Москве. АТД представляет к оптовой продаже в СССР продукцию более 120 американских фирм. Однако слабое знание фирмами ситуации на советском рынке и недооценка мнения советских экспертов приводят к тому, что предлагаемые товары не находят большого спроса.

— Наши покупатели ориентированы на достаточно узкий круг товаров: дешевую одежду и обувь, бытовую технику, недорогие продукты питания, — рассказывает Кривцов. — Американские же партнеры желают продавать у нас клюшки для гольфа, наборы фотографий знаменитых бейсболистов и профессиональные стереодинамики по несколько сотен долларов за штуку.

Выход из ситуации Кривцов видит в создании международного коммерческого центра, при котором хочет открыть курсы «адаптации к условиям советского рынка».

До начала предпринимательской деятельности Кривцов много лет работал в научно-исследовательском институте Госснаба, а сейчас занимает должность доцента Института повышения квалификации.

Кривцов рекомендует американским бизнесменам открыть торговлю за рубли, не дожидаясь наступления их конвертируемости:

— Сегодня снимаются практически все запреты для иностранных фирм на рублевые инвестиции в СССР, к тому же я предлагаю американцам на первых порах рисковать, чтобы завтра выиграть, — говорит бизнесмен.

Однако пока лишь немногие компании, например шоколадный концерн «Марс», отважились на это.

Кривцов хочет помочь не только заокеанским партнерам в нашей стране, но и прокладывает «встречный путь» для советских на Запад. В октябре нынешнего года в Бостоне открывается «Советский магазин», где более полусотни организаций из России будут продавать свои товары. Кривцов надеется, что сможет отыскать свою нишу на избалованном американском рынке.

«Облако-рай» над озером Лаго-Маджоре

Непутевый Коля получает Серебряного
«Леопарда»

Нея Зоркая

Перенеситесь воображением в далекий чудный край и почувствуйте себя зрителями удивительного киносеанса.

Мы находимся в зале, где потолком служит глубокое, черное, южное небо. Партер — заполненные публикой ряды стульев прямо на мостовой. Стены — обрамившие площадь старинные дома-дворцы. С балконов, словно из лож, люди тоже смотрят фильм, и огромный светящийся экран замыкает пространство. В небе зажглась звездочка, другая, в палатке потихоньку гаснут окна, а кинокадры все бегут и бегут за полночь...

Это швейцарский городок Локарно близ итальянской границы и его центр — Пьяцца Гранде в пору Международного кинофестиваля. Один из старейших и уважаемых ежегодных европейских киносмотров, ныне уже 44-й по счету, фестиваль в Локарно имеет собственную неповторимую индивидуальность, свои традиции и особое обаяние: фестиваль ориентирован на новые творческие течения в киноискусстве, на новые имена и художественные поиски. Несмотря на солидный возраст, локарнский фестиваль всегда молод, истинно демократичен и лишен какого бы то ни было снобизма, всяких там «парадов звезд», соревнования туалетов и всего прочего, что мы, советские журналисты, всегда приписываем тамошним «буржуазным», противопоставляя им наши «подлинно народные» кинофестивали. И хотя патронами Локарно являлись весьма высокие лица, начиная с президента Швейцарской Конфедерации Флавио Котти, а среди спонсоров ни мало ни много был союз швейцарских банков и, например, «Филип Моррис», никакого «капиталистического» или «коммерческого» духа в штампованном нашем понимании почувствовать в Локарно не удалось. Если, конечно, не считать признаками «загнившего капитализма» безупречную организацию просмотров, пресс-конференций,

«круглых столов», встреч, приемов и всего остального, что образует праздничный, но трудовой и напряженный быт кинофестиваля. Информация и реклама на идеальном современном уровне, полная документация, мгновенный отклик прессы, фундаментальные каталоги текущей кинопрограммы, которые вручаются каждому участнику...

Пусть генеральный спонсор МКФ — XVI Российская товарно-сырьевая биржа пока уступает швейцарским банкам, пусть нашей полиграфии не тягаться с глянцевым рекламным дождем Локарно, но уж хотя бы любезность, дисциплина, ответственность фестивального обслуживания в наших руках, не правда ли? А в Локарно строгие юноши и девушки у входа на просмотры, не повышая голоса, испепеляют безбилетчиков так, что последним неловко, и все тут!

Пусть мы не можем построить для своих, русских, фестивалей такую «декорацию», как окруженное Альпийскими горами синее озеро Лаго-Маджоре. Как убегающие вверх зеленые склоны, где каждая часовня, каждый домик, каждая корзина цветов на окнах есть свидетельство шестисотлетней сохраняемой поколением материальной культуры. Но ведь и у нас немало (побольше, чем в миниатюрной Швейцарии!) живописных мест, пригодных стать очагами искусства и фестивальными центрами, а при определенных преимуществах столичного фестиваля, подобно нашему МКФ или «Берлинале», удобство малых городов или курортов для такого рода событий неоспоримо. В августовские дни Локарно истинно живет и дышит кинематографом. Все рядом: и конкурсные просмотры в большом современном зале спорткомплекса Феви, и сеансы во всех городских кинотеатрах, и неперемнная для каждого года ретроспектива одного из классиков мирового кино — на сей раз таковым был великий французский кинорежиссер Жак Беккер, известный в нашем прокате своими фильмами «Монпарнас, 19» и «Антуан и Антуанетта». Хорошо задейство-

ваны и достопримечательности кантона Тичино, где расположен город Локарно: многолюдные приемы по поводу открытия и закрытия фестиваля проходят в средневековой замке Каза Висконти, бывших правителей Ломбардии, к роду которых принадлежит и прославленный кинематографист Лукино Висконти. А все улицы и стены оклеены афишами и плакатами или с изображениями леопарда, или украшенными пятнистым леопардовым узором: ведь красивый зверь — эмблема фестиваля! И престижные к тому же и денежные, в тяжелых швейцарских франках, призы Локарно — это тоже Золотой, Серебряный и Бронзовые «Леопарды».

С раннего утра бесперебойно работает по сложной сетке фестивальной программа, а как стемнеет, просмотры переносятся под звездное небо Пьяцца Гранде: там идут избранные внеконкурсные картины, классические шедевры и призы Канна-91.

В этот раз у фестиваля был специальный интерес к «молодежной теме» — оказывается, это не только наше, советское, определение, как, впрочем, и «борьба с насилием и сексом на экране», и призывы к доброте и человечности посредством кино, постоянно звучавшие и там. Большинство фильмов содержанием своим имели вступление в жизнь юноши или подростка, встречу с добром и злом мира сего, первый опыт, зачастую горький, трудное возмужание. Панорама планеты, взятая в этом ракурсе и впечатляющая своей широтой, проплывала на экране уютного благоденствующего Локарно. Судьба 19-летнего парня — по национальности и гражданству алжирца, но выросшего во Франции и воспитанного истинным французом, но оказывающегося изгоем, «чужим» на обеих своих родинках, — во франко-алжирском фильме «Шеб» («Молодой»); история немецкой девушки — беженки из ГДР на Запад (действие накануне объединения), ее маргинальный статус в «свободном мире», обернувшимся унылым лагерем-приютом, ее вынужденные моральные падения и крепнущее сопротивление в фильме «Восточный крест» (ФРГ); унылое существование и драмы подростков, брата и сестры, у Магелланова пролива, на краю земли, отнюдь не поэтичной, как издали, по романсам, кажется, а дикой и пустынной, под изнурительным ветром. Нестерпимые мальчишеской душе открытия фальши и обмана под оболочкой феене-

«Джонни Суэд» — обладатель Золотого «Леопарда-91»

бельного итальянского «высшего общества» в картине «Удавка на шее» и беспощадная школа жизни, которую проходит герой французского фильма «Год пробуждения», сирота второй мировой войны, сначала в жестоких казармах училища, потом в боях в многострадальном Индокитае (действие этой одной из немногих фестивальных лент отнесено в 40-е годы, недавнюю историю, в основном же на экране — наши дни).

Бросаются в глаза социальная острота картин, звенящая струна гуманизма, внимание к человеческому неблагополучию, к незазаченным ранам и язвам современного общества. Мы горделиво считали такую направленность нашей, советской привилегией — ан нет! Пожалуй, только в одном фильме под названием «Н» (латинская буква, обозначающая наркотик героин) производства Канады в изображении страха, ада и распада личности (по-нашему нынешнему — «беспредела»), на которые обречена пара наркоманов, запертых в какой-то героиновой могиле, можно было усмотреть некую все же двусмысленность, балансирование на грани патологического натурализма и своеобразной эстетизации порока. Все же остальные произведения настолько чисты, ясны по своей концепции и искренни в своем гражданском звучании, что им мог бы позавидовать наистрожайший блюститель комсомольской морали.

Золотого «Леопарда-91» получил американский фильм «Джонни Суэд» режиссера-де-

бютанта Тома Дичилло, Серебряного — наш «Облако-рай» Николая Достая. Все здесь было интересно.

Начну с того, что фестиваль в Локкарно всегда был устойчиво доброжелателен к советскому кино, и многие наши режиссеры становились лауреатами («пальмарес», как их там именуют). В прошлом, 90-м году Золотого «Леопарда» за фильм «Случайный вальс» получила петербуржка Светлана Проскурина за свой фильм «Случайный вальс» (в этом году она стала согласно ритуалу членом официального жюри). Среди классических ретроспектив, которые проводятся с большой академической серьезностью, недавно были смотры Бориса Барнета и Льва Кулепова. В нынешнем году каждый советский участник фестиваля ощущал поистине волны симпатии и интереса, направленные к нашей стране. В частности, я была приглашена для работы в экуменическом (христианском) международном жюри — это постоянно подчеркивалось: «три протестанта, три католика и — впервые в Локкарно — одна русская православная — так объявляли об экуменической «команде», кстати, состоявшей, на мое счастье, из очаровательных людей и великолепных знатоков киноискусства.

В конкурсной программе (плюс несколько внеконкурсных информационных названий, в числе которых первый призер Москвы «Пегий пес, бегущий краем моря» Геворкяна) демонстрировались два новых фильма: уже упомянутый «Облако-рай» и «Ой, вы, гуси» (дебют и дипломная работа выпускницы Выс-

ших режиссерских курсов Лидии Бобровой).

Одна беда: ей, славной, с фильмом талантливым, честным, выношенным не повезло, хотя он был встречен тепло, имел зрительский успех и хорошую прессу. Но «подножку» ему, как это бывает, волей-неволей подставил свой брат, фильм «Облако-рай». Дело в том, что по жеребьевке он демонстрировался первым и стал, может быть даже неожиданно для нас, абсолютным фаворитом фестиваля. Скромная, немудрящая история некоего бедолаги Коли, который скуки ради сочинил и объявил соседям, что вот-вот уезжает из своего невзрачного поселка на романтический Дальний Восток, стал пленником своей байки и что из всего этого вышло, — этот камерный сюжет, воплощенный с большой любовью к персонажам, с

добротой, юмором и, я бы сказала, в истинно русской, гоголевской и чеховской национальной традиции, буквально покорило зрителей. Критика немедленно объявила фильм Достая претендентом на «золото». Овации в залах, рейтинг прессы, шум в кулуарах — решительно все предвещало картине «Облако-рай» абсолютное первенство. И лишь за два дня до финала американец Джонни Суэд, тоже очень симпатичная личность юного, ищущего себя, смешного и грустного рокера-неудачника, обошел нашего героя и отнесил его к Серебряному «Леопарду», забрав «золото» себе.

Николай Досталь (а значит, и его герой вместе с полюбившимся всем исполнителем главной роли Андреем Жигаловым) взял реванш количеством других призов и «специальных упоминаний», то есть почетных дипломов: экуменического жюри (у нас никаких споров не было, и решение было быстрым и единодушным), жюри молодых, жюри ФИПРЕССИ (Международной федерации кинопрессы), жюри Международной конфедерации художественного и экспериментального кино... Пять раз поднимался Николай Досталь на помост перед огромным экраном Пьяцца Гранде под шквал аплодисментов.

Улетали триумфаторами 18 августа.

А 19-го утром!.. И все-таки наше счастливое «Облако-рай» перелетело через трагические дни. Недаром там, в заповедной Альпийской долине, фильм признали посланцем «разделенной Надежды».

Имущество: движимое и не

Так и не пойму до сих пор — чего это все так задержались насчет имущества, будто свое. Имущество не имущество. КПСС не КПСС. Здесь опечатали, там самозахватили, а где-то уже и прахом пустили. На всякий случай. По доброй традиции коммунального хозяйствования. А учет-подсчет этакий занюханный? Ведь бабки-пролетарки, и абсолютно, и относительно обнищавшие и душой, и телом, и те в своих пожизненных очередях свой отходной пенсион социальной справедливости ухитряются с капзэсэсовскими миллиардами считать! А сыск возьмите? Похоже, все орлиное племя «железных феликсов», как и бравых омовцев, брошено на дознание — куда и как попрятали не имеющее пока истинной цены имущество ума, чести и совести эпохи нашей.

Выходит, она, КПСС-то, только идейно наяву процветала, а материально давно уже, со времен успешного построения в отдельно взятой стране, в ней же в подполье и пребывала. А мы все — теневая экономика да теневая экономика! До сих пор словно НПО — неопознанные партийные объекты — тут и там хитрые дачки да пансионаты всплывают...

Один хороший мужик, умница и пьяница, очень гуманно говаривал: коммунист должен жить хорошо. Хорошо-то как, а! А почему бы и нет, в самом деле, будто коммунист — это уже и не народ вовсе. Тогда как он плоть от плоти (да и кость от кости) народной. И чего это народ этот на него так оборзел, огрызился — он ведь, коммунист, ради него, народа, и старался. Он ведь по науке за него старался: сначала коммунизм в его персональной жизни восторжествовал, а уж потом с таким-то махом он неизбежно привел бы туда (поэтапно, конечно) и всю остальную плоть и кость народную. И что уж так и подождать не могли еще пару эпох? Нет, умом Россию не понять, аршином секретарским не измерить...

И чего же мы, народ, добились со своей несущ-

разной демократией? Вместо положенной после всякого социального катаклизма охоты на ведьм — охотой на ведьму занялись. И про картошку в мать-сырой земле забыли, и про острова Курильские. Ну и что! Ну, департизировали мы нашу КПСС, а дальше что? Ах, имущество ейное нам печенку проедает! Описи, реестры составляем, разнарядки на дележ выверяем: кому обком, кому пару членокаров, а кому и целый заказник охотничий.

Да полно-те! Куда же так мелочиться. Пусть кто-нибудь — спорю на четыре водочных талона! — назовет мне хоть один объект, объектик по всей Руси Великой (Казахстану, там, Армении или Чукотке), который собственностью КПСС не значился бы. Вы видели где-нибудь хотя бы са-

мую захудалую конторку, предпринятишко, колхозишко, чтоб без партсекретаря и начальника — члена партбюро какого-нибудь? Встречали вы речку какую судоходную, где не оказалось бы хоть одной плавучей посуды имени самой КПСС или ее очередного (внеочередного) исторического съезда? Нет, что ни говори, а без секретаря на голове мы с вами — полное ничто!

А сама земля, сами ее недра, леса, водные бассейны — разве не вездесущая КПСС владела всем этим (и владеет все еще!) от имени и во благо великого народа. И разве сам народ наш без мудрого всевышнего руководства сумел бы бандитскими руками какого-нибудь минводхоза в кратчайшие исторические сроки загубить все это в

назидание и нам, и нашим потомкам? Ведь и Его Трагическое Чернобыль мог и должен был произрасти исключительно на зловонной почве коллегиальной частной собственности КПСС. Собственности, не имеющей ни границ, ни аналогов в истории человечества! Простиравшейся и далеко за пределы оказавшейся в зоне коммунистического эксперимента на людях одной шестой части суши.

А мы сами, а вы сами, люди советские (теперь, читай, суверенные), разве мы чувствовали себя собственной собственностью? Да одним мановением руководящего именем КПСС пера партийного чинодрала любого из нас можно было обратить и в землю, и в ее недра, и просто в прах.

Вот этот-то «человеческий материал», из которого сооружались и мрамороносные дворцы, и каминные дачи для партийной сливки, и был (а во многом еще и остается) поистине стратегической собственностью КПСС. Потому-то и забота такая трогательная «о человеке», потому-то и «все для блага человека, все во имя человека» — ведь из него, человека, строился сам коммунизм. Как тут было не беречь да не преумножать эту нетленную и непреходящую социалистическую собственность!

Мы теперь кинулись отлавливать да пересчитывать жалкие миллиончики на домашних и закордонных счетах с грифом «КПСС». Да тем ли занялись, когда вся лежащая ныне в руинах империя партийного самодержавия — законная до самых последних антихунтовых дней собственность, «имущество КПСС»? Подумать бы всем вместе — как вернуть ее все тому же народу. Или хотя бы умным людям из его среды. А уж они-то, наверно, смогли бы распорядиться ею и в собственных, и всего народа интересах.

Но для этого самого малого недостает: нам самим, людям, окончательно департизировать, перейти в собственную собственность.

Виталий Ганюшкин

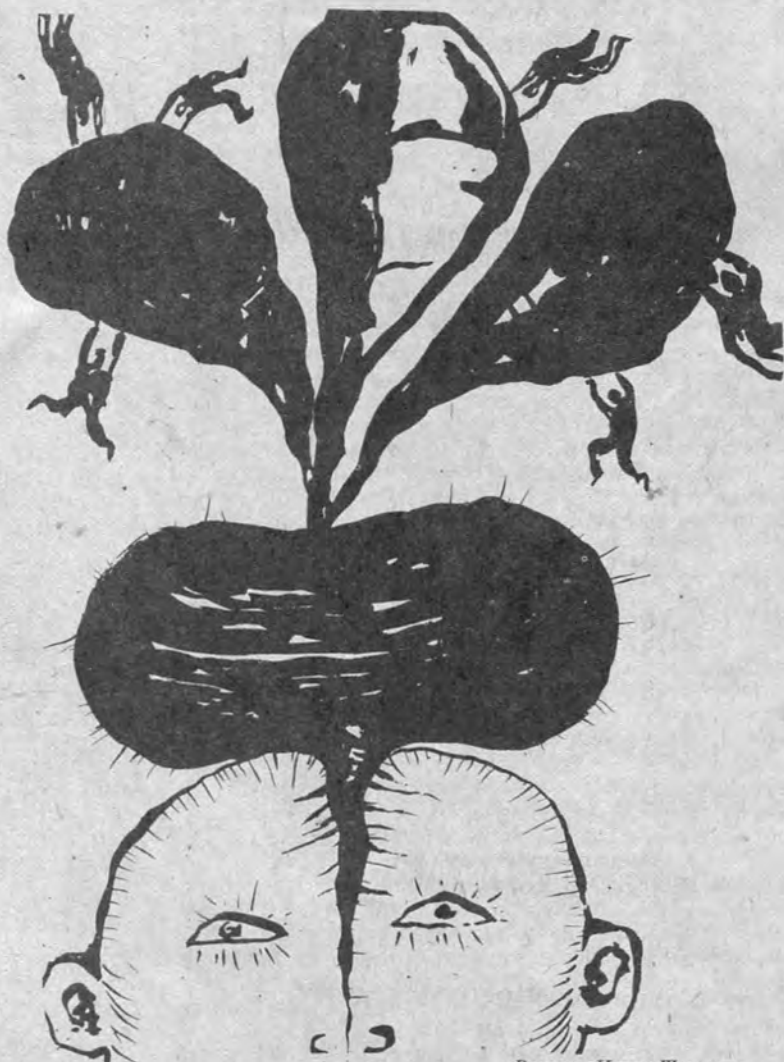
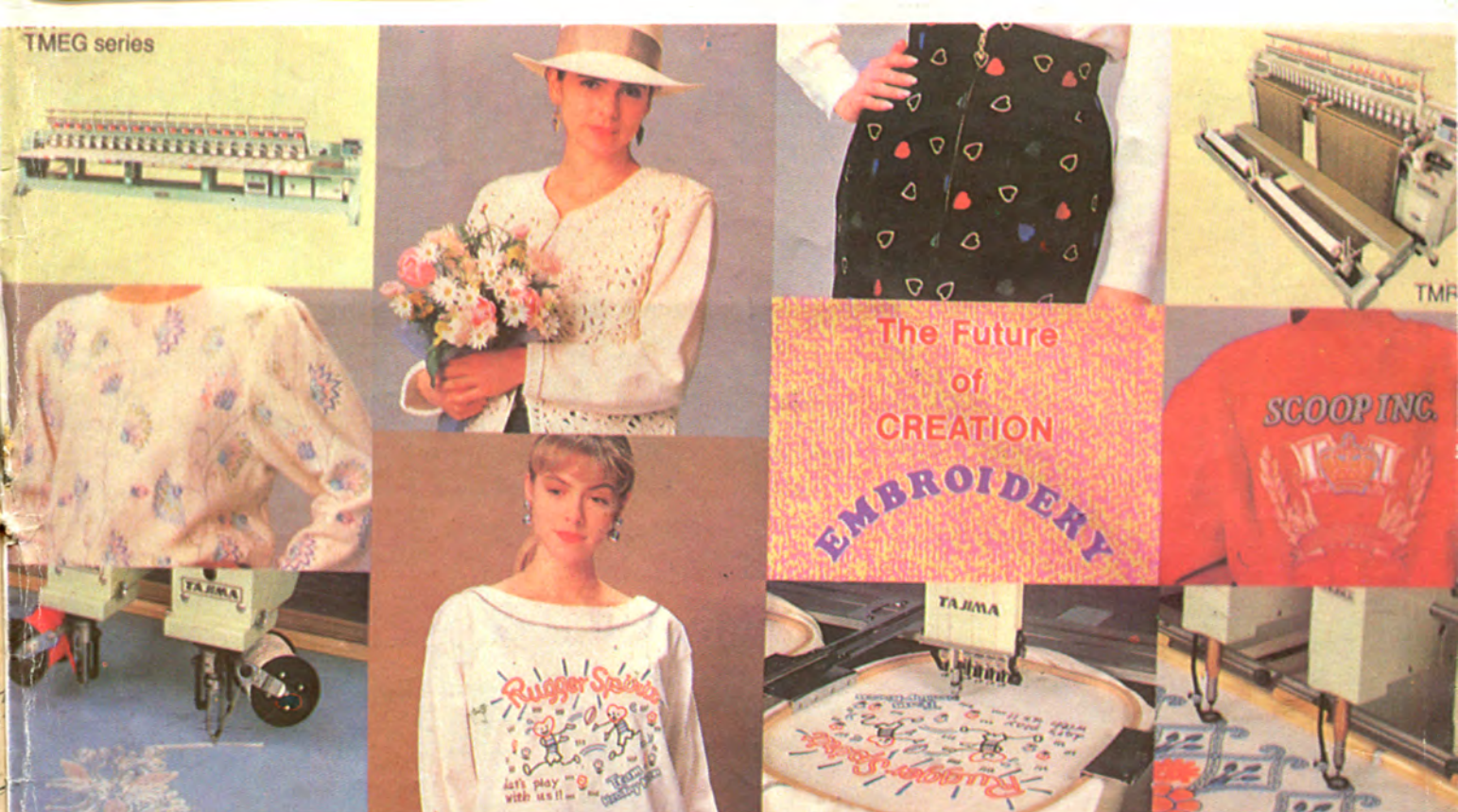

Рисунок Игоря Шеина

TMEG series

**Если Вы хотите создавать
конкурентоспособную продукцию,
которую будете представлять на внешнем
и внутреннем рынках,
Вам необходима вышивка.**

Технический сервисный центр фирмы «Таджима» и «Кокусай КОЭКИ» — это помощь в выборе наиболее подходящих для Вашего производства автоматических многоголовочных вышивальных машин, ознакомление с технологией вышивки, оказание любой консультации и содействие в приобретении вышивальных автоматов японской фирмы «Таджима».

«Таджима» — это кратчайшие сроки проведения пусконаладочных работ и гарантийного обслуживания на территории СССР (бесплатно).

За плату в советских рублях — подготовка специалистов для работы на вышивальном оборудовании и программистов по созданию рисунков и переводу их в программы, а также послегарантийное обслуживание.

Обеспечение запасными частями в СКВ и в советских рублях.

Ждем Ваших предложений!

**Адрес: Москва, Душинская ул., 14-а,
Технический сервисный центр «Таджима». Тел. 361-21-69.**

АНГЛИЙСКИЙ ДЛЯ ВСЕХ

Только в
книжном
магазине № 6
г.Москвы для
изучающих
английский язык
продается
«Семейный
альбом»
(производство
«Максвелл
Макмиллан»,
США, и
издательство
«Русский язык»,
СССР).
В создании
альбома
принимает
активное
участие
языковая школа
«Берлиц»,
которая имеет
свои филиалы в
120 странах,
включая СССР.

VIEWER'S GUIDE 1
EPISODES 1-13
HOWARD BECKERMAN

BERLITZ

Family Album, U.S.A.

TELEPLAYS BY
ALVIN COOPERMAN
AND GEORGE LEFFERTS

Стоимость альбома 25 руб. Это красочно иллюстрированное издание, которое будет интересно не только приступающим к изучению языка, но и имеющим уже некоторые разговорные навыки.

Адрес магазина — Москва, Кузнецкий мост, 18.